

Вестник НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ Московского университета

Основан в ноябре 1946г.

Серия 13

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

№ 2 • 2015 • АПРЕЛЬ–ИЮНЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Филология

- Фролов Д.В.* О принципах изоритмического перевода классической арабской поэзии на русский язык 3
- Громова Н.В., Урб М.Р.* Именные классы языка ндонде (по материалам полевого исследования) 12
- Гулидова Д.Н.* К вопросу об описании имени собственного в арабской языковедческой традиции (на материале трактата Ибн Йа‘иша “*Yarḥ al-Mufaṣṣal*”) 21
- Забережная О.А.* Эстетические взгляды писателя Сига Наоя 29

История

- Новакова О.В.* Город Фусуан – Хюэ: сакральная столица Нгуенов. XVII–XIX вв. 38
- Пальников А.М.* Возрастание роли исламского фактора в турецком обществе и его отражение в прессе (1945–1950) 51

Экономика

- Андреев Л.А.* Теневые институты финансовой системы Ирана 62
- Саакян А.Р.* Демографические изменения в Японии во второй половине XX – начале XXI в. и их влияние на численность и качественные характеристики рабочей силы 73

Критика и библиография

- Львова Э.С.* Африка. История и историки / Отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014 94

CONTENTS

Philology

<i>Frolov D.V.</i> Principles of the Adequate Rhythmic Translation of the Classical Arabic Poetry into Russian.	3
<i>Gromova N.V., Urb M.R.</i> Noun Class System in Ndongwe Language (Based on Field Research)	12
<i>Gulidova D.N.</i> On the Question of Describing Proper Nouns in the Arabic Linguistic Tradition (Based on Ibn Ya'īsh's treatise «Šarḥ al-Mufaṣṣal»)	21
<i>Zaberezhnaya O.A.</i> The Aesthetics of Shiga Naoya	29

History

<i>Novakova O.V.</i> Phu Xuan-Hue – Sacred capital of Nguyen emperors in 17–19 centuries	38
<i>Palnikov A.M.</i> Islamic Factor Growth in Turkey and its Depiction in Press after WWII (1945–1950)	51

Economics

<i>Andreev L.A.</i> Shadow institutions of financial system in Iran	62
<i>Saakyan A.R.</i> The Demographic Changes in Japan in the Second Half of the XX – Beginning of the XXI Century and their Influence on the Number and Quality Features of the Labor Force	73

Review Articles

<i>Lvova E.S.</i> Africa. History and Historians / Ed. A.B. Davidson. Moscow: Higher School of Economics Publishing, 2014	94
---	----

ФИЛОЛОГИЯ

Д.В. Фролов

О ПРИНЦИПАХ ИЗОРИТМИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА КЛАССИЧЕСКОЙ АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье предлагаются принципы передачи ритма арабской поэзии при переводе на русский язык в рамках существующей в русском стихе силлабо-тонической системы. Теоретическим основанием предложенных метрических эквивалентов является интерпретация системы ‘аруда, изложенная в работах автора, в том числе монографии автора «Классический арабский стих. История и теория ‘аруда». Работа рассчитана на исследователей арабской поэзии, студентов-арабистов, переводчиков.

Ключевые слова: классический арабский стих, ‘аруд, силлабо-тоника, логаэды.

The article proposes principles of the adequate rhythmic translation of the Arabic poetry into Russian within the accentual-syllabic system of the Russian verse. The theoretic foundation is the interpretation of the system of ‘arud exposed by the author in his publications including the monograph “Classical Arabic Verse. History and Theory of ‘Arud”. The article is intended for specialists in Arabic poetry, students of Arabic and translators.

Key words: Classical Arabic verse, ‘arud, accentual-syllabic system, logaoedic verse.

Классическая арабская поэзия, как и некоторые другие системы стихосложения, – это поэзия квантитативная. Ее размеры представляют собой схемы регулярного упорядоченного чередования звуковых сегментов разной длительности, создающего основу метра. Другими словами, ритм классического арабского стиха представляет собой вариацию альтернирующего ритма, где сильные (длинные) доли чередуются со слабыми (короткими) долями¹. Именно это упорядоченное чередование сильных и слабых долей в стихе может служить базой для воспроизведения основы ритма на другом языке, в ином фонети-

¹ Основой картины строя классической арабской поэзии в данной статье послужили работы автора: *Фролов Д.В.* Классический арабский стих. История и теория аруда. М., 1991; *Frolov D.* Classical Arabic Verse. History and Theory of ‘Arud. Leiden, 2000; *Frolov D.* Meter // Encyclopedia of Arabic Language and Literature. Vol. 3. Leiden, 2007. P. 107–115; *Frolov D.* Arabic Prosody // The Princeton Encyclopedia of Poetry & Poetics. 4th ed. Princeton Univ. Press, 2012. P. 72–75.

ческом и просодическом материале. В частности, для переводов на русский язык основой может стать характерное для русского стиха упорядоченное чередование ударных и безударных слогов, на котором стоит система силлабо-тоники². Именно так когда-то в русскую поэзию вошли, пройдя длинный путь, ямбы, хорей, амфибрахий и т. д., которые изначально, в античной поэзии были квантитативными размерами.

* * *

Классическая теория арабского стиха ('аруда) постулирует наличие шестнадцати размеров, из которых к создателю этой теории – ал-Халилу ибн Ахмаду (ум. 786) – восходит пятнадцать размеров, а шестнадцатый был введен в теорию его учеником и соперником – ал-Ахфашем (ум. 830). Однако в реальности размеров несколько меньше, поскольку три из теоретически признаваемых размеров никогда (!) не применялись в поэтической практике. Это размеры *муктадаб*, *мудару'* и введенный ал-Ахфашем *мутадарик*. Кроме того, как мы увидим далее, некоторые из оставшихся размеров фактически являются разными ритмическими вариациями одних и тех же метрических схем, что делает метрический репертуар классической арабской поэзии еще более узким, во всяком случае, с точки зрения принципов изоритмического перевода на русский язык.

Все размеры арабского стиха, как реально существующие, так и теоретически признаваемые, делятся с ритмической точки зрения на три группы или семьи. Каждая из семей основана на одной из трех вариаций базисного ритма: нисходящей (от сильной доли к слабой), восходящей (от слабой доли к сильной) и промежуточной, восходяще-нисходящей (где сильная доля занимает центральное место в стопе, обрамленная слабыми долями).

² См. иной подход к изоритмической передаче арабского стиха изложен: Долинина А.А. Предисловие // Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы / Пер. с араб. А.А. Долининой и Вл.В. Полосина. М., 1983. Там же. Долинина в соответствии со своими теоретическими установками перевела ряд знаменитых арабских касид. Подход этот основан на некогда популярной теории Г. Вайля, который предположил наличие в арабской метрике ударения как ритмообразующего фактора, см.: Weil G. Das metrische System des al-Xalil und der Iktus in der alt-arabischen Versen // Oriens 7 (1954); Weil G. Grundriss und System der alt-arabischen Metren. Wiesbaden, 1958; Weil G. Arūḍ // EI². Vol. 1. Leiden, 1960. P. 667–77. Теория эта в значительной степени потеряла свою популярность в результате основательной критики, которой она была подвергнута в конце прошлого века, см. помимо работ автора: Stoetzer W.F.G.J. Theory and Practice in Arabic Metrics. Leiden, 1989; Bohas G. and Paoli B. Rythme et mètre en poésie arabe // De la musique a la linguistique. Hommages a Nicolas Ruwet. Gand, 1992. P. 39–49; Bohas G., and Paoli B. Aspects formels de la poésie arabe. Toulouse, 1997. Подход, предложенный А.А. Долининой, равно как и ее прекрасные с литературной точки зрения переводы мы здесь не обсуждаем.

В первую метрическую семью входят размеры нисходящего ритма: *тавил*, *вафир*, *хазадж* и *мутакариб*³.

Базисный ритм, общий для всех этих размеров, может быть представлен следующим образом:

$$/ - (-) / - (-) / - (-) \dots^4$$

Начнем, как это всегда делают и арабские теоретики, с главного размера семьи, *тавила*. Этот самый частотный размер классической арабской поэзии, которым в зависимости от поэта или периода написано от трети до половины всех стихов. В этом отношении он похож на ямб в русской поэзии, хотя ритмически выглядит совсем по-иному. Это восьмистопный размер, который цезура делит на два полустипия. Его метрическая схема такова:

$$/ - / - - / - / - - / - / - - / - / - -^5$$

В качестве примера можно привести первый байт знаменитой *му'аллаки*⁶ доисламского поэта Имру'улкайса:

qifā nabki min dhikrā ḥabībin wa-manzilī
bi-siqti-l-liwā bayna-d-dakhūli fa-ḥawmalī

Постойте, поплачем, вспоминая возлюбленную и стоянку
На песчаных холмах между Дахулем и Хаумалем.⁷

³ Суммарная частотность размеров этой семьи, как правило, превышает барьер 50%, но у отдельных авторов она иногда доходит до семидесяти и более процентов стихов. В нее входят два из четырех основных размеров классической поэзии: *тавил* и *вафир*.

⁴ Знак (/) обозначает сильную долю. В арабской метрике это длинный сегмент (*ватид*), длиной в три моры (*харфа*), изофункциональный ударному слогу в классической русской метрике. Знак (-) обозначает слабую долю. В арабской метрике это краткий сегмент (*сабаб*), длиной в две моры, изофункциональный безударному слогу в русской метрике. Мы выбрали такое символическое обозначение сильных и слабых долей, которое позволило бы увидеть общую структурную основу ритма в двух поэтических системах, отвлекаясь от различного просодического материала, в котором она воплощена в зависимости от языка. Скобки в схеме означают, что вариации базисного ритма могут иметь как одну, так и две слабые доли в промежутке между сильными долями, в зависимости от того, о каком размере семьи идет речь. Особым случаем в этом отношении является размер *вафир*, в котором просодическая граница между двумя слабыми долями, идущими подряд, может отсутствовать, см. ниже.

⁵ Для тех, кто знаком с арабской нотацией, его схема выглядит так: *fa 'ūlun mafā 'īlun fa 'ūlun mafā 'īlun // fa 'ūlun mafā 'īlun fa 'ūlun mafā 'īlun*, или в записи, принятой в моих публикациях по 'аруду, упомянутых выше: 32 322 32 322 // 32 322 32 322.

⁶ Образом и идеальным образцом древнеарабской поэзии для всех последующих веков стал сборник *касыд* доисламских поэтов, которые получили название *му'аллак* (этимология термина не совсем ясна). Состав сборника в разных изводах не одинаков. В одних версиях в него входит семь произведений, в других – десять. В этой статье примеры мы в основном берем из этого сборника.

⁷ Перевод здесь не эквиритмический, он выражает только смысл. Моя попытка передать ритм (в основном за счет точности) выглядит примерно так: Стойте, слезы бегут, а в памяти // дева, бывшая здесь когда-то.

С разбиением на стопы стих выглядит так:

qifā nab/ki min dhikrā/ ḥabībin/ wa-manzilī

*bi-siqṭi-l/-liwā bayna-d/-dakhūli/ fa-ḥawmalī*⁸

Попробуем представить себе, как мог бы выглядеть стих с таким размером по-русски⁹:

Тонконогая (вар. крепко сбитая), с черной гривую
Легкой поступью разбежалася.
Вольным воздухом легче дышится,
Хоть душа моя исстрадалася.
Меч мой востренный мне защитою.
Знают витязи сталь дамасскую.
Словно молния вспыхнет белая,
Кровью вражеской оmyвается.

Схема этого стиха (/ - / - - / - / - - / - / - - / - / - -) соответствует в русском стихе понятию «логаэды», которое разрабатывал применительно к русской метрике М.Л. Гаспаров. Он определял логэды в тоническом (или силлабо-тоническом) стихосложении как «стихи, в которых ударения располагаются внутри стиха с неравными слоговыми промежутками, и это расположение ударений точно повторяется из стиха в стих».¹⁰ Кстати логэды и пришли в русскую поэзию из античной поэзии, и употреблялись первоначально, как упоминает М.Л. Гаспаров, «в переводах античной и восточной поэзии».

В данном случае размер, воспроизводящий ритм *тавила*, образуется из упорядоченного сочетания хореических и дактилических стоп.

Два следующих размера этой группы – *вафир* и *хазадж* – в теоретическом представлении отличаются друг от друга, однако в реальной поэтической практике они оказываются фактически ритмическими вариациями одного размера. К такому же выводу подталкивает и сопоставление частотности двух размеров в метрическом репертуаре классической арабской поэзии: *вафир* имеет частотность от 12% до 20%, а иногда и более, в то время как *хазадж* редко превышает 2–3%¹¹.

⁸ Внимательный читатель может заметить, что некоторые стопы не вполне соответствуют идеальной метрической схеме размера, но это для поэзии на любом языке – дело обычное, и нас в данном случае оно занимать не должно.

⁹ В качестве образцов ритмических эквивалентов арабских размеров по-русски мы комбинируем вольные переводы, подражания и вариации на тему. Мы были вынуждены сами изготовить эти образцы, поскольку взять их было неоткуда. Автор убедительно просит воспринимать эти строки, воспроизводящие ритм и – отчасти – образность арабской поэзии, именно как эксперимент, предназначенный проиллюстрировать теоретические выкладки, и ничто иное.

¹⁰ Гаспаров М.Л. Логэды // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003. С. 485–486.

¹¹ См. статистические подсчеты: Фролов Д.В. Классический арабский стих. С. 171–184.

Дело в том, что стопы, которые согласно теории 'аруда, образуют эти размеры, отличаются лишь в одном моменте. Стопа, повтор которой образует *вафир*, – *mufā'alatun*, или 34, а стопа, повтор которой образует *хазадж*, – *mafā'īlun*, или 322. Разница между ними в том, что в первом случае снята метрически значимая просодическая пауза между двумя *сабабами* (22), в результате чего они сплавлены в единый сегмент в четыре моры (*харфа*). Однако ритмически это очень незначительная вариация, в чем-то похожая на пропуск ударения в двухсложных размерах или, напротив, на сверхсхемное ударение в трехсложниках.

В стихах, написанных в размере *вафир*, доля стоп 322 ничуть не меньше, чем стоп 34, причем достаточно часто попадают строки, иногда даже несколько строк подряд, где все стопы имеют форму 322, и тогда *вафир* становится неотличим от *хазаджа*.

Фактически, различием этих размеров являются две вещи. Первое, как эксплицитно утверждают арабские теоретики 'аруда, если вы считаете размер стиха, и вам хотя бы раз (!!!) в какой-то строке попадет стопа 34, то это *вафир*, а если нет – то *хазадж*. Второе, длина стиха, поскольку *вафир* это шестистопный размер с цезурой, а *хазадж* – четырехстопный размер с цезурой. Теоретически постулируется и четырехстопный *вафир*, однако арабские стиховеды часто жалуются, что все всегда путают его с *хазаджем*.

Я отнюдь не утверждаю, что в арабской системе стихосложения это один и тот же размер. Я лишь хочу сказать, что для изоритмического перевода соответствующих арабских стихов на русский язык и поиска им эквивалента из тех возможностей, которые дает привычная нам силлабо-тоническая система, различием между этими двумя размерами – *вафир* и *хазадж* – можно пренебречь, ибо в этом различии все-таки больше теории, чем реальности стиха.

Тогда для схем: / - - / - - / - (-)¹² / - - / - - / - (-) (*вафир*) или: / - - / - - / - - / - - (*хазадж*), мы легко находим эквивалент. Это шестистопный или четырехстопный дактиль.

Мы полагаем, что здесь и далее нет необходимости подробно иллюстрировать то, как выглядят основные силлабо-тонические размеры русского стиха. Приведем, однако, вольное эквиритмическое переложение зачина *му'аллаки* 'Амра ибн Кулсума (шестистопный *вафир*):
Ну-ка, буди нас скорее // Чашей вина, да получше.

Последний размер данной группы размеров – *мутакариб*, достаточно частый в арабской поэзии (доля которого около 5%), не представляет особых трудностей при поиске соответствия, поскольку его схема:

¹² Последний элемент строя стиха *сабаб*, или последний «метрический слог» в размере *вафир* обычно опускается.

можно встретить строки *камил*, состоящие только из стоп 223. Однако стопа 223 является строевой для другого размера – *раджаза*, одной из древнейших форм арабской поэзии.

Фактически, принципиальное различие между двумя размерами не в ритме, а в конфигурации строки. *Камил* – размер шестистопный или четырехстопный, как было отмечено выше, а *раджаз* – размер изначально короткий, трехстопный или даже двухстопный. Когда же в аббасидское время появился, точнее, был искусственно изобретен длинный шестистопный *раджаз* с цезурой, единственным отличием *камил* от него осталось лишь хотя бы однократное употребление в нем стопы 43¹⁸.

Размеры же *сари'* и *мунсарих* – это, по сути, лишь вариации *раджаза*, первая с особой деформацией конечного рифмуемого слова, а второй – со сдвигом сильной доли на один шаг вперед, аналогичный сдвигу ударения со своего места в русском стихе. При изоритмическом переводе этих трех размеров на русский язык их эквивалентом оказывается анапест, при этом, если следовать оригиналу, допускающий довольно большую свободу варьирования ритма.

* * *

Остается третья семья, возникающая из метризации вариаций третьего базового, восходяще-нисходящего ритма, который можно представить так:

- / - - / - - / - ...

В эту группу входят три размера – *рамал*, *хафиф* и *мадид*¹⁹.

Четырехстопный (но иногда бывающий и шестистопным) *рамал*, образованный повторением стопы: - / - (*fā' lātun*, или 232), имеет своим эквивалентом в русском стихе амфибрахий.

Шестистопный (или четырехстопный) *хафиф*, схема которого: *fā' lātun mustaf' ilun (fā' lātun) // fā' lātun mustaf' ilun (fā' lātun)*, или: 232 223 (232) // 232 223 232, ритмически эквивалентен логадному стиху со схемой: - / - - - / - / - / - - - / - / -, в котором амфибрахические стопы упорядоченно чередуются с анапестическими. Ритм размера по-русски может выглядеть примерно так:

Взгрустнулось. Уезжает Асма,
А скольким надоело вместе²⁰.

* * *

¹⁸ Ср. то, что было сказано выше о различии между *вафиром* и *хазаджем*.

¹⁹ Этот размер с частотностью примерно 0,3–0,5% мы специально здесь не рассматриваем. Суммарная же доля этой ритмической семьи обычно не превосходит 5–10%, хотя в аббасидской поэзии есть школы, которые используют два первых размера более широко.

²⁰ Вариации на тему зачина му'аллаки ал-Хариса ибн Хиллизы.

Подводя итоги, можно сказать, что:

1) при изоритмическом переводе арабских классических размеров на русский язык доминирующими оказываются трехсложники (дактиль, анапест, амфибрахий) и неклассические размеры – логаэды;

2) преобладают дактиль и анапест, а также логаэды на их основе. Именно они представлены четырьмя основными размерами арабской поэзии: тавилем, баситом, вафиром и камилем, на долю которых приходится до 90% всех стихотворений арабской классики;

3) из двухсложных размеров присутствует только хорей, и что самое удивительное – полностью отсутствует ямб. Схема ему соответствующая хотя и была введена в теорию уже после ал-Халила под названием *мутадарика*, см. выше, но так никогда и не стала реальностью поэтической практики.

В заключение представим таблицу арабских размеров и возможных им соответствий в русском стихе:

Арабский размер	Русский эквивалент
<i>Тавил</i>	логаэд (упорядоченное чередование хорейческих и дактилических стоп)
<i>Вафир</i> , <i>хазадж</i>	дактиль
<i>Мутакариб</i>	хорей
Басит	логаэд (упорядоченное чередование анапестических и ямбических стоп)
<i>Камил</i> , <i>раджаз</i> , ²¹ <i>сари</i> ’, <i>мунсарих</i>	анапест
<i>Рамал</i>	амфибрахий
Хафиф	логаэд (упорядоченное чередование амфибрахических и анапестических стоп)

Проверкой любых теоретических положений является практика. Хочется надеяться, что предложенная система ритмических эквивалентов арабским размерам в русском стихе окажется удобной для тех, кто занимается или решит заняться поэтическим переводом классических арабских стихов и сделает сами переводы более адекватными. В результате до русского читателя может прийти не только слово, но и ритм этой поэзии, одновременно и напоминающий своим звучанием русскую поэзию, и совсем иной.

²¹ Архаический доисламский фольклорный *раджаз* отличается обилием разнообразных отклонений. Он с трудом вписывается в теоретическую схему, постулированную для него ‘арудом. Его точнее всего передавать, вероятно, дольником с преобладанием восходящего ритма.

Список литературы

- Долинина А.А. Предисловие // Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы / Пер. с арабского А.А. Долининой и Вл.В. Полосина. М., 1983.
- Гаспаров М.Л. Логаэды // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003. С. 485–486.
- Фролов Д.В. Классический арабский стих. История и теория аруда. М., 1991.
- Bohas G., and Paoli B. Rythme et mètre en poésie arabe // De la musique a la linguistique. *Hommages a Nicolas Ruwet*. Gand, 1992. P. 39–49.
- Bohas G., and Paoli B. *Aspects formels de la poésie arabe*. Toulouse, 1997.
- Frolov D. *Classical Arabic Verse. History and Theory of 'Arud*. Leiden, 2000.
- Frolov D. *Meter* // *Encyclopedia of Arabic Language and Literature*. Vol. 3. Leiden, 2007. P. 107–115.
- Frolov D. *Arabic Prosody* // *The Princeton Encyclopedia of Poetry & Poetics*. 4th ed. Princeton Univ. Press, 2012. P. 72–75.
- Stoetzer W.F.G.J. *Theory and Practice in Arabic Metrics*. Leiden, 1989.
- Weil G. *Das metrische System des al-Xalil und der Iktus in der altarabischen Versen* // *Oriens* 7 (1954).
- Weil G. *Grundriss und System der altarabischen Metren*. Wiesbaden, 1958.
- Weil G. *Arūd* // *EI²*. Vol. 1. Leiden, 1960. P. 667–77.

References

- Dolinina A.A. *Predislovie (Introduction)* // *Araviiskaya starina. Iz drevnei arabskoi poezii i prozy* / Per. s arabskogo A.A. Dolininoi i Vl.V. Polosina. Moskva, 1983.
- Gasparov M.L. *Logaedy* // *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii*. Moskva, 2003. S. 485–486.
- Frolov D.V. *Klassicheskii arabskii stikh. Istoriya i teoriya aruda (Classical Arabic Verse. History and Theory of 'Arud)*. Moskva, 1991.
- Bohas G., and Paoli B. *Rythme et mètre en poésie arabe* // *De la musique a la linguistique. Hommages a Nicolas Ruwet*. Gand, 1992. P. 39–49.
- Bohas G., and Paoli B. *Aspects formels de la poésie arabe*. Toulouse, 1997.
- Frolov D. *Classical Arabic Verse. History and Theory of 'Arud*. Leiden, 2000.
- Frolov D. *Meter* // *Encyclopedia of Arabic Language and Literature*. Vol. 3. Leiden, 2007. P. 107–115.
- Frolov D. *Arabic Prosody* // *The Princeton Encyclopedia of Poetry & Poetics*. 4th ed. Princeton Univ. Press, 2012. P. 72–75.
- Stoetzer W.F.G.J. *Theory and Practice in Arabic Metrics*. Leiden, 1989.
- Weil G. *Das metrische System des al-Xalil und der Iktus in der altarabischen Versen* // *Oriens* 7 (1954).
- Weil G. *Grundriss und System der altarabischen Metren*. Wiesbaden, 1958.
- Weil G. *Arūd* // *EI²*. Vol. 1. Leiden, 1960. P. 667–77.

Сведения об авторе: Фролов Дмитрий Владимирович, докт. филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор, зав. кафедрой арабской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: arabphilology@iaas.msu.ru

About the author: Frolov Dmitry Vladimirovich, doctor of sciences, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS), professor, Head of the Department of Arabic philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: arabphilology@iaas.msu.ru

Н.В. Громова, М.Р. Урб

ИМЕННЫЕ КЛАССЫ ЯЗЫКА НДОНДЕ (по материалам полевого исследования¹)

В статье рассматривается ключевая проблема языков банту, а именно система именных классов в языке ндонде. Язык ндонде находится на грани исчезновения, поэтому фиксация грамматических данных этого языка представляется актуальной. Данные полевого исследования позволяют выделить 18 именных классов. Каждый класс анализируется с позиции его грамматической и лексическо-семантической характеристик.

Ключевые слова: полевое исследование, бантуистика, язык ндонде, система именных классов.

The article deals with the key problem of bantu studies namely the noun class system in Ndonge. Ndonge is a language that is at risk of falling out of use as its speakers shift to speaking another language. Therefore, language documentation of Ndonge grammar is considered to be important. Basing on field research data Ndonge nouns are classified into 18 noun classes. The article is devoted to the analysis of grammar and lexical semantic characteristics of each of these noun classes.

Key words: field research, bantu studies, Ndonge language, noun class system.

Язык ндонде относится к языкам банту: по классификации языков банту М. Гасри² и уточненной классификации И. Бастен³ он входит в зону юго-восточных банту в группу Р. 20 наряду с языками яо, мвера, маконде и др. В отличие от языков его группы, довольно полно исследованных и описанных в научной литературе по бантуистике, по языку ндонде нет никаких работ⁴.

Более того, язык ндонде находится на грани исчезновения: если в 1987 году численность говорящих на нем составляла приблизительно 33 000 человек⁵, то в 2007–2008 гг. она снизилась до 2458 человек⁶, и

¹ Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований. URL: <http://www.ffi.ru>. Проект А-21-14 «Полевое исследование языка ндонде».

² Guthrie M. The classification of the Bantu languages. Oxford, 1948.

³ Bastin I. Les langues bantoues. Inventaire des etudes linguistique. Paris, 1978.

⁴ Maho J.F., Sands B. The languages of Tanzania. A Bibliography. Acta universitatis Gothoburgensis, 2002. P. 203.

⁵ Ibidem.

⁶ Atlasi ya lugha za Tanzania. Chuo Kikuu cha Dar es Salaam, 2009.

по нашим наблюдениям во время проведения полевого исследования на юге Танзании в октябре 2014 г. число владеющих языком ндонде продолжает сокращаться. Так, студент 2-го курса университетского колледжа в г. Мтвара, который родился в районе проживания этноса ндонде и сейчас живет там при том, что его дедушка и бабушка по происхождению ндонде и говорят на этом языке, знает только десяток слов на ндонде. Язык ндонде и культуру этого этноса хранят лишь люди старшего поколения.

Такая ситуация, известная под названием “‘language’ death”, имеет в условиях Танзании простое объяснение: экспансия языка суахили, объявленного государственным, на котором ведется обучение в семи классах начальной школы, рост больших городов с оттоком сельской молодежи, увеличение числа межэтнических браков и т. п.

Носителям языка ндонде были предъявлены анкеты, составленные на основе двухсотсловного списка Сводеша (*The Swadesh wordlist*) с добавлением африканских реалий. Нам удалось опросить шесть информантов из разных сельских районов южной Танзании. Сопоставление и анализ их ответов позволяет дать предварительное описание системы именных классов языка ндонде.

Именная система в языках банту является важной грамматической категорией, которая определяет все уровни языка. Поэтому наше исследование начиналось именно с выявления особенностей именной системы ндонде. Как известно, бантуисты считают, что «наиболее адекватное описание системы именных классов возможно лишь при условии учета трех аспектов: морфологического, синтаксического (согласовательного) и семантического»⁷. В данной статье будут учтены только два критерия – морфологический и семантический. Описание всей согласовательной цепочки требует дальнейшего исследования.

В языках банту насчитывается до 27 классных оппозиций. В языке ндонде именных классов меньше. Морфологический критерий, а именно форма префикса имени существительного, позволяет выделить 18 классов. Каждый именной класс получает цифровое обозначение в соответствии с общепантуской классификацией, предложенной В. Бlikle и К. Мейнхофом⁸.

⁷ Аксенова И.С., Топорова И.Н. Введение в бантуистику. Имя. Глагол. М., 1990. С. 13–14.

⁸ Bleek W.H.J. A comparative grammar of South African languages. L., 1869; Meinhof C. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. Hamburg, 1948 (Berlin, 1906).

№ класса	Общепантуский именной префикс	Именной префикс ндонде
1	*mu	mu-, mw-
1A	–	Ø, a-
2	*ba	wa-
3	*mu	mu-, m-
4	*mi, mi	mi-
5	*di, di, yi, yi	li-
6	*ma	ma-, m-
7	*ki, ki	ki-, chi-
8	*bi, bi	vi-
9	*ny	in-, ny-, m-, Ø
10	*ny, di _{ny} , di _{ony}	di-
11	*du	lu-
12	*ka	ka-
14	*bu-	u-
15	*ku	ku-
16	*pa	pa-
17	*ku	ku-
18	*mu	mu-

Семантические особенности именных классов в языке ндонде.

Семантика 1-го класса

Обычно при описании семантики того или иного класса учитываются два аспекта – грамматическая и лексическая семантика. Что касается грамматической семантики, именам 1-го класса свойственно только единственное число, а также признак личности (по классификации К. Мейнхофа, это «класс людей»¹⁰). По этому признаку 1-й класс отличается от большинства других классов (за исключением 1A и 2-го).

В этом классе обнаруживаются наименования разных лиц по возрастным, социальным, профессиональным свойствам, родственным отношениям, по этнической и религиозной принадлежности и др., например:

⁹ Под знаком * приводятся общепантуские формы именных префиксов по классификации М. Гасри: *Guthrie M. Comparative Bantu. Vol. 1–4. L., 1967–1971.*

¹⁰ *Meinhof C. Die afrikanischen Klassensprachen in ihrer Bedeutung für Geschichte der Sprache // Scientia. Ann. XXV. Vol. L. № CCXXXIII-9. Series III. 1931. P. 165–173.*

muundu ‘человек’, *mwana* ‘ребенок’, *mpakani* ‘сосед’, *mkongwe* ‘жена’ и др.

Семантика класса (подкласса) 1-го А

Так же как и 1-й класс, подкласс 1-й А характеризуется признаками единственного числа и личности/одушевленности.

Лексическая семантика этого класса совпадает с таковой 1-го класса, т. е. сюда входят различные наименования людей, особенно много терминов родства, например: *lusla* ‘малыш’, *gido* ‘женщина’, *tata* ‘мать’, *mati* ‘тетя’, *waki* ‘дедушка’, *wavi* ‘бабушка’. При этом многие суахилийские заимствования оформляются префиксом а-: *akaka* ‘брат’, *ajomba* ‘дядя’ по аналогии с исконными терминами родства типа *atata* ‘отец’, *amavi* ‘сестра’.

Однако в 1-й А класс помимо наименований людей входят также названия животных, возможно тотемных, например: *nyehe* ‘птица’, *hawanga* ‘собака’, *hyomba* ‘рыба’ и др.

Семантика 2-го класса

Грамматическая семантика 2-го класса заключается в образовании множественного числа для 1-го и 1-го А классов: *wakongwe* ‘жены’, *walusla* ‘малыши’, *wahawanga* ‘собаки’.

Лексическая семантика также совпадает с 1-м и 1-м А классами.

Семантика 3-го класса

Для грамматической семантики этого класса характерен признак сингулярности.

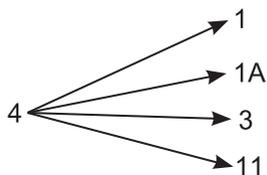
Особенностью лексико-семантической структуры 3-го класса является отсутствие признака «личность/одушевленность». По семантической классификации К. Мейнхофа¹¹, этот класс условно назван «классом деревьев», однако набор лексических значений входящих в него существительных значительно шире: кроме названий разных растений и деревьев, в этом классе встречаются также наименования различных природных феноменов, частей тела человека и животного, сезонов года и др., например: *mlandi* ‘дерево’, *mkongo* ‘порода деревьев’, *mhitu* ‘лес’, *mwedi* ‘луна’, *mwanga* ‘небо’, *mwenge* ‘огонь’, *mmele* ‘тело’, *mutwe* ‘голова’, *muhi* ‘день (светлое время суток)’ и многие другие.

Семантика 4-го класса

По числовому признаку существительные 4-го класса являются плюральными коррелятами 3-го класса. При этом в 4-м классе содержится ряд существительных, не имеющих коррелята единственного числа 3-го класса, т. е. имеющих значение *pluralia tantum*: *miayi* ‘кровь’.

¹¹ Ibidem.

Коррелят единственного числа может входить в состав других классов, например: *mikege* ‘женщины’ < *mkege* (1-й класс), *miyongo* ‘змеи’ < *nyongo* (1-й А класс), *michila* ‘хвосты’ < *uchila* (11-й класс). Числовая корреляция 4-го класса представлена следующим образом:

Лексическая семантика соотносима с однокорневым именем существительным 3-го класса или соответствующими существительными других классов, т. е. 1-го, 1-го А и 11-го классов.

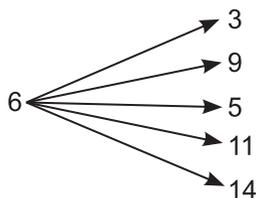
Семантика 5-го класса

Грамматическая семантика 5-го класса характеризуется наличием признака единственного числа, а для ряда существительных – признаком *singularia tantum* (например: *lihuhunga* ‘пыль’). В языках банту 5-й класс имеет также оценочный признак аугментативности/пейоративности. В языке ндонде этот признак не реализован.

Лексическая семантика отличается разнообразием. Здесь обнаруживаются названия круглых по форме предметов, плодов и частей растения, частей тела человека и животного, некоторых природных объектов и др., например: *liyai* ‘яйцо’, *lilombe* ‘кукуруза’, *liyamba* ‘листок’, *likongwa* ‘кора’, *litumbo* ‘живот’, *liduwa* ‘солнце’, *liwingu* ‘облако’ и др.

Семантика 6-го класса

6-й класс в отличие от 2-го и 4-го классов множественного числа имеет более сложную грамматическую семантику. Кроме выражения плюральности соответствующих коррелятов единственного числа (*litumbo* ‘живот’ > *matumbo* ‘животы’) префикс этого класса *ma-* маркирует имена существительные *pluralia tantum*. Обычно это названия жидкостей, например: *maasi/machi* ‘вода’, *mahuta* ‘жир, растительное масло’, *medi* ‘снег/лед’ и др. При этом 6-й класс осуществляет корреляцию по числу не только с 5-м классом, но также и с рядом других классов, например: *makoti* ‘шеи’ < *ukoti* ‘шея’ (14-й класс), *madodo* ‘стопы’ < *ludodo* ‘стопа’ (11-й класс), *madila* ‘дороги’ < *indila* ‘дорога’ (9-й класс), *mawiko* ‘фрукты’ < *mwiko* ‘фрукт’ (3-й класс). Так, корреляция по числу 6-го класса представлена следующим образом:

Примерно такую же картину можно наблюдать и в других языках банту, например в суахили, где префикс *ta-* нейтрализует категорию класса во множественном числе¹².

Лексическая семантика находится в соответствии со значением имени существительного 5-го класса. Также лексическая семантика расширяет свои границы за счет семантики соответствующих существительных других классов единственного числа.

Семантика 7-го класса

В плане содержания грамматическая семантика этого класса характеризуется признаком сингулярности.

Лексико-семантическая структура 7-го класса, который называют «классом вещей», включает названия различных предметов, например: *chipula* ‘нож’, *chilongo* ‘горшок’. За пределами ядерного состава класса находятся существительные, обозначающие части тела (*chihua* ‘грудная клетка’, *chala* ‘рука’), некоторые явления природы (*chilo/kilo* ‘ночь’), наименование животных (*chiboko* ‘бегемот’) и др.

Семантика 8-го класса

Для грамматической семантики характерен признак плюральности.

Лексическая семантика соответствует таковой существительных 7-го класса.

Семантика 9-го класса

Общим грамматическим признаком существительных 9-го класса является категория сингулярности, не имеющая регулярного соответствия во множественном числе. Ряд существительных этого класса можно определить как *singularia tantum*, например: *baridi* ‘холод’, *kiu* ‘жажда’.

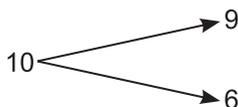
Лексическая семантика неоднородна и не может быть сведена к отдельным минимальным семантическим разрядам. По общекбантуской семантической классификации К. Мейнхофа этот класс определяется как «класс животных», но кроме наименований домашних и диких

¹² См.: Громова Н.В. Нейтрализация категории класса во множественном числе в языках банту // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1981. № 3.

животных и других представителей фауны, в этом классе обнаруживаются названия предметов домашнего обихода, некоторых болезней, отдельных растений, например: *ing'ombe* 'корова', *ihinga* 'калебас', *imbwe* 'катаракта', *nyumba* 'дом', *imbalu* 'бамбук'.

Семантика 10-го класса

Грамматическая семантика 10-го класса передает значения множественного числа для тех групп существительных, которые не отмечены признаком *singularia tantum*. Существительные 10-го класса коррелирует по числу с соотнесенными однокорневыми существительными 9-го класса, а также с определенными группами существительных 6-го класса: *dimbula* 'дожди' < *mbula* 'дождь' (9-й класс), *indila* 'дорога' > *madila* 'дороги' (6-й класс), т. е.

Лексическая семантика существительных 10-го класса коррелирует с соотнесенными однокорневыми существительными 9-го класса.

Семантика 11-го класса

В плане содержания (грамматическая семантика) существительные 11-го класса характеризуются наличием признака сингулярности, по которому этот класс коррелирует с 10-м классом: *luhombe* 'ноготь' > *dihombe* 'ногти'.

Лексическая семантика существительных 11-го класса отличается неоднородностью. Базовая лексика содержит наименования предметов тонкой или удлиненной формы, например: *lupembe* 'рог', *luchiya* 'корень', *lurapa* 'крыло'.

Семантика 12-го класса

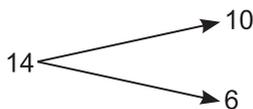
План содержания существительных этого класса характеризуется наличием числового признака сингулярности. По общепантуской классификации множественное число 12-го класса передается 13-м классом с префиксом *tu-*. Однако 13-й класс в ндонде отсутствует, и плюральность выражается в соответствии с нормами исходного слова.

Общая семантическая характеристика 12-го класса – диминутивность, т. е. частичная или полная минимизация исходного существительного, например: *kayanga* 'маленький камень' > *liyanga* 'камень', *kabijango* 'клан' > *ibijango* 'племя'.

Семантика 14-го класса

Для грамматической семантики этого класса характерен признак сингулярности. Собственного класса – коррелята множественного

числа 14-й класс не имеет, входящие в него существительные получают множественное число по нормам других классов, например: ukoti 'шея' > dikoti 'шеи'(10-й класс), uwimbo 'волос' > mawimbo 'волосы' (6-й класс), т. е.

Лексическая семантика этого класса неоднородна. Наряду с конкретными существительными в 14-м классе представлены абстрактные существительные: uliinda 'слух', ugoni 'супружеская измена' и др.

Семантика 15-го класса

Это класс так называемых инфинитивов, которые функционируют как глаголы и отглагольные имена существительные. Множественного числа они не имеют, а их лексическая семантика – это обозначение действия, процесса, состояния, например: *kulongela* 'говорить, говорение', *kuliima* 'пахать, вспашка'. Любой глагол, оформленный маркером класса – префиксом *ku-*, может как и имя существительное выполнять именные функции: быть подлежащим, дополнением, обстоятельством, именной частью предиката, определять согласование с членами синтагмы.

Семантика 16-го, 17-го и 18-го классов

Все три класса передают локативные (пространственные) значения. При этом только 16-й класс имеет в своем составе материально выраженное существительное – *pahaali* 'место'. Два других класса встречаются лишь в виде согласовательных элементов.

Семантика локативных классов, практически как и в других языках банту, определяется следующим образом: показатель-префикс 16-го класса *ra-* обозначает близкое местонахождение, префикс 17-го класса *ku-* – далекое или неопределенное местонахождение, префикс 18-го класса *tu-* – нахождение внутри или на поверхности, например: *rarii* 'здесь, близко', *kulipa* 'там, далеко', *kulehu* 'где-то там', *tiyo* 'прямо'.

Таким образом, язык ндонде демонстрирует типологические универсалии языков банту на уровне грамматики с неизбежными особенностями лексико-семантического характера. В этом первичном анализе языка ндонде не затронуты проблемы морфонологии и тона, что требует дальнейшего исследования.

Список литературы

- Аксенова И.С., Топорова И.Н.* Введение в бантуистику. Имя. Глагол. М., 1990.
- Громова Н.В.* Нейтрализация категории класса во множественном числе в языках банту // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1981. № 3.
- Atlasi ya lugha za Tanzania.* Chuo Kikuu cha Dar es Salaam, 2009.
- Bastin I.* Les langues bantoues. Inventuaire des etudes linguistique. Paris, 1978.
- Bleek W.H.J.* A comparative grammar of South African languages. L., 1869.
- Guthrie M.* Comparative Bantu. Vol. 1–4. L., 1967–1971.
- Guthrie M.* The classification of the Bantu languages. Oxford, 1948.
- Maho J.F., Sands B.* The languages of Tanzania. A Bibliography. Acta universitatis Gothoburgensis, 2002.
- Meinhof C.* Die afrikanischen Klassensprachen in ihrer Bedeutung für Geschichte der Sprache // Scientia. Ann. XXY. Vol. L. № CCXXXIII-9. Series III. 1931.
- Meinhof C.* Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. Hamburg, 1948 (Berlin, 1906).

References

- Aksenova I.S., Toporova I.N. *Vvedenie v bantuistiku. Imya. Glagol (Introduction to the Bantu Studies: Noun. Verb)*. M., 1990.
- Gromova N.V. *Neitralizatsiya kategorii klassa vo mnozhestvennom chisle v yazykakh bantu (Neutralization of the class category in plural form in Bantu languages)* // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13 Vostokovedenie. 1981. № 3.
- Atlasi ya lugha za Tanzania. (Atlas of Languages of Tanzania)* Chuo Kikuu cha Dar es Salaam, 2009.
- Bastin I.* Les langues bantoues. Inventuaire des etudes linguistique. Paris, 1978.
- Bleek W.H.J.* A comparative grammar of South African languages. L., 1869.
- Guthrie M.* Comparative Bantu. Vol. 1–4. L., 1967–1971.
- Guthrie M.* The classification of the Bantu languages. Oxford, 1948.
- Maho J.F., Sands B.* The languages of Tanzania. A Bibliography. Acta universitatis Gothoburgensis, 2002.
- Meinhof C.* Die afrikanischen Klassensprachen in ihrer Bedeutung für Geschichte der Sprache // Scientia. Ann. XXY. Vol. L. № CCXXXIII-9. Series III. 1931.
- Meinhof C.* Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. Hamburg, 1948 (Berlin, 1906).

Сведения об авторах: *Громова Нелли Владимировна*, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой африканистики ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: gromova@iaas.msu.ru; *Урб Моника Райвовна*, канд. филол. наук, доцент кафедры африканистики ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: urb72@mail.ru

About the authors: *Gromova Nelli Vladimirovna*, Dr. sc. (Philology), Professor, Head of the Department of African Studies, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: gromova@iaas.msu.ru; *Urb Monika Raivovna*, PhD (Philology), Associate Professor, Department of African Studies, Institute of Asian and African, Lomonosov Moscow State University. E-mail: urb72@mail.ru

Д.Н. Гулидова

**К ВОПРОСУ ОБ ОПИСАНИИ ИМЕНИ
СОБСТВЕННОГО В АРАБСКОЙ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКОЙ
ТРАДИЦИИ (на материале трактата Ибн Йа'иша
“Šarḥ al-Mufaṣṣal”)**

Имя собственное как объект лингвистического анализа в арабской языковедческой традиции рассматривается в статье на материале труда арабского грамматиста Ибн Йа'иша “Šarḥ al-Mufaṣṣal” (XIII в.). Выбранный объект оказывается благоприятным для исследования логико-семантических (референция), ономаσιологических (номинация), морфологических, словообразовательных и синтаксических аспектов теории арабского языка.

Ключевые слова: имя собственное, номинация, Ибн Йа'иш, трактат “Šarḥ al-Mufaṣṣal”, морфологическая структура, полная парадигма словоизменения, дефектная парадигма словоизменения.

The proper noun being the object of linguistic analysis in the Arabic linguistic tradition is examined in the article on the basis of Arab grammarian Ibn Ya'īš's treatise “Šarḥ al-Mufaṣṣal” (XIII century). The object of analysis in question is relevant to studying logical and semantic (reference), onomasiological (nomination), morphological, derivational and syntactic aspects of Arabic grammatical theory.

Key words: proper noun, nomination, Ibn Ya'īš, treatise “Šarḥ al-Mufaṣṣal”, morphological structure, complete inflectional paradigm, defective inflectional paradigm.

Имя собственное как объект лингвистического анализа в арабской языковедческой традиции рассматривается нами на материале труда арабского грамматиста Ибн Йа'иша “Šarḥ al-Mufaṣṣal” (XIII век), представляющего собой развернутый комментарий на трактат языковеда аз-Замахшари “al-Mufaṣṣal” («Разбитый на главы») (XII в.). “Šarḥ al-Mufaṣṣal” принадлежит классическому периоду (VIII–XV вв.) в истории автохтонной арабской лингвистической традиции и отражает тот этап ее развития, когда усилия грамматистов были направлены «главным образом на комментирование ранних филологических трактатов и более доступное изложение языковых норм в соответствии с возрастающими масштабами обучения арабскому литературному языку»¹. Труд Ибн Йа'иша представляет особый интерес, являясь одним из

¹ Габучан Г.М. Арабская языковедческая традиция // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 40.

трактатов, которые до сих пор используются в качестве нормативных учебников по традиционной грамматике в университетах арабских стран и «содержат наиболее всестороннее и точное описание языка, имеющееся на сегодняшний день»².

Обращение к первоисточнику и его изучение в лингвистическом аспекте представляется особенно значимым в свете актуальных теоретических вопросов современной арабистики³ и диктуется «давно назревшей необходимостью анализа... материала, содержащего обилие важных нетривиальных идей, оригинальных методов трактовки многих языковых вопросов»⁴.

Структура “*Šarḥ al-Mufaṣṣal*”, состоящего из 10 томов, задается композицией комментируемого сочинения аз-Замахшари, в котором выделяется четыре раздела: 1) имя; 2) глагол; 3) частица; 4) общие вопросы, касающиеся трех или двух из упомянутых разрядов слов в арабском языке.

Имени собственному посвящена специальная глава первого тома. Эта глава следует непосредственно после главы об имени нарицательном. Такая последовательность позволяет ввести оппозицию: имя нарицательное (*ʿism al-jins*) – имя собственное (*ʿism al-alam*). Противопоставление указанных понятий задается в определении, которое приводит аз-Замахшари, и эксплицируется в пояснении Ибн Йа‘иша. Аз-Замахшари определяет имя нарицательное как «то, что связано с какой-либо вещью⁵ и всем, что ей подобно»⁶. Имя собственное – это «то, что связано с какой-то определенной вещью и не включает в себя то, что ей подобно»⁷. Ибн Йа‘иш развивает эту мысль, утверждая, что имя нарицательное «указывает на некоторую сущность и множество субстанций», оно «указывает на много вещей... и является обозначением того признака (букв. «факта»), по которому обнаруживается сходство» этих вещей⁸. Что касается имени собственного, это «индивидуализирующее» имя, «оно дается называемому [объекту], чтобы лишить его «нарицательности». . . так чтобы отличать его от множества других [объектов], называемых [этим именем]. . . имена собственные не сообщают значения»⁹.

² Рыбалкин В.С. Классическое арабское языкознание. Киев, 2003. С. 129.

³ Габучан Г.М., Лебедев В.В. Арабистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 39.

⁴ Рыбалкин В.С. Указ. соч. С. 12.

⁵ Слово «вещь» в данном контексте следует понимать как любой именуемый объект.

⁶ Ibn Ya‘iš. *Šarḥ al-mufaṣṣal*. Каир. Т. 1. С. 25.

⁷ Там же. С. 27.

⁸ Там же. С. 26.

⁹ Ibn Ya‘iš. *Šarḥ al-mufaṣṣal*. Каир. Т. 1. С. 27. Эти рассуждения Ибн Йа‘иша вполне согласуются с положениями, разработанными в ономастической теории: имя нарицательное «дается классу объектов, имеющих общую отличительную черту,

Таким образом, оппозиция «имя нарицательное – имя собственное» устанавливается в трактате на уровне предметной отнесенности слова. В этой связи уместно вспомнить про «семантический треугольник», используемый при описании процесса и структуры актов номинации: «реалия – понятие – имя»¹⁰. Компоненты этого трехчленного отношения оказываются имплицитно заданными в рассуждениях Ибн Йа'иша.

С точки зрения морфологической структуры выделяются следующие типы имен собственных: простое (al-mufrad) и составное (al-murakkab). Ибн Йа'иш отмечает иерархически привилегированный статус простого имени: оно рассматривается как первичное, исходное (например, *zayd*, 'amr), тогда как составное имя относится к числу вторичных, производных явлений. Оно подразделяется на три вида: 1) имя-предложение, т. е. предикативная конструкция, которая после транспозиции в имя собственное характеризуется идиоматичностью и функционирует как «простая» единица (*dağrā ḥabban*, букв. «Он сеял зерно», *ta'abbaṭa ṣarḡan*, букв. «Он нес под мышкой зло»); 2) сложное слово, образованное в результате сращения: а) двух слов, ставших единым целым (*ḥaḍḡamawt*, букв. «пришла смерть», *ba'labakk*, букв. «город Баала (Ваала)»¹¹); б) имени и звукового сегмента иностранного происхождения (*sībawayh*, 'amrawayh); 3) имя-генитивная конструкция (идафа), по принципу которой строится: а) имя-кунья¹² ('abū ja'far, букв. «отец Джа'фара»); б) имя-не кунья ('abdullāh, букв. «раб Аллаха»).

Поскольку составные имена собственные представляют собой номинативные единицы, они выступают в качестве одного члена предложения: *jā'a ta'abbaṭa ṣarḡan* «Пришел Тааббаташарран», *ḥaḍḡamawtu ṭauuiba* «Хадрамаут хорош». При этом имя-предложение субстантивировается и превращается в «застывшую форму», в которой показатель

позволяющую именовать все входящие в класс объекты одним и тем же словом...» (Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973. С. 324), имя собственное «дается одному, специально выделяемому объекту, входящему в известный класс, для его идентификации в ряду однородных и отличия от прочих объектов того же и других рядов» (Суперанская А.В. Эволюция теории имени собственного в Европе // Вопросы филологии. М., 2002. № 3 (12). С. 8). Утверждение Ибн Йа'иша о том, что имена собственные не сообщают значения, означает, что имена собственные не предназначены для передачи значения тех единиц (слов, словосочетаний и т. д.), от которых они образованы.

¹⁰ Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 336.

¹¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891. Т. II а. С. 587.

¹² Кунья (араб. kunya) состоит из двух компонентов. В качестве первого используются слова 'abū («отец») или 'umm («мать»), вторым компонентом обычно выступает имя сына или дочери, например, 'abū ṭālib (букв. «отец Талиба»). Чаще кунья дается по имени старшего сына.

падежа не может быть выражен: ta'abbāṭa šarran¹³. Сложные имена типа ḥaḍramawt уподобляются простым именам собственным, обозначающим лиц мужского пола и имеющим в исходе морфему -ah (-at) (например, ṭalḥah¹⁴): второй компонент сложного имени (-mawt) соотносится с морфемой -ah (-at) имени ṭalḥah, т. е. имеет место морфологизация исходно автономной языковой единицы¹⁵. Вследствие структурной эквивалентности -mawt и морфемы -ah (-at) имя получает неполную парадигму словоизменения: ḥaḍramawt-u – в номинативе, ḥaḍramawt-a – в аккузативе и генитиве. В имени-генитивной конструкции морфологизации не происходит. При этом по падежам изменяется первый компонент (НОМ 'abd-u-llāhi, АКК 'abd-a-llāhi, ГЕН 'abd-i-llāhi), тогда как второй всегда стоит в генитиве. Сложные слова типа sībawayhi относятся к классу неизменяемых на гласный -i: их статус в системе имен собственных «понижается» в силу наличия в них сегмента иностранного происхождения (wayh)¹⁶.

Что касается способов номинации, то Ибн Йа'иш говорит о «переносе», или транспозиции (an-naql) и «импровизации», или изобретении (al-'irtijāl). При этом, как отмечает автор трактата, большинство имен собственных возникло путем переноса¹⁷. Перенос означает, что имя, обозначающее некоторую «общую» сущность (т. е. класс объектов), переносится на другую, «частную» сущность (т. е. конкретный объект), для именованной которой оно исходно не предназначено¹⁸. Что касается импровизированного имени собственного, Ибн Йа'иш подробно описывает процесс создания такого имени, отмечая, что оно изобретается «на ходу», а не транспонируется.

Среди единиц, подвергшихся транспозиции (al-manqūl), Ибн Йа'иш выделяет следующие классы слов: 1) перенесенное от имени: а) конкретного ('asad, букв. «лев»); б) отвлеченного (faḍl, букв. «достоинство»). В свою очередь конкретное имя собственное может быть: а) именем-носителем признака (ṭawr, букв. «бык»); б) именем-признаком (mālik, букв. «владеющий»); 2) перенесенное от глагола:

¹³ В простых именах собственных типа zaʿūd падеж выражается при помощи окончания: -u – для номинатива (zaʿūdun), -a – для аккузатива (zaʿūdan), -i – для генитива (zaʿūdin).

¹⁴ ṭalḥah – паузальная форма имени, ṭalḥat(u) – полная форма.

¹⁵ Морфологизация языковой единицы – это «утрата произвольной единицей изначально свойственной ей линейно-синтагматической автономности и превращение ее в связанный компонент словоформы» (Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2003. С. 34).

¹⁶ До ислама многие персидские имена оканчивались на «آب», которое арабы произносили как «wayb», например sībawayh (букв. «яблочный запах», от слова sīb «яблоко»).

¹⁷ Ibn Ya'īsh. Šarḥ al-mufaṣṣal. Каир. Т. 1. С. 29.

¹⁸ Там же. С. 29.

а) прошедшего времени (šammar, букв. «(он) приподнял (одежду), т. е. подпоясался»); б) настоящего времени (uazīd, букв. «(он) добавляет»); в) в императиве (ʿišmitī, букв. «замолчи»); 3) перенесенное от звукоподражания (babba).

Следует отметить, что к числу транспозитов относятся и все рассмотренные выше виды составного имени собственного (al-murakkab), которые представляют собой транспозицию предложения или словосочетания.

Наряду с онимизацией (переход имени нарицательного в собственное), в трактате рассматривается и противоположное явление – апеллятивизация. В частности, Ибн Йа‘иш отмечает различие в плане предметной отнесенности имен домашних и диких животных. Что касается одомашненных животных (лошадей, верблюдов, овец, собак и др.), то в силу необходимости «различать особей одного рода, им дали собственные имена... как и людям»¹⁹. Как отмечает А.В. Суперанская, «... в действительности получают имена лишь те предметы (одушевленные и неодушевленные), которые представляют особый интерес для человека и нуждаются в персональном подходе»²⁰. При именовании диких животных нет необходимости выделять конкретных особей. Следовательно, в этом случае имя собственное относится не к конкретному индивиду, а ко всему роду в целом и к любой особи данного рода (ʿusāma «лев», tu‘āla «лиса»), т. е. по сути переходит в разряд имен нарицательных.

Ибн Йа‘иш упоминает и такой тип переноса, который можно условно охарактеризовать как «транспозиция ситуации в имя собственное», когда случай, произошедший с человеком, становится поводом для того, чтобы дать ему прозвище, непосредственно связанное с событием. Данное явление иллюстрируется следующим примером: некий Хувайлид бен Нуфайл бен Амр бен Килаб однажды принимал пищу в Тихаме²¹, внезапно подул ветер, пыль попала в его блюдо, Хувайлид выругался, и тут его насмерть поразила молния. После этого Хувайлида прозвали aš-ša‘iq («пораженный молнией»). Такое имя, как отмечает Ибн Йа‘иш, на самом деле не является собственным в силу сохранения в нем семантики апеллятива, от которого оно образовано, тогда как имя собственное – это всякое имя, которое дается какому-либо объекту по соглашению и «не указывает на наличие значения этого имени»²² в называемом им [объекте]²³. По всей вероятности, автор трактата не

¹⁹ Ibn Ya‘īš. Šarḥ al-mufaššal. С. 34.

²⁰ Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973. С. 103.

²¹ Тихама – прибрежная область на западе Аравийского полуострова.

²² То есть имени нарицательного, от которого образовано данное имя собственное.

²³ Ibn Ya‘īš. Šarḥ al-mufaššal. Каир. Т. 1. С. 40.

склонен относить к именам собственным слова, имеющие «прозрачную внутреннюю форму» и сохраняющие мотивировку²⁴.

Что касается импровизированных (al-murtajal) имен собственных, среди них выделяются правильные (al-qiyāsiyy), т. е. соответствующие используемым в речи ритмическим моделям, и аномальные (aš-šādd), противопоставленные правильным как не имеющим аналога в речи арабов. К правильным относятся имена типа ḥamdān и faq'as, поскольку их формы «изобретены» по аналогии с существующими словами ṣafwān «гладкий камень» и salhab «высокий» соответственно. Аномальными именами считаются, например, maḥbab и ḥaywa, так как они должны были бы иметь вид maḥabb (по аналогии с maqarr «местонахождение») и ḥayuwa (по аналогии с sauyid «господин»). Речь идет о действии в рамках модели слова определенных морфонологических правил, связанных с наличием в слове добавочных (помимо корневых) и так называемых «слабых» ('alif, wāw, yā') харфов²⁵.

Содержащийся в трактате анализ падежных форм имен собственных эксплицирует методы традиционной арабской грамматической теории, используемые при обосновании в именном слове полной (al-munṣarīf) или неполной («дефектной») (ḡayr al-munṣarīf) парадигмы словоизменения. Дело в том, что полная или дефектная парадигма имени определяется с учетом его ритмической модели (al-wazn), его статуса с точки зрения значения определенности/неопределенности (at-ta'rīf/at-tankīr), наличия/отсутствия в нем значения признака (aṣ-ṣifa/ḡayr aṣ-ṣifa) и некоторых других факторов.

Имя с дефектной парадигмой характеризуется у Ибн Йа'иша наличием двух из потенциально возможных «дефектов» ('illa): значение определенности, глагольная модель, значение признака, формальный показатель женского рода (морфема -at), добавление сегмента alif-nūn и др. В этом отношении имена собственные являются весьма показательными, поскольку исходно характеризуются значением определенности. Следовательно, для отнесения их к группе слов с дефектной парадигмой достаточно наличия еще одного из упомянутых «дефектов».

В качестве такого фактора, предопределяющего выбор дефектной парадигмы, в именах типа 'aḥmadu выступает глагольная модель 'af'alu, в именах типа ṭalḥatu и fāṭimatu – морфема -at, в именах типа ḥamdānu и 'imḡānu – добавление сегмента alif-nūn. С точки зрения морфологической структуры указанные имена объединяет отсутствие

²⁴ Вместе с тем у некоторых разрядов онимов «внутренняя форма является обязательным компонентом семантической структуры... при этом “семантическая прозрачность”, сохранение мотивационных связей не делает данные разряды собственных имен менее ономастичными... чем другие группы собственных имен» (Карпенко Ю.А. Специфика ономастики // Русская ономастика. Сб. науч. трудов. Одесса, 1984. С. 10).

²⁵ Харф – минимальная единица морфологического членения арабского слова.

танвина (нунации последнего харфа, фонетически [n]), которое свидетельствует о невозможности реализации полного набора гласных для трех падежей (-u – для номинатива, -a – для аккузатива, -i – для генитива). Гласный -i отсутствует в парадигме словоизменения, его заместителем выступает гласный -a. Что касается имен собственных типа *zaydun*, *ḥasanun*, то в них имеется всего один «дефект» – значение определенности, вследствие чего они обладают полной словоизменительной парадигмой. На это указывает наличие в этих именах танвина. Таким образом, имена собственные наглядно демонстрируют первичную, «семиотическую» функцию танвина, который «своим наличием или отсутствием не несет никакой информации, кроме информации о возможности словоизменительного харфа быть реализованным со всеми гласными списка *a*, *u* и *i*, или только с двумя из них»²⁶.

В то же время, как отмечает Ибн Йа'иш, в ряде случаев имя собственное может утрачивать значение определенности, в частности, когда речь идет о нескольких индивидах, имеющих одно и то же имя, например: *zaydāni* («два Зайда»). Определенность таких имен достигается присоединением определенного артикля *al-* (*az-zaydāni*) либо постановкой имени в генитивную конструкцию (*zaydā-ka*, букв. «два твоих Зайда»). В силу данной особенности имя собственное занимает четвертое место в иерархии имен со значением определенности²⁷, следуя после личного местоимения, имени указательного и имени относительного (обладающих неотчуждаемым значением определенности) и предшествуя имени, определяемому посредством артикля *al-* (у которого «значение определенности свободно приобретает и свободно отчуждается»²⁸).

Таким образом, имя собственное оказывается объектом, благоприятным для исследования арабского языка на разных уровнях, в том числе при описании логико-семантических (референция), ономаσιологических (номинация), морфологических, словообразовательных и синтаксических аспектов его теории.

Список литературы

- Габучан Г.М.* Арабская языковедческая традиция // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 39–41.
- Габучан Г.М., Лебедев В.В.* Арабистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 37–39.
- Карпенко Ю.А.* Специфика ономастики // Русская ономастика. Сб. науч. трудов. Одесса, 1984. С. 3–16.

²⁶ *Лебедев В.В.* Признак и время в системе литературного арабского языка // Арабская филология. Вып. 3. М., 2008. С. 157.

²⁷ *Лебедев В.В.* О дифференциации определенности в литературном арабском языке // Тезисы научной конференции «Ковалевские чтения». М., 2007. С. 27.

²⁸ Там же.

- Лебедев В.В.* О дифференциации определенности в литературном арабском языке // Тезисы научной конференции «Ковалевские чтения». М., 2007. С. 24–28.
- Лебедев В.В.* Признак и время в системе литературного арабского языка // Арабская филология. Вып. 3. М., 2008. С. 151–168.
- Рыбалкин В.С.* Классическое арабское языкознание. Киев, 2003. 406 с.
- Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., 1973. 367 с.
- Суперанская А.В.* Эволюция теории имени собственного в Европе // Вопросы филологии. М., 2002. № 3 (12). С. 5–17.
- Телия В.Н.* Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 336–337.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891. Т. II а. С. 587–588.
- Ibn Ya'īsh. Šarḥ al-Mufaṣṣal* (на арабском языке). Каир. Т. 1. С. 16–48.

References

- Gabuchan G.M. *Arabskaya yazykovedcheskaya traditsiya* (Arabic Linguistic Tradition). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* (Encyclopaedic Dictionary of Linguistics). Moscow, 1990. P. 39–41.
- Gabuchan G.M., Lebedev V.V. *Arabistika* (Arabic Studies). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* (Encyclopaedic Dictionary of Linguistics). Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1990. P. 37–39.
- Karpenko Yu.A. *Spetsifika onomastiki* (Specifics of Onomastics). *Russkaya onomastika* (Russian Onomastics). Sb. nauch. trudov. Odessa, OGU, 1984. P. 3–16.
- Lebedev V.V. *O differentsiatsii opredelenosti v literaturnom arabskom yazyke* (On the Differentiation of Determination in Literary Arabic). *Tezisy nauchnoi konferentsii «Kovalevskie chteniya»* (Abstract from the Scientific Conference Kovalev Readings). Moscow, Gumanitarii, 2007. P. 24–28.
- Lebedev V.V. *Priznak i vremya v sisteme literaturnogo arabского yazyka* (Feature and Time in Literary Arabic System). *Arabskaya filologiya* (Arabic Philology). 3 issue. Moscow, 2008. P. 151–168.
- Rybalkin V.S. *Klassicheskoe arabское yazykoznanie* (Classical Arabic Linguistics). Kiev, 2003. 406 p.
- Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* (The General Theory of Proper Noun). Moscow, 1973. 367 p.
- Superanskaya A.V. *Evolutsiya teorii imeni sobstvennogo v Evrope* (The Evolution of Proper Noun Theory in Europe) // *Voprosy filologii*. Moscow, 2002. № 3 (12). P. 5–17.
- Teliya V.N. *Nominatsiya* (Nomination). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* (Encyclopaedic Dictionary of Linguistics). Moscow, 1990. P. 336–337.
- Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* (Brokgauz – Efron Encyclopaedic Dictionary). Saint Petersburg, AO F.A. Brokgauz – I.A. Efron, 1891. V. II а. P. 587–588.
- Ibn Ya'īsh. Šarḥ al-Mufaṣṣal* (Explanation of *al-Mufaṣṣal*). Cairo, V. 1. P. 16–48.

Сведения об авторе: Гулидова Дарья Николаевна, аспирант кафедры арабской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: dariagulidova@mail.ru

About the author: Gulidova Daria Nikolaevna – postgraduate student, Department of Arabic Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: dariagulidova@mail.ru

О.А. Забережная

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ПИСАТЕЛЯ СИГА НАОЯ

В статье рассматриваются эстетические представления японского писателя Сиги Наоя, признанного автора короткого рассказа. Стиль этого писателя выделяется своей лаконичной и сдержанной манерой изложения, отсутствием в произведениях захватывающего сюжета. Анализ художественных воззрений автора позволяет объяснить эффект, который производит проза Сиги на японского читателя. Так, по мнению писателя, основная задача художника – в непосредственном, почти физиологическом воздействии на читателя, в максимальном приближении ритма произведения к жизненному пульсу его автора. Эту концепцию Сига стремился воплотить в собственном творчестве. Понимание эстетических представлений Сиги необходимы для постижения привлекательной силы его произведений и попыток адекватного их перевода на западные языки.

Ключевые слова: Япония, литература, Сига Наоя, проза, эстетика, ритм, эффект, концепция, перевод.

In this article we focus on the aesthetical views of the writer Shiga Naoya, famous for his laconic and restrained style of short stories, lack of an entertaining plot. This author is recognized as an extraordinary sensualist able to intuitively grasp the beauty of his surroundings. The analysis of Shiga's aesthetic values on the basis of his essays and fiction enables us to explain the effect of his prose on the Japanese reader. According to Shiga, the main purpose of a true artist is in the immediate, nearly physiological impact on the reader, in creating a rhythm in prose that resembles the life rhythm of its author. These views Shiga attempted to implement in his own work. The understanding of Shiga's concept of art is necessary for comprehending the attractiveness of his prose and in the attempts of transferring it to the Western reader in translation.

Key words: Japan, literature, Shiga Naoya, aesthetics, prose, rhythm, effect, concept, translation.

Сига Наоя (1883–1971) – один из наиболее значимых писателей Японии довоенного периода, представитель неогуманистического литературного движения «Сиракаба» («Белая береза»).

Начав писательскую карьеру в рамках «Сиракабы», Сига впоследствии стал общепризнанным мастером короткого рассказа. Уникальность прозы Сиги заключается в том, что при всей ее внешней простоте, лаконичности и отсутствии в большинстве случаев захватывающего сюжета она оказывает на японского читателя сильное воздействие. Сигу признают выдающимся писателем, его называют

«божеством романа» и пишут тома работ о его особенном восприятии мира, тонкой интуиции и художественном даре. Однако эффект его прозы остается не понятным западным читателем. В связи с этим исследователь в первую очередь сталкивается с вопросом, в чем именно заключается это воздействие, какими средствами автору удастся создать его и, наконец, как передать его в переводе на другие языки. Чтобы приблизиться к ответам на эти вопросы, необходимо познакомиться с художественными воззрениями самого автора.

Сига – в первую очередь художник, а не философ, поэтому мы не можем говорить о какой-либо сформулированной эстетической теории. Однако в эссе и рассказах он выносит оценочные суждения различным произведениям искусства, что позволяет нам создать достаточно полную картину его эстетических взглядов и предпочтений.

При анализе этих материалов сразу обращают на себя внимание определенные термины, которые Сига регулярно применяет в своих оценках. Ниже мы приведем и кратко проиллюстрируем их.

1. О «непосредственном, прямом восприятии», «естественном чувстве» говорит Сига, упоминая японского прозаиста XVII в. Ихара Сайкаку:

Сайкаку в своих рассказах «непосредственно схватывает» предмет описания. В *ко:сёкубон* (книги о любовных похождениях) он «прямо улавливает и передает физическое желание человека»¹.

2. «Чистота», «ясность», «беспримесность» встречается, например, в описании храма: чувство, внушаемое пагодой храма Дзюко:ин, «чисто и ясно»².

3. «Живость», «жизненная сила» – термины, применяемые к творчеству, например, Л.Н. Толстого:

«У Толстого меня восхищает то, что даже персонажи, появляющиеся эпизодически и не наделенные многословными описаниями, выходят удивительно живыми. Это потому, наверное, что отчетливый образ в голове писателя непосредственно передается читателю»³.

4. «Внутренняя мощь», «сильное чувство» отмечает Сига, говоря об искусстве каллиграфии Умэхары Рюдзабуро⁴:

«Эти иероглифы (釈迦宝殿 *сяка хо:дэн*, “Сокровищница Будды”) внушают чувство мощи. Смутно начинаешь понимать, что это чувство возникает

¹ Сига Наоя. О собрании сочинений Сайкаку // Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 8. Токио, 1973–1984. С. 260.

² Там же. С. 164.

³ Там же. С. 292.

⁴ Умэхара Рюдзабуро (1888–1986) – художник, работал в западном стиле, был в дружеских отношениях Сигой.

не просто так. Из собственного опыта взаимодействия с искусством я знаю, что при столкновении с такими первоклассными вещами ощущаешь к ним уважение, не позволяющее слишком приблизиться, и стоишь в отдалении, ожидая момента, когда сможешь понять их»⁵.

5. «Свобода» и противопоставленная ей «стесненность» появляются в описании классической живописи:

«У Мотонобу⁶ появляются признаки заката школы Кано. Это очень сильный художник, но и у него появились эти признаки. В нем слишком сильно чувствуется живописец, картина больше, чем человек. В результате, на первый взгляд, как будто нельзя до конца понять, схватить [ее сущность], но в самой картине [как внешней форме] чувствуется слабость, которая позволяет это. Мало свободы, преобладает форма»⁷.

6. «Завершенность», «зрелость» – такие характеристики приводит автор, говоря о женской красоте:

«Я думаю, что о красивой молодой женщине и о женщине среднего возраста можно сказать одно и то же. Однако в зависимости от того, на что вы обращаете внимание, – на энергию ее мимолетной прелести или «цветок» ее зрелой женской красоты» меняются стандарты оценки»⁸.

7. «Спокойствие» – один из идеалов традиционного искусства:

«При взгляде на “Хё:тандзу” (“Картина о ловле сома тыквой-горлянкой”) Дзёсэцу⁹ я почувствовал спокойствие и умиротворение, представив себя персонажем картины, а картина Мотонобу “Сосуд Гуйшаня¹⁰” напомнила мне о дзэнских вопросах и ответах в горах Хуайхай¹¹ и привела в состояние приглушенного сознания».

8. «Свежесть», «новизна» встречается, например, в эссе о картине современника Сига:

«Картина Ямаваки Синтоку¹² “Тю:сядзё: но аса” (“Утро на парковке”) изображает утренний пейзаж парка со стороны возвышенности, этот

⁵ Сига Наоя. Собрание эссе. Токио, 1995. С. 192.

⁶ Кано Мотонобу (1476–1559) – художник, принадлежащий к крупнейшей классической японской школе Кано, которая пользовалась влиянием с XV по XIX в. и заложила основы национальной живописи.

⁷ Сига Наоя. Собрание эссе. С. 183.

Здесь Сига, по всей видимости, критикует легкость, с которой можно, по его мнению, разгадать притягательную силу данной картины Кано Мотонобу, и, при желании, воспроизвести ее, поскольку основа этой привлекательности – только в красивой форме.

⁸ Там же. С. 181.

⁹ Дзёсэцу – живописец картин тушью, XV в. «Картина о ловле сома тыквой-горлянкой» – самое известное его произведение, повествует о решении дзэнского *ко:ана*.

¹⁰ Гуйшань Линью – китайский дзэн-буддийский монах IX в.

¹¹ Байджань Хуайхай – китайский дзэн-буддийский монах VIII в.

¹² Ямаваки Синтоку (1886–1952) – художник в западном стиле.

впечатляющий взгляд произвел на меня необыкновенное впечатление свежести»¹³.

Эти и прочие особенности Сига не только выделял в произведениях других авторов, но и стремился воплотить в собственном творчестве. Так, в рассказе «Киносаки нитэ» («В Киносаки») можно найти многие вышеназванные характеристики. Приведем один из наиболее известных отрывков рассказа:

«Вокруг все было иссиня-бело, лицо обдавало холодным воздухом, тишина леса не успокаивала, а наоборот, тревожила меня. Над дорогой раскинуло ветви большое тутовое дерево, и я, глядя вверх, видел, как ритмично трепетал на нем только один лист. Ветра я не чувствовал совсем, слышался только шум реки, все остальное – застывшая тишина. Как странно. Даже страшно. Но в то же время любопытно. Я спустился вниз и смотрел на это некоторое время. Вдруг подул ветер. И лист перестал двигаться. Я понял, в чем было дело»¹⁴.

Рассмотрим этот отрывок и попытаемся понять мироощущение автора в этом рассказе в целом. Главный герой рассказа уезжает из Токио в Киносаки (префектура Хёго), чтобы восстановить здоровье после серьезной аварии. За время пребывания там он, находясь наедине с природой, видит мертвую пчелу, наблюдает, как тонет в реке мышь. К тому же он и сам нечаянно убивает ящерицу. Повсюду он ощущает непосредственную близость смерти, которой он едва избежал. Все это, а также физическая слабость еще более обостряют чувства героя, и он начинает обращать внимание на, казалось бы, самые незначительные, но тревожные обстоятельства. Увидев трепещущий лист при полном отсутствии ветра, он пытается понять, как это возможно, ответ на этот вопрос становится для него целым открытием¹⁵. Таким же событием для героя являются и все происшествия в этом рассказе, и, избежав смерти, но сталкиваясь с ней еще несколько раз в течение рассказа, герой словно заново открывает для себя жизнь, поэтому в рассказе постоянно присутствует ощущение нового и неизведанного.

Если душевное состояние героя в этом отрывке тревожно, то сам текст не вызывает у читателя (и, по-видимому, у самого автора) тревоги. Автор как будто смотрит на героя, то есть на самого себя, со стороны. Это соответствует одному из требований Сиги к литературному произведению – «спокойный текст при насыщенном содержании».

¹³ Сига Наоя. Указ. соч. Т. 8. С. 272.

¹⁴ Там же. Т. 2. С. 180.

¹⁵ Рассказ был написан в 1917 г., но этот отрывок оставался непонятным для читателей Сиги до 1955 г., когда он опубликовал комментарии к рассказам, где объяснил загадочную ситуацию с листом. Один лист трепетал от ветерка слишком слабого, чтобы человек мог его почувствовать. А когда подул ощутимый для героя ветер, лист перестал трепетать, и все листья повернулись по ветру в одном направлении.

Герой физически ограничен из-за травмы, но внутренне он абсолютно свободен. В том числе в выборе явлений из окружающего мира, которые он считает достойными описания, его мысль ничем не скована и свободно выражается в тексте. Это ощущение оторванности от идеологии, политики и общества вообще характерно для всех произведений Сиги. Герой существует в обществе и живет по его правилам, но только наедине с природой приходит в состояние, соответствующее его внутренней свободе.

Для описания состояния героя и окружающего пейзажа используется минимум необходимых слов: ономастопоэтические термины, которые создают непосредственное ощущение тревоги героя (*сова-сова сасэру*) и образ трепещущего листа (*хира-хира*). В результате ощущения героя посреди холодного леса наедине с листом представляется отчетливо и живо.

«Чистоту» и «беспримесность» (*дзюнсуй*) здесь также можно легко обнаружить. Человек наедине с природой и самим собой, и из всего многообразия жизни выбрана одна линия взаимодействия героя с природой, в данном случае в образе листа. Нет лишних подробностей и отвлеченных рассуждений, и читатель никуда не может уйти в сторону от изображаемого действия, т. е. от напряженного взгляда испуганного человека на трепещущий без видимой на то причины лист.

В отношении внутренней мощи и силы писатель и критик Иноуэ Хисаси сказал об этом рассказе: «В тексте чувствуется сила. Нет ни одного сложного для понимания абстрактного слова. Автор использует минимальный словарный запас, по возможности избегая метафор и украшений, структуру делает максимально простой, а в совокупности получается [сильный текст]»¹⁶.

Однако Сига не ограничивается требованиями от произведения наличия в нем свободы, живости, мощи и т. д. Так, о выставке картин Матисса он говорит «У Матисса нет этого чувства мощи. Чего-то не хватает. Он как будто находит компромисс со зрителем. Усилия ремесленника – второстепенная вещь в искусстве или ниже того. У него есть техника и точность, но чего-то большего нет»¹⁷.

А в отношении художника Коидзуми Киёси он утверждает, что в его произведениях чувствуется поиск, но «настоящая сущность не схвачена»¹⁸ (*дзиттай га цукамэтэ инай*).

¹⁶ Иноуэ Хисаси. Касэй бунсё: докухон (Критические очерки домашнего производства). Токио, 1986.

¹⁷ Сига Наоя. Указ. соч. Т. 2. С. 194.

¹⁸ Там же. Т. 8. С. 249.

Что подразумевается под «чем-то большим» и «настоящей сущностью»? Приведем некоторые высказывания автора, касающиеся этой проблемы.

«В искусстве часто говорят о форме и содержании, но не эти пассивные категории находят в нас отклик. Это нечто иное, преодолевающее их ограниченность. Я думаю, что это можно назвать ритмом. Я говорю это не просто по ассоциации со словом “отклик”, я действительно думаю, что дело заключается в ритме. Если ритм слаб, то, каким бы насыщенным ни было содержание, как бы мастерски ни был написан текст, это не произведение, такая вещь ничего не стоит. Это становится понятно по некоему послевкусию после прочтения. Дело только в том, насколько силен или, наоборот, слаб духовный ритм самого писателя во время его работы»¹⁹.

Так Сига вводит категорию «ритма» в своем одноименном эссе. Это понятие Сига применяет не только к литературе, но и к любому произведению искусства. «Ритм», в том смысле, какой в него закладывает Сига, – неоднозначное понятие, которому должно быть посвящено отдельное исследование. Однако из всех используемых писателем терминов, именно он, на наш взгляд, наиболее полно вбирает в себя все те характеристики, которые ценил Сига в художественном произведении. Как мы видим, Сига относит ритм не к элементам художественной формы (т. е. это не повторяющийся упорядоченный рисунок в тексте – этот вопрос Сигу совершенно не интересует), а, называя его «духовным», возводит в эстетическую категорию, выражающую сущность искусства. «Ритм» в данном случае наиболее близок к пульсу, биению сердца автора, которое может быть учащено или замедленно в зависимости от эмоционального состояния. Эту пульсацию автор невольно закладывает в произведение.

Наличие ритма отличает художественное и обыденное. Это различие основано на ощущении, остающемся после прочтения: по выражению Сиги, «послевкусию». «У меня есть склонность все оценивать по послевкусию»²⁰, – утверждает Сига.

Приведем пример из прозы самого автора.

«Наоко повернула к младенцу только голову, протянула руку, поправила задрвшуюся на плече пеленку и смотрела на него. Такое умиротворение было в ее взгляде – я увидел, что передо мной, действительно, уже мать»²¹.

¹⁹ Сига Наоя. Указ. соч. Т. 7. С. 8.

²⁰ Там же. Т. 6. С. 268.

²¹ *Наоко ва куби дакэ сотти э мукэ, тэ о саси нобэтэ, убукки но фукурэ агатта ката о юби дэ осисагэру ё: ни ситэ митэ ита. Соно мэ га ика ни мо одаяка дэ, соситэ сорэ ва ика ни мо мо: хахаоя датта.*

Сига Наоя. Указ. соч. Т. 5. С. 442.

Этот отрывок из романа «Анья ко:ро» («Путь во мраке») цитируется в работе Ямагути Тасуку²², который задается вопросом, в чем привлекательность слога Сиги. В данном случае он лишь отмечает, что позиция слова *ика ни мо* в японском варианте создает ритмичность. В чем же она состоит? В первом предложении части разделяются запятыми, создают ритм перечисления (Наоко повернула, протянула, поправила). Но наибольший интерес для трактовки понятия «ритм» представляет второе предложение. *Ика ни мо* (очень), усиливающее смысл, повторяется дважды, и при этом окончание второй части возникает неожиданно. Если перевести дословно, то получается: «Ее взгляд был так умиротворен, это было так...» и читатель ожидает второго прилагательного (это было так «похоже на мать», например, или «это было так трогательно»), но Сига находит другое решение – *ика ни мо хахаоя датта*. «Это была настолько мать» (по-русски следовало бы «настолько по-матерински», по-японски же так сказать можно, но и для японского читателя такое окончание неожиданно). В этом эффекте неожиданности еще одна особенность ритмического слога Сиги.

«Ритм» – не единственное понятие для обозначения сущности прекрасного. В отношении женщин Сига также говорит о «цветке» зрелой женской красоты или о «свете», излучаемом красавицами:

«Среди красавиц есть такие, которые удовлетворяют всем требованиям внешней правильности форм. Но также есть и иные, красота которых преодолевает подобное холодное суждение, и внезапно и сильно поражает вас. Картины Умэхары относятся ко второй категории. Как в прекрасной женщине, помимо внешней привлекательности, виден еще некий свет, так и картина Умэхары не просто красива – от всего полотна исходит это сияние»²³.

Суждение о наличии эстетической сущности в произведении основано на интуиции Сиги, однако он говорит об этой сущности, как об объективном явлении: «...в некоторых женщинах есть свет», «виден цветок», в прозе «звучит ритм», в картине «чувствуется сила», и т. д. Работа этой интуиции главным образом направлена на разграничение подлинного и искусственного. Подлинное или естественное содержит природную красоту (силу, свечение и т. д.), а как бы умело ни был сделан искусственный объект, в нем не будет необходимой основы – внутренней движущей силы.

²² Ямагути Тасуку. Сига Наоя ва надзэ мэйбун ка (В чем привлекательность прозы Сиги Наоя). 2006.

²³ Сига Наоя. Указ. соч. Т. 2. С. 196.

В целом литературу Сиги можно отнести к своеобразному типу реализма, в котором нет места ни общественной позиции, ни философским обобщениям. Такой реализм критики называют «субъективным» (*сюкан тэки*), «чувственным» (*кансэй тэки*), а, например, исследователь Мотоми Идзава ставит под сомнение, следует ли вообще именовать метод Сиги «-измом», поскольку он «физиологичен», т. е. непосредственно вытекает из жизни самого писателя²⁴.

Действительно, красота для Сиги – понятие не абстрактного мышления, а вполне конкретного, даже физиологического ощущения. Именно поэтому ритм как пульс, как частота сердцебиения или дыхания, т. е. как биологическое явление – центральная категория его эстетики, а «непосредственное» или «сильное» чувство или «жизненная сила» – то, что он ищет в произведении искусства. Иными словами, по Сиге, ощущение холода должно вызывать дрожь, а не представление о холоде.

Восприятие действительности у Сиги специфично и нацелено на выявление мельчайших явлений окружающего мира, которые представляют эстетическую ценность. Эта интуиция, или чутье, особенно обостренное у Сиги, позволяет ему почувствовать те движения, которые недоступны другому, более грубому восприятию. Эти мельчайшие колебания (крупные движения, политические процессы и их суть его не интересуют) в объектах природы или искусства Сига способен воспринять благодаря присущей ему интуиции. Однако еще более важно для нас то, что ему удалось создать текст, который позволяет японскому читателю также ощутить этот ритм. Механизм этого воздействия – вопрос для дальнейшего исследования, однако можно утверждать, что Сига использует иной метод убеждения читателя, нежели рассуждения, его тексты воздействуют на органы чувств, подчиняют пульсации всего произведения. Тогда отсутствие изящных оборотов, простой язык, повторы слов, и все, что на первый взгляд может показаться несоответствующим выдающемуся художественному произведению, наоборот, становятся основными средствами выразительности.

Список литературы

- Гиришман М.М.* Ритм художественной прозы. М., 1982. 366 с.
Кин Д. Японская литература в современную эпоху. Нью-Йорк, 1998. 1329 с.
Мэти Ф. Сига Наоя. Твэйн паблишерз. Вудбридж, 1974. 188 с.

²⁴ *Идзава Мотоми.* Сига Наоя но риридзуму (реализм Сиги Наоя) // Сига Наоя. Сборник статей ассоциации публикаций исследований японской литературы. Токио, 1970–1978. С. 106.

- Starrz P. Безыскусственное искусство: эстетика дзэн в творчестве Сиги Наоя. Раутледж, Лондон, 1998. 261 с.
- Сига Наоя. Полн. собр. соч.: В 15 т. Токио, 1973–1984.
- Сига Наоя. Собрание эссе. Токио, 1995. 374 с.
- Одзак Кадзуо. Сига Наоя. Токио, 1986. 303 с.
- Сига Наоя: дзига но кисэки (Сига Наоя: путь эго) / Под ред. Икэути Тэруо. Токио, 1992. 268 с.
- Сямото Такэси. Нихонсёсэцу но биисики (Эстетическое сознание японского романа). Токио, 1980. 336 с.
- Хонда Сюго. Сига Наоя: В 2 т. Токио, 1990. 535 с.
- Ямагути Тасуку. Сига Наоя ва надзэ мэibun ка (В чем привлекательность прозы Сиги Наоя?). Токио, 1986. 228 с.
- Янагида Томоцунэ. Сига Наоя но сакухин (Произведения Сига Наоя). Токио, 1982. 275 с.

References

- Girshman M.M. *Ritm khudozhestvennoi prozy* (The Rhythm of Fictional Prose). M., 1982. 366 p.
- Keene Donald. *Dawn to the West: Japanese Literature in the Modern Era*. N. Y., 1998. 1329 p.
- Mathy Francis. *Shiga Naoya*. Twayne Publishers. Woodbridge, 1974. 188 p.
- Starrs Roy. *An artless art: the Zen aesthetic of Shiga Naoya: a critical study with selected translations*. Routledge. L., 1998. 261 p.
- Shiga Naoya. *Polnoe sobranie sochinenii* (Complete set of works): in 15 volumes. Tokyo, 1973–1984.
- Shiga Naoya. *Sobranie esse* (Essays). Tokyo, 1995. 374 p.
- Odzaki Kazuo. *Shiga Naoya*. Tokyo, 1986. 303 p.
- Shiga Naoya: jiga no kiseki* (Shiga Naoya: the Way of the Self) / Ed. by Ikeuchi Teruo. Tokyo, 1992. 268 p.
- Shamoto Takeshi. *Nihonshyousetsu no biishiki* (The Aesthetic Concept in the Japanese Novel) Tokyo, 1980. 336 p.
- Honda Shugo. *Shiga Naoya*: in 2 volumes. Tokyo, 1990. 535 p.
- Yamaguchi Tasuku. *Shiga Naoya va naze meibun ka* (What is the Secret of Shiga Naoya's Prose?). Tokyo, 1986. 228 p.
- Yanagida Tomotsune. *Shiga Naoya no sakuhin* (Shiga Naoya's Works). Tokyo, 1982. 275 p.

Сведения об авторе: Забережная Ольга Алексеевна, аспирант кафедры японской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: kluginda@gmail.com

About the author: Zaberezhnaya Olga Alekseevna, graduate student of Institute of African and Asian Studies, Lomonosov Moscow State University, Japanese Philology Department. E-mail: kluginda@gmail.com

ИСТОРИЯ

О.В. Новакова

ГОРОД ФУСУАН – ХЮЭ: САКРАЛЬНАЯ СТОЛИЦА НГУЕНОВ. XVII–XIX ВВ.¹

В данной статье предпринята попытка осветить малоизученную проблему – концепцию верховной власти правителя и ее материальное и духовное воплощение в столице Нгуенов – Фусуан – Хюэ. Круг исследуемых вопросов прямо соотносится с проблемой интеграции и усвоения иноземного, прежде всего китайского культурного опыта, берущего свое начало еще в I тыс. н. э.

Ключевые слова: верховная власть, сакральный образ столицы, конфуцианство, культ правителя, культ духов и предков, геомантия.

This article attempts to bring to the limelight an insufficiently explored question, which concerns correlation between the concept of supreme power and its material and spiritual expression in the capital Phu Xuan – Hue. Issue raised by this article is directly related to the problems of integration and assimilation of foreign (primarily Chinese) cultural experience and its influence on Vietnam that traces back to the beginning of a new era.

Key words: supreme power, sacred image of the capital, Confucianism, ruler cult, cult of ancestors and spirits, geomancy.

В Восточной Азии с давних времен сформировался обширный очаг давший рождение китайской цивилизации, включившей ряд стран, отмеченных ее сильным влиянием. Культура этих стран постепенно приобрела сходный характер, прослеживающийся на протяжении многих веков. Концептуальным ядром этой культуры стало конфуцианское учение, которое базировалось на огромном пласте традиционных идей и представлений, свойственных не только Китаю, но и народам других стран Восточной Азии, что входят в так называемый конфуцианский ареал.

В соответствии с этими древними китайскими представлениями центр государства понимался, прежде всего как сакрально-политический фокус всего мирового пространства, персонифицированный правителем. Таким же статусом обладала и резиденция правителя – столица государства, что отражало восприятие столицы как места с особым статусом, обладающим всеми характеристиками,

¹ До начала XIX в. Вьетнам был разделен на две части: Дангнгоай (Северный Вьетнам) и Дангчаунг (Южный Вьетнам, где правили Нгуены).

приписываемыми «центру» древними натурфилософскими воззрениями².

Сакральный образ «центра» дополнялся тем, что само его существование, как в значительной степени благоустроенного, «идеального», понималось как следствие воздействия высших сил: Неба и Земли, их культы занимали особое место во вьетнамской религиозной традиции и в концепции власти верховного правителя³. Эта концепция сформировалась во Вьетнаме в первые века существования его как независимого государства (XI–XIV вв.).

В целом возведение столицы, административно-территориальное деление территории страны, организация ее управленческого аппарата и другие действия, согласно дальневосточным представлениям о верховной власти должны относиться к ритуальным мероприятиям, проводимым центральной властью (в случае прихода к власти нового монарха или смены династии) и направленным на поддержание авторитета правителя и усиление его сакрального могущества⁴.

Исходя из традиционного восприятия верховного правителя как сына Неба, резиденция земного верховного правителя символически соотносилась с небесной резиденцией верховного правителя. Поэтому ему приписывалось главенство над всеми явлениями «земного» мира, подобно власти Небесного императора над миром небесным. Из этой концепции всеобъемлющей императорской власти следует и универсальность ее применения по отношению к обществу. Данная концепция исходит из древней даосской космографии⁵.

Верховный правитель выступал как лицо, находящееся в центре социокосмического универсума, и через магическую силу или свои нравственные достоинства оказывал путем специальных акций (ритуальных церемоний и др.) гармонизирующее воздействие на вселенную, включая природу и человеческое общество⁶.

Таким образом, создавалась специфическая ситуация, когда государство в лице верховного правителя обладало высшим авторитетом

² См.: *Кравцова М.Е.* История культуры Китая. СПб., 1999. С. 106. Показательно, что эта концепция, сложившаяся в «Срединной империи», также получила распространение и в Японии, где «центр» рассматривался как территория, организующая и концентрирующая вокруг себя пространство, как местность, где сосредотачивались носители власти. Влияние этого «центра» считалось очень сильным, в силу чего он получал особый сакральный статус, а все земли государства разделялись на центр и периферию. *Симонова-Гудзенко Е.К.* О формировании сакрального пространства на японском архипелаге // Три четверти века. Деопику – друзья и ученики. М., 2007. С. 253.

³ См.: *Кравцова М.Е.* Указ. соч. С. 106.

⁴ Там же. С. 141–147.

⁵ См.: *Торчинов Е.А.* Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. СПб., 1988. С. 37.

⁶ См.: *Мартынов А.С.* Государственное и этическое в императорском Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1998. С. 279.

в религиозных вопросах. Потому что государство (в странах влияния китайской цивилизации) опирается на всю систему народной религии и в силу этого обладает собственным сакральным фундаментом, а власть фактически представляет собой синтез религиозного и политического, некий союз, персонифицированный фигурой императора⁷. Сакральная самодостаточность традиционного государства позволяла ему трактовать свои функции правителя – «преобразовать» (хоа, вьетн. – *hóa*) социум при помощи ненасильственного «поучения», как данные ему Мандатом Неба⁸. Поэтому с древности все концентрировалось вокруг культа правителя и его предков, ставшего преобладающим, вобравшим в себя всю религиозную практику. Это стало причиной того, почему в китайском и вьетнамском традиционных обществах никогда не было создано специального корпуса духовенства. Что касается других религиозных систем (буддизма, даосизма) если они признавались в империи, то они трактовались, как «вспомогательное поучение»⁹.

Все сакральные функции возлагались не только на правителя, но и на административные чины в соответствии с их рангом: чиновники ведали организацией и проведением культовых, ритуально-этикетных и светских придворных церемоний. Даже астрология, типично жреческая область деятельности, находилась в Китае и во Вьетнаме в ведении специальных чиновников, совмещавших обязанности летописцев, ученых историографов и астрономов.

Данную концепцию верховной власти, воспринятую Вьетнамом от Китая, а также и такими странами, как Япония и Корея, можно сравнить с характеристикой верховной власти, предложенной отечественным востоковедом Г.Г. Бандиленко применительно к монархиям Нусантары. По мнению этого ученого, действие власти не сводится единственно к экономической или административной областям, но имеет, кроме того, «горизонтальный план», выражающий географические векторы, временной план, и династическую преемственность (изложение истории династии, начиная с первых правителей), а также «вертикальный» план, выражающий власть в социальном пространстве. Монархическая идея о сакральной власти не может по определению быть таковой без представления о всепроникающем господстве над универсумом его пространственных и временных воплощений – над космосом людей, космосом вещей, космосом природы в их взаимосвязи¹⁰.

⁷ См.: *Никитин А.В.* Универсальные характеристики традиционной вьетнамской мысли // *Универсалии восточных культур.* М., 2001. С. 265.

⁸ Но эти функции правителя не имели прямого отношения к конфуцианской этике.

⁹ *Никитин А.В.* Указ. соч. С. 246.

¹⁰ См.: *Бандиленко Г.Г.* Концепция монархической власти как объект систематического описания (в связи с изучением монархий Нусантары VII–XV вв.) // *Три четверти века.* Деопику Д.В. – друзья и ученики. С. 84.

История Вьетнама в течение многих веков была связана с историей Китая. Его завоевание китайской империей Хань произошло во II в. до н. э., как раз в момент завершения перехода китайской культуры от идейного плюрализма школ к «монизму» имперской идеологии (религии) с ее покровительственным отношением к остальным учениям (цзяо). Из этого обстоятельства вытекает одно из важнейших положений культурно-исторического развития Вьетнама: вьетнамская культура выражает свое «я» и содержательную часть о себе по правилам китайской культуры. Иначе говоря, на каком-то этапе влияние китайской культуры было столь глубоким, что можно говорить о переносе, «трансплантации» ее главных элементов на вьетнамскую почву¹¹. Политическая власть была представлена сменяющимися друг друга династиями, правившими в рамках единой духовной концепции – «один народ, одно государство», а в нем один полновластный монарх, власть которого считалась сакральной¹².

XVI – первая половина XVII в. стали временем политического кризиса Вьетнама и распада его государственной централизованной бюрократической системы, что проявилось в образовании двух самостоятельных, постоянно конфликтующих между собой княжеств: Чиней (княжество Дангнгоай в Северном Вьетнаме) и Нгуен (княжество Дангчаунг в Центральном и Южном Вьетнаме). Сильная группировка во главе с правителем (тюа) Нгуен Хоангом (1558–1613) добилась от законно правившей имперской династии Ле разрешения на управление районом Тхуанхоа-Куангнам (1558, 1570 гг.), ставшего с того времени оплотом Нгуенов, взявших затем курс на отделение от северного Вьетнама. Отношения между княжествами Чиней и Нгуенов становились все более напряженными из-за борьбы за власть и в конце концов вылились в вооруженный конфликт (1620–1673). К 1673 г. оба противника окончательно выдохлись и военные действия прекратились. Армия Чиней отступила на северный берег реки Зянь, которая и стала границей между двумя частями страны. Стихийно сложившееся «перемирие» продолжалось примерно сто лет – вплоть до крупнейшего крестьянского восстания, возглавленного братьями Тэйшон (1771). Вьетнамское государство оказалось разделенным¹³.

Таким образом, с XVI в. в Дангчаунге реальная власть была сосредоточена в руках рода Нгуенов, официально правивших в то время

¹¹ См.: *Никитин А.В.* Универсальные характеристики традиционной вьетнамской мысли // Универсалии восточных культур. М., 2001. С. 265.

¹² См.: *Деоник Д.В.* История Вьетнама. Ч. I. М., 1994. С. 4; *Мурашева Г.Ф.* История и политика. К вопросу о политической культуре Вьетнама // Юго-Восточная Азия. Идеология и религия. М., 2001. С. 163.

¹³ *Мурашева Г.Ф.* Вьетнам в XVI–XVII вв. // История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени XVI–XVIII вв. Т. 3. М., 2000. С. 306.

только провинцией Куангнам. В силу этого Нгуены не могли иметь не только титула «император», но даже и «вьонг»¹⁴ и именовать свой главный город «столицей». Роль столицы выполняли ставки – резиденции, в которых находился в данный момент правитель из дома Нгуенов. Поэтому судьба будущей столицы Дангчаунга – Фусуан – долгое время была связана с этими резиденциями тюа, что подтверждается многочисленными их упоминаниями во вьетнамских официальных хрониках¹⁵. Так, с 1570 по 1626 г. резиденцией первого правителя Дангчаунга Нгуен Хоанга была его ставка Чабат, затем, в 1626–1636 гг. ставкой тюа стал Фьюкиен, построенный в 1611 г. Наконец, с 1636 по 1687 г. центром Дангчаунга являлся город Кимлонг, расположенный в нескольких километрах от Фусуана на берегу реки Ароматной¹⁶. Иначе говоря, в первой половине XVII в. Нгуены еще не обосновались в Хюэ. На примере перемещения ставок правителей Нгуенов в ближайших окрестностях будущей столицы Хюэ мы наблюдаем во Вьетнаме существование в реальности так называемых бродячих столиц (военных ставок) в ранний период становления княжества Дангчаунг¹⁷. «Убегая» от Чиней, Нгуены стремились быть подальше от них, и чтобы обезопасить себя, перенесли свою резиденцию еще южнее, в Фусуан (будущий Хюэ).

Главным мотивом сохранения правящей династии Ле для дома Нгуенов, как и для Чиней, был вопрос о легитимации их власти. Этот вопрос оставался одним из основополагающих на протяжении веков в политической доктрине вьетнамского государства. Затронуть его было опасно из-за реальной возможности непризнания новых правителей Китаем, но и, Чини, и Нгуены стремились укреплять свои позиции на удерживаемых территориях с тем, чтобы каждую из территорий превратить в отдельное самостоятельное государство¹⁸.

О серьезных претензиях на превращение княжества Дангчаунг в независимое государство говорят обращения Нгуенов к цинскому

¹⁴ По устоявшейся терминологии высшим титулом был «император» – vua (nhà vua, hoàng đế), затем «князь» – вьонг (ван), (vuông) и «правитель» – тюа (chúa). Первые два титула вручались Китаем.

¹⁵ *Đại Nam Thực Lục. Tập. I. HN. 1962. Тг. 201, 204, 206, 208 и др.* («Правдивые записи о Великом Юге»). Далее – ĐNTL.

¹⁶ ĐNTL. *Тәп. I. Тг. 218.*

¹⁷ Названия этих ставок упоминаются также в «Описаниях» первых европейских миссионеров, действовавших в Дангчаунге в первой четверти XVII в. Одним из них был А. де Род, сообщавший, что из провинции Куангнам миссионеры направились в резиденцию тюа Сай, «двор» которого в то время еще находился в местечке Чабат, около Куангчи. Но именно в это время тюа Сай решил поменять место своей резиденции и перенести ее в марте–апреле 1626 г. (в 3-ю луну года «бинь зан» (binh dan) в деревню Фьюкиен в 10 км к северу от современного Хюэ. Rhodes de (A.) *Voyages et missions. Paris, 1884. P. 67.*

¹⁸ См.: *Новакова О.В. Крест и Дракон. У истоков вьетнамской католической церкви. XVI–XVII вв. М., 2012. С. 113–114.*

Китаю в 1702 г. и позже с просьбой об инвеституре, которая бы легализовала их правление. Когда стало ясно, что цинский Китай не поддерживает Нгуенов в их стремлении легализовать фактическую независимость от Ле и Чиней (Китай мотивировал свой отказ признанием законности власти только династии Ле как правителя всего Дайвьета), тюа Нгуен Фук Кхоат в 1744 г. объявил себя правителем Дангчаунга с более высоким чем «тюа» титулом, – «выонгом» (князем) и сделал свою резиденцию – Фусуан столицей уже без оглядки на династию Ле и Китай¹⁹.

В связи с этим мотивы сакрализации Фусуан как резиденции и центра верховной власти, поддержание всей культовой обрядности и ее реализации в отношении персоны правителя из рода Нгуен должны были быть максимально усилены всеми имеющимися средствами.

Примером этому можно считать один из монументальных трудов, созданных в XIX в. в империи Дайнам (Великий Юг), придворными хронистами династии Нгуен – историко-географическую энциклопедию «Единые записи о Великом Юге». Первый из пяти томов весь посвящен описанию столицы Хюэ²⁰.

Несмотря на то что в первом томе содержится описание имперского Хюэ, многие страницы, безусловно, несут историческую информацию о более ранних временах, начиная с основания своей резиденции в Фусуан первым правителем Дангчаунга Нгуен Хоангом в XVI в. Переплетение династической истории с рассказом об основании Фусуана в XVI в., «выбранную самим Небом»²¹, должно было подчеркнуть значимость этого места, его сакральность. Тем не менее во времена политической раздробленности Вьетнама в период XVI–XVIII вв. все правители Дангчаунга, начиная с первого правителя Нгуен Хоанга именовали себя «тюа», в сочинении XIX в. «Единые записи о великом Юге» все правители рода Нгуен именуется не только представителями правящей династии, но и императорами. Тем самым достигалась легитимация новой династии, пришедшей к власти не мирным, но военным путем, через длительные и кровопролитные сражения против отрядов восставших Тэйшонов. Через подобное удлинение истории Нгуен Тхе-то (1802–1820) становился уже не только первым императором пришедшей к власти новой династии, но и потомком Нгуенов-императоров, правивших в стране с XVI в.

Важно отметить и символичность самого названия столицы Нгуенов – Хюэ («мир», «согласие»), что семантически восходит к понятиям «изменение», «преображение», которые, как было сказано выше, в китайской и во вьетнамской традиционной концепции власти относятся

¹⁹ См.: *Мурашева Г.Ф.* Вьетнам в XVI–XVII вв. С. 310.

²⁰ *Đại Nam Nhất Thống Chí. Tập I.* H N, 1969 («Единые записи о Великом Юге»).

²¹ *ĐNNTC. Tập I.* Tr. 12.

к главной функции императора – «преображение» социума (а также и всей Вселенной) при помощи «ненасильственного поучения»²².

Смысл названия столицы Нгуенов также свидетельствует об их сильнейшем стремлении показать себя равными «древним и цивилизованным» правителям Севера – роду Чинь, а может быть и превзойти их. В Дангчаунге формировалась достаточно своеобразная культура, в которой влияние конфуцианских норм ощущалось слабее, чем на севере²³.

Рассказ о Хюэ, его достопримечательностях и особенностях составляет весь первый том, что отражает особый статус столицы в структуре империи. Так, с первого раздела описания столицы воплощается идея духовной и политической централизации страны. Сама структура описания столицы, состоящая из десяти разделов²⁴, отличается от известий о других провинциях империи Дайнам.

Первый раздел открывается описанием пейзажа вблизи Хюэ: «Столица находится там, где встречаются горы и море; она расположена между Севером и Югом, на высокой и сухой земле, среди умиротворенных гор и рек; водный проход Тхуанам (к Хюэ) глубок и опасен, на пешеходной же дороге расположен (перевал) Хоаньчюннг, а ущелье Хайван на этом пути заграждено с двух сторон: слева раскинулась широкая река, справа его (Хюэ) защищают высокие горы; здесь свернулся Дракон и сел Тигр. Местность вокруг (города) тверда и устойчива, что устроено самим Небом и Землей, Хюэ истинно является первым городом государя»²⁵.

Выбор места столицы, ее местонахождения составляли одно из важнейших условий для ее основания. Главным из них было обеспечение в окружающем ландшафте присутствия доброго духа – покровителя верховного правителя страны, а равно и всего народа, его подданных. Определенное расположение гор, рек, холмов и иных элементов окружающей среды позволяло надеяться на получение этого покровительства. Их сочетание указывало на мистическое действие скрытых элементов, невидимых сил, геомантические символы которых – Белый Тигр и Голубой Дракон – наиболее популярные и почитаемые во вьетнамских верованиях, легендах, мифах. При-

²² Никитин А.В. Универсальные характеристики традиционной вьетнамской мысли. С. 264. По значению слова Хюэ во Вьетнаме также есть несколько разных версий. Согласно одной из них, Нуё действительно восходит к слову Нóa, но возможно имеется в виду составная часть названия провинции Тханьхоа (Thanh Hóa), откуда Нгуены были родом, или Тхуанхоа (Thuận Hóa) – административная единица в Центральном Вьетнаме. А изменение названия было вызвано табуированием слова Хоа, так как оно совпадало с именем потомка основателя рода Нгуен.

²³ См.: Маслов Г.М. Роль религиозно-идеологического фактора в истории Вьетнама и в период обновления. // Юго-Восточная Азия. Идеология и политика. М., 2001. С. 197.

²⁴ ĐNNTC, Tập I, tr. 11–75.

²⁵ ĐNNTC, tập I, tr. 11.

мечательно, что в основе приведенного выше отрывка лежит знание известных в то время законов геомантии, что является наглядным подтверждением веры в действие скрытых, мистических сил природы, представляющую одну из основных черт и современного вьетнамского менталитета.

По правилам геомантии для придания местности благоприятного влияния, необходимо, чтобы Дракон находился слева, а Тигр справа от трона императора, сидящего лицом к Югу, потому что реальное проявление влияния Белого Тигра происходит на Западе, а Голубого Дракона – на Востоке, что соответствовало ориентации сторон крепости столицы Хюэ. Эти стороны крепости обычно посвящались названному мифическим животным.

В энциклопедии «Единые записи о Великом Юге» отсутствуют устоявшиеся мифологические представления о легитимации власти монарха, но отражены исторические обоснования права династии Нгуен на престол Хюэ через показ связи и преемственности новой столицы с резиденциями предыдущих правителей Нгуенов, построенных на этом месте: «Император Тхе То... следуя старым следам, постоянно расширяя (поселение) на месте (общины Фусуан), основал столичный город и только тогда (он) стал называться Столицей»²⁶.

Необыкновенное местоположение Хюэ с точки зрения геомантии с давних пор привлекало внимание представителей рода Нгуен и не только их. Существует предание, заботливо хранимое хронистами династии Нгуен о том, что еще в IX в. один из китайских генералов Гао Бянь, известный не только своими военными победами, но и знанием геомантии, находясь в окрестностях будущего Хюэ, угадал значение и роль в будущем этого поселения, что настолько обеспокоило его, что он приказал скрыть один из земляных выступов позади холма, чтобы нарушить и нейтрализовать действие сверхъестественных сил, которые он увидел в этом возвышении²⁷. Но его старания были напрасны. Согласно тому же преданию, Нгуен Хоанг, первый правитель рода Нгуен в Дангчаунге, придя на это место много веков спустя, также увидел и понял необычность этой местности и в частности этого холма, в котором можно было увидеть образ дракона, поднимающего голову и оглядывающегося назад. Чтобы восстановить действие сверхъестественных сил, Нгуен Хоанг построил на этом месте в 1601 г. (в 6-й фазе луны) буддийскую пагоду²⁸, что можно расценивать как первый акт утверждения власти Нгуенов в тех землях, где позже должна была появиться их столица, и этот акт носил религиозный характер.

²⁶ Đại Nam Nhất Thống Chi. Tập I. Tr. 14.

²⁷ Cadière L. Croyances et pratiques religieuses des vietnamiens. BEFEO, Saigon. 1955. P. 303.

²⁸ Bonhomme A. La pagode Thiên-Mụ: historique. B.A.V.H. 1915. P. 175–177.

Особое значение с точки зрения правил геомантии представляла возвышенность «Лонгтхо» («Бессмертие в бесконечности»), которая преграждает путь реке Ароматной. Своим расположением наискосок от холма Тхиенму она создает геомантический узор, называемый «дверь Неба и ось Земли»²⁹, где само название говорит о значении данной местности как о благоприятном для расположения там столицы Хюэ. Остается добавить, что Нгуен Хоанг приказал восстановить разрушенный китайским генералом земляной уступ, чтобы вернуть образу дракона его первоначальный вид.

Именно очень благоприятное положение Хюэ с точки зрения геомантии сыграло не последнюю роль в выборе Фусуан, а затем и Хюэ столицей всей империи Дайнам. Предыдущие частые перемещения ставок были обусловлены и неблагоприятной геомантией их ландшафта. По мнению правившего в XVII в. Конг Тхыонга, выбранное ранее место «было слишком узким»³⁰. «Слишком узкое место» – это сказано о месте погребения – важнейшем пункте культа предков, тем более, правителей страны. Тесное место погребения могло принести несчастье династии, потомкам правителя. А новое, более обширное место, создавало условия для спокойного и удобного захоронения, и тем самым могло способствовать счастью и процветанию династических потомков.

Для каждого вьетнамца, имея в виду его ментальность, совершенно очевидно, что перемена «слишком узкого» места связана с «теснотой» с точки зрения геомантии. Для вьетнамца физические и сверхъестественные свойства местности составляют две стороны одного и того же явления. Реки и горы, их гармоничное расположение в сочетании с основными линиями судьбы каждого человека являются определяющими факторами в глазах вьетнамцев, когда речь идет о благополучии их семей. Именно в силу этих причин выбор правителя тюа Конг Тхыонг остановился на новом месте, где он приказал построить свою новую резиденцию. Перемена места была обоснована также и военно-политической ситуацией, связанной с противостоянием с Севером. Нгуенам приходилось бороться даже против некоторых членов своей семьи, переходивших иногда на сторону противника и выступавших в союзе с Чинями. В связи с этим правитель – Конг Тхыонг стремился обеспечить свою личную безопасность и будущее своей династии, поместив семью под покровительство благоприятных энергий данной местности.

В 1683 г. пятый правитель Нгуенов – тюа Нгай вновь осуществил еще один перенос резиденции Нгуенов, на этот раз на два километра

²⁹ *Cadière L.* Croyances et pratiques religieuses. P. 303.

³⁰ *Ibid.* P. 304.

южнее, на территорию общины Фусуан. С тех пор никаких переносов столицы Дангчаунга не было.

В чем же заключались преимущества нового местоположения столицы Хюэ, когда были приняты во внимание все геомантические составляющие, указывающие на действия сверхъестественных сил?

Само описание местности, где расположена столица, в энциклопедии «Единые записи о великом Юге» отражает воспроизведение ее как пространства с особым статусом географического центра вьетнамского государства³¹. Исходя из вышесказанного, первое правило заключалось в том, чтобы все постройки столицы были ориентированы на Юг. Ось обитания жилища верховного правителя должна быть направлена от «ти» на «нго», или же от «кюи» на «динь», или же от «ням» на «бинь», или же от «кан» на «тон», – это все линии, которые на геомантическом компасе соответствуют направлениям географического компаса между «Северо-Западом – Юго-Востоком» и между «Северо – Северо-Востоком – Югом – Юго-Западом»³².

Данная ориентация, заключая традицию и ритуальность, уже сама по себе считалась залогом процветания и могущества столицы, династии, находящейся в ней, всего государства, центром которого эта столица является. Но окружающий ее соответствующий ландшафт с его горами, реками, естественной конфигурацией территории еще больше усиливал указанное преимущество – «правильную» ориентацию по частям света. В этом и заключался особый характер расположения столицы, позволявший называть ее такими эпитетами как сказочная, чудесная, дивная, потому что ей смогли одновременно придать требуемую ориентацию по частям света и обеспечить благоприятное покровительство ландшафта³³.

Вера в покровительство духов была одной из главных составляющих частей вьетнамских народных верований. Охрана императорского города, его укреплений, ворот, сокровищ доверялась духам – покровителям. Некоторые из них персонифицированы, в отличие от категории сверхъестественных сил, и имеют имена соб-

³¹ Отметим, что Хюэ стал географическим центром всего вьетнамского государства в объединенной империи Дайнам с 1802 г., но в XVII в., когда еще только происходило заселение дельты Меконга и крайних южных областей Индокитайского полуострова, Хюэ можно считать центром только что заселенных и освоенных областей Центрального Вьетнама.

³² *Cadière L. La Porte dorée du Palais de Hue et les palais adjacents. B.A.V.H. 1914. P. 324. В.Е.Ф.Е.О. Saigon. 1955. P. 320.* Приведем в этой связи небезынтересное, на наш взгляд, наблюдение Чан Динь Хьюу, одного из известных ученых СРВ в области культуры: «А что входило в содержание понятия “фыонг ки”», т.е. фармацевтика, гадание, география, астрономия и т.д., изучалось по китайским книгам. Если учитывался местный опыт, то все равно объяснялось с позиций «у-син» и «Инь-Ян». См.: *Никитин А.В. Антология традиционной вьетнамской мысли. М., 1996. С. 8.*

³³ *Cadière L. Croyances et pratiques religieuses. P. 306.*

ственные. Одной из главных категорий является дух покровителя общины (тхань хоанг). Его название значимо: первое слово означает «стена огады», а второе – «ров» на внешней стороне крепости. Помимо материальной защиты столичной крепости имеется в виду и другой, более важный смысл: персонифицированная защитная сила выполненных фортификационных работ присутствует в невидимых существах, духах-покровителях и придают всем укреплениям и рвам эффективную оборонительную силу.

Все эти религиозные практики и культы имели в своей основе один принцип: те, кто несут свою службу в реальном мире, не одиноки. Выполнение дела, его успех или неуспех зависят особенно от помощи могущественных духов-покровителей. Поэтому необходимо их расположить к себе путем подношений и просьб. В этой концепции восприятия жизни и происходящих повседневных забот сочетаются такие человеческие свойства характера, как страх и униженность, но и вера в добро. Данное традиционное стремление заручиться поддержкой могущественных сил было впоследствии обращено на европейских миссионеров, обладавших в глазах «простого» вьетнамца репутацией чуть ли не всемогущих волшебников и магов, благодаря их необыкновенным, неизвестным во Вьетнаме знаниям и их новой религии, и стало одним из мотивов принятия христианства вьетнамцами в XVII в.³⁴

Сохранилось также множество легенд, подчеркивающих роль и значение династического культа и всего, что с ним было связано. Во многих легендах присутствует образ идеального «большого мандарина», который, получив смертельные раны в сражении с врагом его родины, приказывал одеть себя в церемониальную одежду «Большой аудиенции» (у правителя), затем из последних сил поворачивался лицом в сторону дворца и посылал последнее прощание своему повелителю, которому он служил столько лет.

В этом предсмертном прославлении правителя проявлялись конфуцианские понятия о долге и преданности, а также и отголоски древних вьетнамских культов почитания предков и старших в семье, которые затем были усилены конфуцианством.

Все выше изложенное характеризует Фусуан – Хюэ – столицу княжества Дангчаунг, а затем империи Дайнам как центр культа верховного правителя, а также и всех существовавших в стране культов, как местных, так и заимствованных, объединенных верховной властью правителя в единую стройную систему религиозных верований. Вместе с тем в столице, судя по количеству и составу культовых сооружений, существовало заметное преобладание официальных го-

³⁴ См.: *Новакова О.В.* Крест и Дракон. У истоков вьетнамской католической церкви. XVI–XVII вв. С. 285.

сударственных (конфуцианских) культов, связанных непосредственно с культом правителя, над буддизмом и народными культурами, процветавшими в провинциях³⁵.

Источники

Đại Nam Thực Lục, (ĐNTL). Tập I, HN, 1962
Đại Nam Nhất Thống Chí (ĐNNTC), Tập I. HN, 1969
Bulletin des Amis du vieux Hue
Bulletin d' Ecole Française d'Extrême Orient

Список литературы

- Бандиленко Г.Г.* Концепция монархической власти как объект систематического описания (в связи с изучением монархий Нусантары VII–XV вв.). // Три четверти века. Деопику Д.В. – друзья и ученики. М., 2007.
- Деопик Д.В.* История Вьетнама. Ч. I. М., 1994.
- Кравцова М.Е.* История культуры Китая. СПб., 1999
- Маслов Г.М.* Роль религиозно-идеологического фактора в истории Вьетнама и в период обновления // Юго-Восточная Азия. Идеология и политика. М., 2001.
- Мартынов А.С.* Государственное и этическое в императорском Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1998.
- Мурашева Г.Ф.* Вьетнам в XVI–XVII вв. // История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени XVI–XVIII вв. Т. 3. М., 2000.
- Мурашева Г.Ф.* История и политика. К вопросу о политической культуре Вьетнама // Юго-Восточная Азия. Идеология и политика. М., 2001.
- Никитин А.В.* (ред.) Антология традиционной вьетнамской мысли. М., 1996.
- Никитин А.В.* Универсальные характеристики традиционной вьетнамской мысли // Универсалии восточных культур. М., 2001.
- Новакова О.В.* Крест и Дракон. У истоков вьетнамской католической церкви. XVI–XVII вв. М., 2012.
- Симонова-Гудзенко Е.К.* О формировании сакрального пространства на японском архипелаге // Три четверти века. Деопику – друзья и ученики. М., 2007.
- Торчинов Е.А.* Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. СПб., 1998.
- Bonhomme A.* La pagode Thiên-Mụ: historique. B.A.V.H. 1915.
- Cadière L.* La Porte dorée du Palais de Hue et les palais adjacents. B.A.V.H. 1914.
- Cadière L.* Croyances et pratiques religieuses des vietnamiens. BEFEO, Saigon, 1955.

References

- Bulletin des Amis du vieux Hue.
Bulletin d' Ecole Française d'Extrême Orient.
Bandilenko G.G. *Kontseptsiya monarkhicheskoi vlasti kak ob'ekt sistematicheskogo opisaniya (v svyazi s izucheniem monarkhii Nusantary VII–XV vv.)*. (Concepts of monarchical power as an object of systematic description (in connection with the study of monarchy in Nusantara 7–15th cent.)) // Tri chetverti veka. Deopiku D.V. – druz'ya i

³⁵ Там же. С. 286–287.

- ucheniki (Three-quarters of a century, Deopik, D.V. – Friends and students). Moscow, 2007.
- Đại Nam Thực Lục, (ĐNTL). Tập I, HN, 1962.
- Đại Nam Nhất Thống Chí (ĐNNTC), Tập I, HN, 1969.
- Deopik D.V. *Istoriya V'etnama* (History of Vietnam), Part 1. Moscow, 1994.
- Kravtsova M.E. *Istoriya kul'tury Kitaya* (History of Chinese Culture). St. Petersburg, 1999.
- Maslov G.M. *Rol' religiozno-ideologicheskogo faktora v istorii V'etnama i v period obnovleniya* (The role of religious and ideological factor in history of Vietnam and during the Renovation) // *Yugo-Vostochnaya Aziya. Ideologiya i politika* (South-East Asia. Ideology and politics). Moscow, 2001.
- Martynov A.C. *Gosudarstvennoe i eticheskoe v imperatorskom Kitae* (State and ethics in imperial China) // *Etika i ritual v traditsionnom Kitae* (Ethics and ritual in traditional China). Moscow, 1998.
- Murasheva G.F. *V'etnam v XVI–XVII vv.* (Vietnam in 16–17th centuries) // *Istoriya Vostoka. Vostok na rubezhe srednevekov'ya i novogo vremeni XVI–XVIII vv.* (History of the East. East at the edge of medieval and modern times, 16–18th cent.), V.3. Moscow, 2000.
- Murasheva G.F. *Istoriya i politika. K voprosu o politicheskoi kul'ture V'etnama* (History and Politics. The question of political culture in Vietnam) // *Yugo-Vostochnaya Aziya. Ideologiya i politika* (South-East Asia. Ideology and politics). Moscow, 2001.
- Nikitin A.V. (ed.) *Antologiya traditsionnoi v'etnamskoi mysli* (Anthology of traditional thought in Vietnam). Moscow, 1996.
- Nikitin A.V. *Universal'nye kharakteristiki traditsionnoi v'etnamskoi mysli* (Universal characteristics of traditional thought in Vietnam) // *Universalii vostochnykh kul'tur* (Universals of Eastern cultures). Moscow, 2001.
- Novakova O.V. *Krest i Drakon. U istokov v'etnamskoi katolicheskoi tserkvi. XVI–XVII vv.* (The cross and the dragon. At the origins of Vietnamese Catholic Church, 16–17th centuries). Moscow, 2012.
- Simonova-Gudzenko E.K. *O formirovanii sakral'nogo prostranstva na yaponskom arhipelage* (On the formation of sacred space on the Japanese archipelago) // *Tri chetverti veka. Deopiku D.V. – druz'ya i ucheniki* (Three-quarters of a century, Deopik, D.V. – Friends and students). Moscow, 2007.
- Torchinov E.A. *Daosizm. Opyt istoriko-religiovedcheskogo opisaniya* (Taoism. An experience of historical and religious description). St. Petersburg, 1998.
- Bonhomme A. *La pagode Thiên-Mư: historique*. B.A.V.H. 1915.
- Cadière L. *La Porte dorée du Palais de Hue et les palais adjacents*. B.A.V.H. 1914.
- Cadière L. *Croyances et pratiques religieuses des vietnamiens*. BEFEO, Saigon, 19.

Список сокращений

- BAVH – Bulletin des Amis du vieux Hue
- BEEFO – Bulletin d'École Française d'Extrême Orient
- ĐNTL – Đại Nam Thực Lục («Правдивые записи о великом Юге»)
- ĐNNTC – Đại Nam Nhất Thống Chí («Записи о едином великом Юге»)

Сведения об авторе: *Новикова Оксана Владимировна*, канд. ист. наук, доцент кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: Oksana_Novakova@mail.ru

About the author: *Novakova Oksana Vladimirovna*, PhD, Assistant Professor, History of Far East and Southeast Asia Department, Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: Oksana_Novakova@mail.ru

А.М. Пальников

ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА В ТУРЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПРЕССЕ (1945–1950)

Статья посвящена возрастанию роли исламского фактора в турецком обществе и его отражению в прессе после второй мировой войны. Автор показывает изменения, происходившие в турецкой прессе. Особое внимание уделено появлению происламской прессы в Турции и дискуссиям о светских принципах государства.

Ключевые слова: Турция, ислам, кемалисты, пресса.

The following article focuses on strengthening of Islamic factor in Turkish society and its depiction in Turkish press after World War II. The author shows shifts in Turkish printed press. Special attention is paid to establishing of Islamic periodicals in Turkey, and discussions of secular principles of the state.

Key words: Turkey, Islam, Kemalists, Press.

Вторая половина 1940-х годов является переломной в истории республиканской Турции. В первые послевоенные годы произошли существенные изменения не только во внешней, но и внутренней политике государства. С точки зрения изменений в политической системе этот период можно определить как «время демократического транзита» – Народно-республиканская партия «добровольно» отказывается от монополии на власть. Новые заокеанские союзники оказывали давление на Турцию, требуя демократизации политического режима. Подписание Турцией Хартии ООН обязывало привести режим в соответствие со «стандартами демократии». Существование независимой прессы также является одним из признаков «демократии». В 1945–1950 гг. пресса, освободившись из-под неусыпной опеки властей, активно включается в новую политическую жизнь. В условиях формирующейся многопартийности, когда исламский фактор становится одним из важных средств политической мобилизации масс, исламские тенденции находят свое отражение и в турецкой прессе.

Первым свидетельством начала либерализации кемалистского режима стала речь президента Исмет Инёню¹ 19 мая 1945 г., с которой он обратился к нации, обещая демократизацию страны. Он заявил о

¹ Мустафа Исмет Инёню (1884–1973) – турецкий военачальник и политик, второй президент Турции, преемник Ататюрка.

том, что страна уверенно идет к демократии, свободе и безопасности, только не хватает оппозиционной партии, противостоящей правящей. Инёню выразил надежду, что такая партия будет создана «в соответствии с принципами демократии и согласно потребностям нации», однако эта демократия должна соответствовать «духу и культуре турецкого народа». Появление же оппозиционных партий откладывалось на неопределенный срок, когда «атмосфера свободы и демократии хорошо покажут себя в стране»². Тем не менее Инёню пообещал, что антидемократические законы будут пересмотрены, и призвал внутренних оппозиционеров в Народно-республиканской партии выйти на свет. С началом процесса демократизации и фактического раскола в рядах НРП, часть периодических изданий стала оппозиционными к действующей власти.

В монопартийной Турции (1923–1945) пресса находилась в подчиненном положении. Любые попытки печатать что-либо несоответствующее генеральной линии правящей партии жестко пресекались, негодные издания закрывались. В годы Второй Мировой войны печатная пресса являла собой исключительно инструмент Народно-республиканской партии. Все колумнисты были членами правящей партии. Более того, все турецкие журналисты были обязаны состоять в Союзе турецкой прессы³. Административно турецкая пресса была поделена на пять регионов (фактически, управлений) – Стамбул, Анкара, Измир, Адана, Трабзон.

Пока происходили изменения внутри Народно-республиканской партии, оппозиционные настроения нашли свое выражение в турецкой прессе. Общий оппозиционный фронт сформировался к лету 1945 г. вокруг газет Ватан и Тан⁴. Другие издания были крайне осторожны в оценках перспектив демократизации, что неудивительно, ведь в Турции того времени любая критика правительства (и особенно Президента) воспринималась, как национальное предательство. Большинство крупных газет были правоцентристской политической

² *Gürkan. Nilgün Türkiye’de Demokrasiye Geçişte Basın 1945–1950. İstanbul, 1998. S. 183.*

³ История турецких журналистских организаций восходит к 1908 году с появления Ассоциации Османской печати (*Matbuat-ı Osmaniye Cemiyeti*). Организация несколько раз меняет свое название: в 1917 г. она становится Османской ассоциацией печати (*Osmanlı Matbuat Cemiyeti*), в 1921 г. – Стамбульской ассоциацией печати (*İstanbul Matbuat Cemiyeti*), в 1934 г. – Стамбульским обществом прессы (*İstanbul basın kurumu*). Фактический статус государственного учреждения она приобретает в 1935 г., после издания закона № 3511 о Союзе турецкой прессы (*Türk Basın Birliği*). Согласно второй статье этого закона лицам, не состоящим в этой организации, было строго запрещено заниматься журналистской деятельностью.

⁴ Газета Ватан (тур. *Vatan* – Родина) была либеральной ориентации, главный редактор – Ахмед Эмин Ялман; газета Тан (тур. *Tan* – Рассвет) была левой социалистической направленности, главный редактор Зекерия Сертель.

ориентации. С началом либеральных преобразований и появлением разных политических сил идеологическая окраска части турецких газет стала меняться. Первыми стали появляться газеты левого социалистического толка, такие как *Ля Тюрки* (Турция), журналы *Йени Дюнья* (Новый Мир) и *Гёрюшлер* (Точки зрения); а также газеты либеральной ориентации. Праворадикальная пресса появляется в самом конце 1940-х – начале 1950-х годов⁵. О прессе исламской направленности будет сказано ниже.

Звучавшие в прессе требования либерализации сводились к восстановлению конституционных прав и свобод, внесению поправок в закон о Партиях и о Полиции (прежде всего в его восемнадцатую статью, которая позволяла задерживать и содержать под стражей «опасных» лиц и обыскивать дома без каких-либо постановлений), учреждению университетской автономии, введению прямых выборов при тайном голосовании, отделению должности президента от должности председателя НРП. Некоторые издания, как, например, газета *Ваки́т* (Время) вовсе осудили переход к многопартийности. Так, 16 июня 1945 г. ее главный редактор написал в своей колонке, что «некоторые газеты пытаются создать свои собственные искусственные партии ... и их целью является подрыв национального единства Турции»⁶. Тем не менее оппозиционная пресса набирала силу. Например, измирская газета *Йени Эконом* (Новая экономика), закрытая губернатором вилайета за публикацию заметки об автомобильной аварии с участием его сына, была вновь открыта под давлением газеты *Ватан*. Тема религии, однако, в 1945–1946 гг. еще широко не поднималась. В этот период турецкая печатная пресса боролась за свое независимое существование.

Рост оппозиционных настроений в прессе вызвал ответную реакцию правящей партии. Некоторые члены Народно-республиканской партии открыто призывали молодежь разгромить неугодные издания. 4 декабря 1945 г. при молчаливом одобрении властей в Стамбуле (несмотря на военное положение) прошла демонстрация под антикоммунистическими⁷ и антиоппозиционными лозунгами. Были разгромлены офисы газет *Тан* и *Ля Тюрки*, журналов *Йени Дюнья* и *Гёрюшлер* (все эти издания были левой направленности, а события 4 декабря 1945 г. носили прежде всего антикоммунистическую окраску). Газету *Акшам*

⁵ В годы Второй мировой войны в турецком обществе были довольно сильные туранистские и пантюркистские настроения. Однако они жестко подавлялись правящей НРП.

⁶ *Vakit*. 1945. 16.06.

⁷ Антикоммунизм был присущ кемалистскому режиму с ранних годов существования республики. В исследуемый период Советский Союз настаивал на пересмотре статуса Черноморских проливов, определявшегося конвенцией Монтрё 1936 г. В частности, СССР предложил проект коллективной обороны Проливов, что довело турецкий антикоммунизм вовсе до панических настроений.

(Вечер) демонстранты вынудили отказаться от публикации критических заметок об этом событии. Газета Ватан избежала подобной участи – она была просто оппозиционной. Народно-республиканская партия, показав свою силу левым и сыграв на антикоммунистических настроениях населения, смогла временно укрепить свои позиции. Тем не менее уже в первом квартале 1946 г., высказывавшиеся в прессе минимальные требования к либерализации, о которых говорилось выше, были удовлетворены. Кроме того, турецкая пресса смогла освободиться от государственного контроля. В начале 1946 г. руководство Союза турецкой прессы сменилось на людей более открытых для дискуссий. В скором времени, 30 мая 1946 г., Союз был распущен президентом Инёню⁸. На месте этой организации 9 июня 1946 г. была создана Ассоциация турецких журналистов, не являвшаяся государственным учреждением и не подконтрольная партии и правительству.

Во второй половине 1940-х годов впервые в истории республиканской Турции появились журналы происламистского толка. Первым из них стал журнал Бююк Догу (Великий Восток), который издавал Неджип Фазиль Кысакюрек⁹. Первые тридцать номеров журнала вышли еще в период между сентябрем 1943-го и маем 1944 г., после чего журнал был запрещен. В 1945 г. запрет был снят и журнал продолжил «выходить в свет». Параллельно с 1946 г. Кысакюрек начал издавать серию брошюр под названием «Основы идеологии / Великий Восток», в которой излагал свою политическую программу. Согласно его проекту государство должно было управляться органом под названием «Собрание Возвышенных», которое выполняло бы функции парламента. Собрание должно было состоять из лиц, наделенных некими «великими достоинствами», а суверенитет – принадлежать Аллаху. Собрание должно было избирать лидера, «Возвышенного», наделенного неограниченными диктаторскими полномочиями. После публикации программы журнал Кысакюрека превратился в воинственный пропагандистский орган, ратовавший за создание такого весьма сомнительного политического движения¹⁰.

Гораздо более влиятельными и менее одиозными происламскими изданиями были журналы Себильульрешат (Путь добродетели) и

⁸ Согласно официальной формулировке – из-за отсутствия «подобных учреждений» в европейских странах.

⁹ Неджип Фазиль Кысакюрек (1905–1983) – турецкий поэт, писатель и мыслитель. В 1920–1930 гг. был сторонником кемализма. В конце 1930-х годов попал под влияние тариката накшибенди. Деятельность тарикатов в Турции того времени находилась под запретом. С 1925 г. доступ в обители тарикатов был закрыт; за совершение обрядов, ношение традиционной одежды полагалась уголовная ответственность. Тем не менее суфийские братства продолжали вести свою деятельность в Турции нелегально.

¹⁰ *Azak Umut. Islam and Secularism in Turkey: Kemalism, Religion and the Nation State.* L., 2010. P. 65.

Селямет (Безопасность). Журналы были скорее публицистическими и выступали с либеральных позиций. Себилзюльрешат начал выходить в 1948 г., его владельцем был Эшреф Эдип Ферган¹¹. Журнал Селямет издавался в 1945–1949 годах Омером Догрулом¹². Среди прочих исламских изданий стоит отметить журнал Серденгечти (Нерегулярный конник в Османской Империи), публиковавшийся Османом Юкселем Серденгечти¹³ в 1946–1960 гг.; журнал Ислам Дюньясы (Исламский мир), который издавался Мехмедом Раиф Оганом¹⁴ в 1952–1954 гг. Эти издания стали платформой для критики религиозной политики правящей партии. Государственная агрессия против религии, по мнению подобных изданий, была направлена исключительно против ислама, а не других религий (представителей которых в Турции того времени, к слову, было ничтожно мало); такая враждебность противоречила светскости и вела к разрушению моральных устоев общества. Подобные издания выступали с «консервативно-националистических» позиций¹⁵, не позволяя открытого исламизма, но противопоставляя себя официальному светскому национализму.

Правящая партия подвергалась постоянным нападкам со стороны набравшей силу¹⁶ Демократической партии за «антиисламизм»¹⁷. Почти сразу со стороны демократов прозвучали обещания разрешить использование арабского алфавита и чтение эзана на арабском. Проправительственные газеты обвинили демократов в использовании ислама в политических целях, что было уголовно наказуемо. Демократическая партия, не имея ни общенациональной организации, ни четкой программы, набирала политический вес, главным образом, за счет именно своей «оппозиционности». Быстрый рост популярности Демократической партии стал беспокоить правящие круги¹⁸.

¹¹ Он издавал одноименный журнал исламско-либерального толка во время Второго конституционного периода (1908–1919 гг.).

¹² Омер Реза Догрул (1893–1952) – турецкий политик и журналист.

¹³ Осман Юксель Серденгечти (1917–1983) – турецкий политик, журналист и поэт.

¹⁴ Мехмет Раиф Оган (1887–1976) турецкий мыслитель, просветитель и писатель. Писал преимущественно на темы религии и нации.

¹⁵ Так сами издания характеризовали свои взгляды.

¹⁶ Демократическая партия была образована 7 января 1946 г. группой бывших членов Народно-республиканской партии. Лидерами ДП стали Джелаль Баяр (бывший премьер-министр от НРП) и Аднан Мендерес. ДП сразу же начала открывать региональные отделения, а также показала возможность проводить массовые митинги и демонстрации, которые стали новым инструментом в политической борьбе.

¹⁷ Демократическая партия апеллировала прежде всего к светскому статусу государства и принципу свободы совести. Законодательные ограничения на проявление религиозных чувств, по мнению демократов, этим принципам противоречили.

¹⁸ Во многом именно из-за этого были проведены досрочные выборы 21 июля 1946 г., до того как ДП смогла создать местные организации по всей стране. НРП по-

В связи с изменением политической обстановки в декабре 1946 г. в меджлисе прошло обсуждение вопроса о возможности восстановления религиозного образования в школах, инициированное депутатом от Стамбула Хамдуллоу Супхи Танрыювером и депутатом от Бурсы Хаккы Баха Парсом. Они видели в религиозном образовании возможность морального противостояния «коммунистической опасности»¹⁹. Премьер-министр Реджеп Пекер прокомментировал перспективу замены коммунизма шариатом как «смену одного смертельного яда на другой»²⁰. В меджлисе выдвигались различные предложения, как то: учреждение специальных исламских читален, доступных для всех категорий населения, проведение семинарских занятий в школах приглашенными специалистами, введение факультативных уроков религии²¹. Обсуждение подобных перспектив в парламенте нашло отражение в прессе как проправительственной, так и оппозиционной²². Стоит заметить, что широкой общественной дискуссии в прессе по данному вопросу в 1946 г. не получилось – газеты лишь освещали события.

Дебаты по поводу светскости внутри НРП были восприняты многими светскими интеллектуалами как предательство по отношению к республиканскому наследию. Особенно усердствовали в этом отношении левые диссиденты, которые считали лидеров НРП лицемерами. Мехмет Али Айбар²³ обвинил НРП в запуске механизма политической реакции во всех сферах жизни, включая религию²⁴. Журналист Хыфзы Топуз полагал, что восстановление религиозного образования в школах противоречит кемалистским принципам и опять же вело к реакции²⁵. Такие авторы видели эпоху Ататюрка как золотой век свободы и светскости. Например, известный турецкий писатель Азиз Несин, публиковавший в конце 1940-х годов газету социалистической направленности Баштан (Сначала), писал: «Реакция обрушилась на нас со всей своей мощью. Положение вещей при

бедила на выборах, получив абсолютное большинство мест в парламенте – 397 из 465. Демократическая партия получила 61 место, при этом она была представлена только в половине избирательных округов.

¹⁹ *Rustow Dankwart A. Politics and Islam in Turkey, 1920–1955 // Islam and the West. The Hague: Mouton, 1957. P. 93.*

²⁰ М. Meclisinde Milli Eğitim Bütçesi Görüşülürken Kimsenin Beklemediği bir Konuşma. Vatan, 1946. 25.12. S. 1, 5.

²¹ *Azak Umut. Islam and Secularism in Turkey: Kemalism, Religion and the Nation State. L., 2010. P. 62–64.*

²² *Tarhanlı İ.B. Müslüman toplum «laik» devlet: Türkiye’de Diyanet İşleri Başkanlığı İst. 1993. S. 22–24.*

²³ Мехмет Али Айбар (1908–1995) турецкий политический деятель, один из лидеров турецкого социалистического движения.

²⁴ *Mehmet Ali Aybar. Apaçık Diktatör Olsunlar... Hür, no 1 (1.02.1947). S. 1.*

²⁵ *Hıfzı Topuz. Türkiye’de Din Tedrisatı Olamaz: Bugün din tedrisatının kabulü şeklinde karşımıza çıkan irtica, bütün Atatürk inkılaplarını yıkmak gayesi güdüyor. Hür Gençlik. no. 3 (9.05.1947). S. 1–8.*

Ататюрке, которого некоторые обвиняют в диктаторстве было таким ... Свобода мысли никогда не была столь широка, как в то время ... Религия не подавлялась, поскольку каждый мог ходить в мечеть и молиться; Коран был переведен на турецкий язык; эзан читался на турецком языке; исламские науки преподавались в университете ... Сейчас же Турция движется обратно, поскольку свобода мысли всячески ограничивается». Статья заканчивается мрачно: «Может прийти время, когда защищать революционность, светскость и даже этатизм станет греховно и запрещено»²⁶.

Несмотря на противодействие сторонников светскости как внутри НРП, так и вне ее, вопрос о реформе государственных религиозных институтов оставался на повестке дня. После издания «Декларации 12 июля 1947 года о многопартийности», когда президент Инёню пошел на фактический стовор с оппозицией²⁷, и последующего поражения «твердых кемалистов», ознаменованного отставкой правительства Реджепа Пекера 7 сентября 1947 г., вопрос о принципе светскости встал с новой силой. Было принято решение о созыве очередного 7-го съезда Народно-республиканской партии. Съезд проходил с 17 ноября по 4 декабря 1947 г.

В ходе работы съезда впервые был подвергнут жесткой критике республиканский принцип светскости. Многие делегаты съезда обвинили верхушку НРП в отсутствии религиозной политики, игнорировании духовных нужд верующих и, как следствие этого, в разрушении моральных устоев турецкого общества под натиском западной массовой культуры. Некоторые политики апеллировали к тому, что притеснение государством исламской религии противоречит светскому духу республики и может привести к «коммунистическому атеизму». Стоит отметить, что в своем антикоммунизме, попытке синтеза ислама и турецкого национализма и заботе о «моральном облике» турок критики республиканского принципа светскости были на удивление созвучны с авторами, печатавшимися в исламских журналах. 7-й съезд не принял предложений консерваторов о реформе государственных религиозных институтов, передав их на рассмотрение Совету партии и кабинету министров.

Практически сразу после закрытия съезда НРП стала проводить предложенную консерваторами политику. Уже в 1947 г. правительство Турецкой республики, находившейся не в лучшем экономическом положении, впервые выделило средства для совершения хаджа. После назначения премьером в январе 1949 г. профессора-историка Шемсеттина Гюналтая, близкого к исламским кругам, консерваторы

²⁶ Atatürk İnkılabı Ne Halde? // Başdan. 1948. 14.07. S. 1.

²⁷ *Uzun Hakan*. İktidarımı Sürdürmek İsteyen Bir Partinin Kimlik Arayışı: Cumhuriyet Halk Partisi'nin 1947 Olağan Kurultayı. ÇTTAD, XII/25 (2012/Güz). S. 106.

победили в НРП. Журнал Себильульрешат приветствовал это назначение, обращаясь к премьеру, что так или иначе «гонения на религию прекратятся, и тогда нация не забудет ваших усилий».

В конце 1940-х годов в прессе развернулась острая полемика по вопросу эзана на турецком языке, в полной мере показавшая, насколько ослаб государственный контроль над столь табуированной в предшествующий исторический период темой. Некоторые авторы, например Хасан Фейзи Акынджи, военный муфтий, полагали, что существовавший перевод не соответствовал ни турецкому языку, ни турецкому духу, ни национальным традициям. Соответственно эзан было необходимо переписать, и, разумеется, Акынджи предлагал свой правильный вариант²⁸. Консервативные же авторы, такие как издатели журналов Себильульрешат и Селямет, настаивали на упразднении турецкого эзана и требовали возвращения к арабскому оригиналу. При этом они писали, что эзан произносится не на арабском как таковом, а на универсальном «языке ислама». Верующим не обязательно понимать значения самих слов, поскольку они чувствуют их правду и без этого²⁹. Эшреф Эдип вовсе писал, что правительство не имеет права вмешиваться подобным образом в религиозные дела, апеллируя при этом к светским основам турецкого государства³⁰. Монопартийный период подавался такими авторами, как «безбожие» на государственном уровне, замаскированное под светскость.

4 февраля 1949 г. произошло согласно оценке газет «невиданное происшествие»³¹, спровоцировавшее еще более широкую полемику вокруг эзана в турецкой прессе. Двое последователей тариката тиджани³², находясь в ложе для посетителей Великого национального собрания, прямо во время законодательной сессии меджлиса в качестве протеста³³ начали читать эзан на арабском и были схвачены полицией по указанию председателя³⁴. Эти два человека и ранее привлекались за подобные нарушения в Кютахье, Эскишехире и Афьоне.

²⁸ *Hasan Feyzi Akıncı. Okuttuğumuz Ezanlar Yanlış mı? // Selâmet. Cilt. 1. no. 24 (Ekim 1947). 3.*

²⁹ *Ömer Rıza Doğrul. Ezan ve Kâmet Hakkında // Selâmet. Cilt 1. no. 25. Kasım, 1947. S. 2, 7.*

³⁰ *Eşref Edip. Ezan Meselesi, İslâm-Türk Ansiklopedisi Mecmuası. Cilt. 2. no. 86. Kasım, 1947. S. 8–10.*

³¹ *Cumhuriyet. 1949. 05.02.*

³² Суфийский орден северо-африканского происхождения. Был малочисленен, свою деятельность в Турции начал в 1930-е годы. К концу 1940-х фактически прекратил свое существование в республике, поскольку все его члены – порядка сорока человек – оказались за решеткой.

³³ *Hürriyet. 1949. 5.02.*

³⁴ Из протокола заседания меджлиса: «... (Из ложи для зрителей начинают читать эзан на арабском) (Возгласы – Что это за звуки?) Председатель – Это что-то семитское. Выставьте их отсюда». *T.V.M.M. Tutanak Dergisi, 4 Şubat 1949. Dönem 8. Cilt 16. S. 37.*

Газета Кудрет (Сила) безосновательно утверждала, что даже сам Ататюрк был за эзан на арабском языке, а турецкий эзан это исключительно дурное нововведение Инёню³⁵. Официальная пресса НРП, такая как газета Улус (Нация), ответила на подобные обвинения тем, что Ататюрк лично инициировал процесс введения турецкого эзана, а также способствовал переводу Корана на турецкий язык³⁶. При этом стоит отметить, что и сторонники, и противники эзана на турецком языке апеллировали к Ататюрку, а всю критику обрушивали на его преемника Исмета Инёню: сторонники – за торможение процесса светских реформ, противники – за вмешательство в религиозные дела.

При правительстве Гюналтая учебные программы 4 и 5 классов были возвращены факультативные уроки ислама, при Анкарском университете был создан богословский факультет. Были открыты десяти-месячные курсы для подготовки имамов-хатибов. Исламский фактор вновь стал оказывать серьезное влияние на общественную жизнь. Различные запреты на проявление религиозных чувств таяли на глазах, все более конкретизируясь вокруг «политического ислама». Твердые сторонники светского устройства государства воспринимали новые политические методы НРП по эксплуатации религиозных настроений населения в условиях многопартийной системы как противоречащие декларировавшейся партией приверженности светскости. Так, Надир Нади³⁷ писал в газете Джумхуриет (Республика), что НРП предала свои идеологические принципы, а апеллирование к религиозным чувствам граждан – проявление слабости правящей партии³⁸. В свою очередь НРП оправдывала смягчение своей религиозной политики, как меру предосторожности, дабы религиозные чувства населения не были использованы радикалами и реакционерами. С такими заявлениями в июне 1950 г. уже после поражения на выборах выступил в газете «Улус» бывший вице-премьер от НРП Нихат Эрим³⁹. В преддверии выборов 1950 г. основные конкуренты – правящая НРП и оппозиционная Демократическая партия – не имея принципиальных отличий в своих программах, зачастую апеллировали именно к религиозным чувствам граждан. Народно-республиканская партия, пытавшаяся играть на религиозных чувствах масс, фактически потеряла возможность давить на оппозицию посредством использования принципов светскости. Ее руководство вполне заслуженно обвинялось твердыми

³⁵ Hikmet Bayur. Kamutayda Ezan // Kudret. 1949. 07.02.

³⁶ *Falih Rıfki Atay*. Bay Hikmet Bayur'a Cevap // Ulus. 1949. 08.02.

³⁷ Надир Нади Абальюглу (1908–1991) турецкий журналист и писатель, сын основателя газеты Джумхуриет Юнуса Нади.

³⁸ *Nadir Nadi*. Başlarken // Cumhuriyet. 1950. 29.01.

³⁹ *Nihat Erim*. Bir siyasi ahlak meselesi // Ulus. 1950. 21.06.

кемалистами в предательстве принципов Ататюрка и проведении политики двойных стандартов. Издания, поддерживавшие НРП, писали о мерах, принятых правительством для поддержки религии, смягчении законодательства, разрешении запрещенных при Ататюрке религиозных проявлений. Оппозиционная же пресса обвиняла НРП во враждебности исламу, самые радикальные издания (все тот же Себильульрешат) вовсе утверждали, что правительство пустило в страну коммунизм.

* * *

В период 1945–1950 гг. турецкая пресса в значительной степени освободилась от государственной опеки и стала играть значительную роль в общественной жизни и политике. Вместе с изменением политического ландшафта пресса также стала отражать мнение различных политических и социальных групп. За время периода 1945–1950 гг. турецкая пресса превратилась из простого обозревателя политических событий в участника политического процесса. Возможность постановки в печати вопросов, еще недавно табуированных, свидетельствует о начале коренных изменений в турецком обществе и либерализации политического режима. Эксплуатация религиозных чувств населения стала на данном этапе одним из важнейших средств политической мобилизации масс.

Появившиеся происламские тенденции на данном этапе, однако, не позволяют говорить о существовании консолидированного течения политического ислама. Отдельные радикальные издания, такие как Бююк Догу, широкой популярностью не пользовались. Издания исламского толка выступали в целом с либеральных позиций. Они, как и их противники, апеллировали к республиканскому принципу светскости и эпохе Ататюрка, впрочем, по-разному их интерпретируя в своих интересах.

Список литературы

- Azak Umut. Islam and Secularism in Turkey. Kemalism, Religion and the Nation State London, 2010.
- C.H.P. yedinci kurultay tutanağı. Ankara, 1948.
- Gül Pınar Erkem-Gülboy*. The Dynamics of the Transition to Multi-Party System in Turkey // International Review of Turkology. Vol. III. N 6. P. 17–34.
- Gürkan*. Nilgün Türkiye’de Demokrasiye Geçişte Basın 1945–1950. Istanbul, 1998.
- Jenkins Gareth*. Political Islam in Turkey: Running West, Heading East? N. Y., 2008.
- Karpat Kemal*. Turkey’s Politics: The Transition to a Multi-Party System Princeton University Press, 1959.
- Rustow, Dankwart A. Politics and Islam in Turkey, 1920–55 // In Islam and the West / Ed. by Richard N. Frye. 67–107. Hague, 1957.
- Tarhanlı İ.B.* Müslüman toplum “laik” devlet: Türkiye’de Diyanet İşleri Başkanlığı İst. 1993.

- Toprak Binnaz. Islam and Political Development in Turkey. Leiden: Brill, 1981.*
T.B.M.M. Tutanak Dergisi. 4 Şubat 1949. Dönem 8. Cilt 16.
Uzun Hakan. İktidarını Sürdürmek İsteyen Bir Partinin Kimlik Arayışı: Cumhuriyet Halk Partisi'nin 1947 Olağan Kurultayı. ÇTTAD, XII/25, (2012/Güz). S. 101–139.
Zurcher Erik J. Turkey: A Modern History. L., 2004.

Периодические издания

Başdan	Hür Gençlik	Kudret
Cumhuriyet	Hürriyet	Selâmet
Hür	İslâm-Türk Ansiklopedisi Mecmuas	Ulus

References

- Azak Umud. *Islam and Secularism in Turkey. Kemalism, Religion and the Nation State* London, 2010.
- C.H.P. yedinci kurultay tutanağı* (Protocols of the 7th Congress of Republican People's Party). Ankara, 1948.
- Gül Pinar Erkem-Gülboy. *The Dynamics of the Transition to Multi-Party System in Turkey* // International Review of Turkology. Vol. III. N 6. P. 17–34.
- Gürkan. *Nilgün Türkiye'de Demokrasiye Geçişte Basın 1945–1950*. İstanbul, 1998.
- Jenkins Gareth. *Political Islam in Turkey: Running West, Heading East?* N. Y., 2008.
- Karpat Kemal. *Turkey's Politics: The Transition to a Multi-Party System* Princeton University Press, 1959.
- Rustow Dankwart A. *Politics and Islam in Turkey, 1920–55*. In *Islam and the West* / Ed. by Richard N. Frye, 67–107. Hague, 1957.
- Tarhanlı İ.B. *Müslüman toplum "laik" devlet: Türkiye'de Diyanet İşleri Başkanlığı (Muslim society, "secular" state: Turkey's Presidency of Religious Affairs)*. İst., 1993.
- Toprak Binnaz. *Islam and Political Development in Turkey. Leiden: Brill, 1981.*
T.B.M.M. Tutanak Dergisi, 4 Şubat 1949 (Protocols of Grand National Assembly of Turkey, 4 February 1949). Dönem 8. Cilt 16.
- Uzun Hakan. *İktidarını Sürdürmek İsteyen Bir Partinin Kimlik Arayışı: Cumhuriyet Halk Partisi'nin 1947 Olağan Kurultayı (Quest for Identity of a Party in Power: the Ordinary Congress of Republican People's Party of 1947)* // ÇTTAD. XII/25 (2012/Güz). S. 101–139.
- Zurcher Erik J. *Turkey: A Modern History. L., 2004.*

Сведения об авторе: *Пальников Александр Маратович*, аспирант кафедры Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: alexander_m_p@yahoo.com

About the author: *Palnikov Alexander Maratovich*, postgraduate student, Department of Near and Middle Eastern History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: alexander_m_p@yahoo.com

ЭКОНОМИКА

Л.А. Андреев

ТЕНЕВЫЕ ИНСТИТУТЫ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ ИРАНА

На сегодняшний день в иранской финансовой системе продолжают существовать теневые элементы, к которым главным образом относятся менялы, хавала и кредитные союзы. В статье сделан краткий обзор внезаконных институтов с описанием основных направлений и методов их работы, а также приводятся причины и последствия деятельности этих учреждений. Представлены основные действия иранского правительства в отношении теневых учреждений, и сделана попытка спрогнозировать дальнейшее развитие внезаконных институтов.

Ключевые слова: Иран, теневая экономика, денежные переводы, обмен валюты, фонды.

Nowadays shadow elements like sarrafi, hawala and qarz-ol-hasane funds, still exist in financial system of Iran. The article briefly observes these institutions and depicts causes of their appearance as well as main fields and consequences of their work. Measures taken by Iranian government against shadow institutions are presented. An attempt was made to forecast future development of illegal institutions.

Key words: Iran, shadow economy, money transfers, foreign exchange, funds.

Иранская экономика является одной из старейших в мире. Многие ее институты ведут свое происхождение от институтов Средних веков, когда социальная, политическая, духовная и экономическая жизнь концентрировалась вокруг базаров. Именно на базаре проявилась необходимость в институтах кредитования, денежных переводах и чековой системе, некоторые виды которых позднее оказались вне закона. Длительный период постоянного использования и эволюции сохранил многие из этих институтов в экономике современного Ирана.

Говоря об Иране, необходимо иметь в виду исламскую специфику его экономики, финансовой системы и ее внезаконных институтов. Несмотря на то что многие традиционные мусульманские формы деятельности испытали воздействие светской политики шахских времен, после исламской революции 1979 г. они «откатились» к своим религиозным истокам. При этом происходила их адаптация как под шариатские нормы, и так и под реалии, привнесенные развитием мировой экономики и научно-техническим прогрессом в бизнес.

С появлением факсов и электронных систем передачи данных необходимость в физическом перемещении денег и документов об

оплате свелась к минимуму или вовсе отпала. При этом ужесточились требования к соблюдению исламских норм и исключению процентной ставки как понятия из деловых отношений между партнерами. Все это относится и к теневым институтам иранской экономики.

В литературе по финансовой системе Ирана теневым институтам не уделяется много внимания, хотя ими пронизана социальная и деловая жизнь страны. Клиенты используют их тогда, когда официальные учреждения оказываются не в состоянии выполнить какую-либо задачу или оказать необходимый спектр услуг на должном уровне и с нужной скоростью¹. Роль теневых институтов возросла в условиях ограничений на международные банковские операции, введенных США и странами ЕС в отношении Ирана

Можно выделить три основных вида теневых финансовых институтов: менялы (саррафы), конторы по переводу денежных средств (хавале) и кассы взаимопомощи (фонды гарз-оль-хасане). Помимо названных, в Иране существуют институты, обеспечивающие инфраструктуру вне-легального сектора. Например, к таковым относится теневая валютная биржа, на которой сделки осуществляются путем обмена наличными без каких-либо официальных документов, и действуют институты неформального контроля. В ходе торгов на этой бирже определяется так называемый небанковский курс обмена валют.

Отметим, что в Иране существуют официальные учреждения, которые занимаются аналогичной деятельностью. Однако между официальными и теневыми учреждениями существуют отличия не только с точки зрения их законности, но и с точки зрения набора функций.

Менялы. В Иране валютные операции можно осуществить несколькими способами: через банки, обменные конторы или с помощью менял. В банках валюту можно обменять, обратившись в одно из отделений, которых много в большинстве иранских городов. Обменные конторы и официальные менялы имеют собственные офисы и разрешение Центробанка на работу. Они занимаются покупкой и продажей драгоценных металлов, валютно-обменными операциями, а также денежными переводами. При этом им запрещено принимать вклады или выдавать кредиты физическим или юридическим лицам². К середине июня 2014 г. по всей стране официально работали 645 обменных контор.

Для получения лицензии обменные конторы должны выполнять ряд требований Центробанка с точки зрения организационной структуры, уровня образования руководящих сотрудников, уставного капитала и других параметров. Все легальные менялы подразделяются в

¹ См.: Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М., 2007.

² Сайт центрального банка Ирана. Инструкция о порядке создания, деятельности и надзоре за обменными конторами.

соответствии с законом на две группы. Первая группа может оказывать клиентам только услуги по обмену валюты, и для открытия учреждения такого типа требуется 50 млрд риалов³ уставного капитала. Вторая группа помимо обменных операций может осуществлять денежные переводы, в том числе за рубеж. Легальные обменные конторы могут переводить деньги за рубеж только через своего представителя, работающего по контракту в другой стране и имеющего соответствующее разрешение на деятельность от властей принимающего государства. Для создания обменной конторы второй группы необходимо внести 200 млрд риалов на счет в ЦБ. Помимо этого официальные обменные конторы должны регулярно отчитываться перед ЦБ о своих операциях⁴. Кроме Центробанка контроль над деятельностью обменных контор осуществляет Ассоциация обменных контор Ирана.

Серые менялы не ограничены в своей деятельности требованиями достаточности капитала или образования сотрудников, но в целом они выполняют те же функции, что и легальные. При этом чаще всего менялы работают поодиночке прямо на улице. Теневые учреждения используются предпринимателями для привлечения заемных средств, а также служат звеньями в цепочке денежных переводов.

В связи с наличием теневых институтов обмена валют в Иране существует два обменных курса: банковский и небанковский. Небанковский курс в среднем на 20–30% превышает официальный. При этом иранский Центробанк признает, что небанковский курс является наиболее точным отражением стоимости иранской валюты, обесценившейся в результате санкций и дефицита долларов⁵.

По банковскому курсу клиент может приобрести ограниченное количество валюты. Разумеется, такие условия неудобны для импортеров, которым валюта для сделок может потребоваться в больших объемах. Для удовлетворения их спроса в Иране 24 сентября 2012 г. был открыт центр обмена валют при Центральном банке. С помощью этого центра импортеры товаров могли покупать валюту в необходимом количестве по курсу, превышавшему официальный, но дешевле небанковского обменного курса. Таким образом, эта организация позволяла частично удовлетворить спрос на иностранную валюту, снизить ее дефицит и предотвратить сильные скачки курса. С появлением этого центра в Иране фактически установилось три обменных курса, что создавало дополнительные возможности для спекуляций. Такое положение сохранялось до июля 2013 г., когда курс центра обмена валют стал официальным банковским курсом⁶.

³ На 07.08.2014 г. доллар США = 31450 риалов.

⁴ Сайт центрального банка Ирана. Инструкция о порядке создания, деятельности и надзоре за обменными конторами.

⁵ Tehran Times. Iran to unify multy-tier currency rates.

⁶ International Monetary Fund. Islamic Republic of Iran. 2014 Article IV Consultation.

Большая часть обменных контор в Тегеране расположена вдоль улицы Фирдоуси. Здесь же на одном из перекрестков каждый рабочий день проходит торговая сессия неформальной валютной биржи, на которой определяется небанковский курс обмена валюты. Основным ориентиром для менял служит соотношение пары риал-дирхам, которое устанавливается в ОАЭ.

Поиграть на теневой бирже может любой желающий. Результаты торгов быстро распространяются по всей стране с помощью средств связи и СМИ, которые публикуют небанковский курс в своих выпусках. В крупных населенных пунктах по всей стране действуют собственные менялы, которые совершают сделки по курсу, определяемому в столице.

Существование двух обменных курсов создает условия для рентоискательства и является причиной недовольства населения. Жители Ирана полагают, что приближенные к власти предприниматели используют связи и разницу банковского и небанковского курса для легкого обогащения. Иранское руководство признает существование проблем на валютном рынке и планирует в 2014/15 г. ввести единый курс иностранной валюты. Таким образом, официальный банковский курс будет приведен к небанковскому рыночному⁷.

Из действий и планов иранских властей видно, что они осознают риски и потери, которые создает существование теневого валютного рынка в экономике страны. Хотя первый закон, призванный оказать влияние на нелегальные институты, был принят 10 лет назад, конструктивные шаги по его исполнению стали совершаться только в последние два года. Именно в этот период Центробанк принял более детальные инструкции и стал активнее выполнять надзорные функции. Несмотря на это, на улицах иранских городов все еще можно встретить нелегальных менял с большими суммами наличных денег, предлагающих обменять валюту по выгодному курсу.

Хавале⁸. С древних времен в мусульманском мире денежные переводы хавале помогали осуществлять внутри- и межрегиональную торговлю. Исторические свидетельства указывают, что институты, аналогичные хавале, были издавна распространены на Ближнем Востоке. Они походили на современные дорожные чеки и использовались торговцами для защиты от риска потери наличности при нападении на караваны грабителей⁹.

Сегодня институт хавале применяется для перевода денежных средств в обход банковских систем передачи финансовой информации

⁷ Al-Monitor. Changing money in Iran: A Report From Tehran's Ferdowsi Square.

⁸ Хавала (перс. хавале) – денежный перевод.

⁹ *El Qorchi M.M., Maimbo M.S.M., Wilson M.J.F. Informal Funds Transfer Systems: An Analysis of the Informal Hawala System // International Monetary Fund. Washington DC. 2003. №. 222. P. 15–16.*

и является незаконным во многих странах мира, в том числе в России. Несмотря на это, в последние десятилетия XX в. данный институт стал наиболее предпочитаемым способом для отправки денег домой среди рабочих мигрантов из Южной Азии и Ближнего Востока. Бизнес также широко использует эту систему. По словам предпринимателей, аналитиков и простых людей, с тех пор как США и Европа ограничили доступ Ирана к международной финансовой системе в связи с разногласиями по ядерной программе Исламской Республики, использование хавале значительно увеличилось.

Принцип работы данной системы можно представить следующим образом. Иранский бизнесмен, который ввозит китайскую обувь, в Тегеране обращается к меняле и сообщает, что он желает послать 10 000\$ своему поставщику. Брокер связывается со своим пекинским коллегой, который в свою очередь идет в банк поставщика и размещает деньги на его счете. У тегеранского менялы возникает долг в 10 000\$ перед пекинским партнером. В случае если иранец желает отправить из Китая 5000\$ своей семье в Иран, процедура происходит в обратном порядке. Идентификация получателя перевода происходит с помощью пароля.

Со временем обязательства брокеров в Тегеране и Пекине перекрываются. По причине наличия дисбалансов международных потоков капитала, для урегулирования взаимных требований менял друг к другу могут применяться сложные схемы, затрагивающие посредников в третьих странах¹⁰. В этом случае стоимость прямого и обратного перевода может не совпадать.

Для контактов между собой менялы используют все доступные средства связи. В развитых странах зачастую применяются технологии передачи данных через компьютерные сети, такие как IP-телефония и электронная почта. Подтверждением платежей нередко служат отсканированные платежные документы, передаваемые с помощью Интернета. При этом для контактов со странами с неразвитой информационной инфраструктурой или отдаленными населенными пунктами может использоваться стационарная, мобильная и спутниковая связь.

Поскольку система основана на доверии, брокеры, как и банки, осознают, что им придется уйти из бизнеса в случае, если они изменят своему слову. Хавале работает достаточно оперативно: обычно средний перевод занимает не более 48 часов, что благодаря отсутствию бумажной волокиты гораздо удобнее и дешевле, чем, например, перевод Вестерн Юнион, где плата составляет от 2 до 10% от переводимой суммы¹¹. Дилеры хавале в Иране осуществляют операции обычно за 1–1,5% от общей суммы перевода или используют разницу в валютных

¹⁰ Там же.

¹¹ Тарифы Western Union на отправление денежных переводов из России.

курсах для формирования дохода. Как разновидность данной операции используются также переводы через ОАЭ: тегеранский меняла обращается к своему партнеру в Дубае, который и размещает деньги в банке на территории ОАЭ, а затем перенаправляет их с помощью международной банковской системы¹². Схема такого перевода изображена на схеме.

Схема денежных переводов хавала¹³

Переводы хавале удобны и с точки зрения культурного контекста. Перевод средств с помощью этого института предполагает тесное общение внутри диаспоры мигрантов за рубежом. Контакты на родном языке и в общих культурных рамках делают услугу более привлекательной по сравнению с обращением в обычный банк.

Для хавале характерна большая гибкость и неприхотливость по сравнению с официальными денежными переводами. Такое преимущество особенно актуально с учетом того, что Иран граничит с традиционными центрами военной напряженности – Ираком и Афганистаном, откуда в Исламскую Республику приезжает большое число беженцев и нелегальных мигрантов. Эти люди отправляют на

¹² Financial Times. How Iranians are avoiding sanctions. Anna Fifield.

¹³ Ibidem.

родину заработанные деньги с помощью хавале, так как банковская инфраструктура в охваченных боевыми действиями странах либо нарушена, либо отсутствует.

Самым спорным достоинством перевода хавале является его анонимность и отсутствие отчетности перед властями. Для идентификации получателя перевода используется пароль, которым обмениваются дилеры хавале. Любые документы, которые применяются для совершения сделки, могут быть сразу уничтожены, кроме тех, что нужны для дальнейшего урегулирования требований. Такая анонимность приводит к тому, что схемы хавале могут служить преступным целям, например для спонсирования терроризма, отмывания денег или избежания налогообложения¹⁴.

Иранские власти пытаются бороться с теневыми финансовыми операциями. Они уделяют особое внимание борьбе с незаконным вывозом капитала за рубеж, в том числе с помощью схем хавале. При этом вывезенный капитал помогает порой обходить санкционные ограничения для закупки той или иной необходимой стране продукции. Таким образом, руководству страны выгоднее контролировать отток капитала, а не перекрывать его полностью.

Фонды гарз-оль-хасане. Иранскому народу присуща достаточно высокая склонность к сбережению, которая развилась вследствие серьезных социально-экономических потрясений и осознания необходимости иметь средства на черный день. Жители Ирана сберегают до 20% своего располагаемого дохода. Таким образом, Иран является одним из лидеров по этому показателю в регионе Ближнего Востока и Африки. В связи с этим широкое распространение в Исламской Республике получили теневые депозитные учреждения – фонды гарз-оль-хасане.

Они выступают в роли касс взаимопомощи или банков. Официальные фонды могут привлекать средства населения в беспроцентные вклады. Вместо дохода в виде процентов вкладчики получают возможность участия в лотерее, в которой разыгрываются ценные призы: автомобили, квартиры, паломнические туры¹⁵. Таким образом, легальный фонд отчасти представляет собой призовую лотерею, что необычно для Ирана, где законодательно запрещены любые азартные игры и лотереи.

Для заемщиков фонды предоставляют денежные средства под небольшой процент. По закону он не может превышать 4%, что гораздо ниже уровня инфляции и недостаточно для покрытия операционных издержек. Обычно фонды выдают деньги в виде целевых кредитов: на создание рабочих мест, на свадьбу, на лечение, на покупку или ре-

¹⁴ *El Qorchi M.M., Maimbo M.S.M., Wilson M.J.F. Op. cit.*

¹⁵ Arang Keshavarzian. Bazaar and state in Iran.

монт жилья, на образование, на поездки к святым местам и на иные благотворительные цели¹⁶.

Что касается теневых фондов, то в их появлении и существовании в Иране значительную роль сыграло государство. После исламской революции 1979 г. в Иране начались процессы исламизации общества. Бывшие светские государство и экономика становились подчиненными исламским нормам. В 1979 г. принимается закон о национализации банковской системы, в результате чего в Иране исчезают частные банки, а все государственные кредитные учреждения управляются однообразно и по большей части похожи друг на друга. Беспроцентная система в действительности подчиняется общим канонам банковского дела и живет по законам «ожидаемых» ставок доходности, которые, по сути, не отличаются от реально выплачиваемых процентов. В этот период происходит наибольший прирост числа фондов *гарз-оль-хасане*: к 1979 г. в Иране было около 200 фондов, в 1988 г. их стало 3000, а через пять лет в стране насчитывалось 4350 зарегистрированных фондов, но без регистрации работало гораздо большее их число¹⁷.

Иранские власти на протяжении всей истории Исламской Республики несколько раз меняли законодательство, регулирующее деятельность этих учреждений. В 1984/85 г. в связи с нарастанием числа фондов *гарз-оль-хасане* контроль над ними был вверен Центробанку. Уже через семь лет в 1991/92 надзорная функция и право выдачи лицензий фондам были переданы в МВД. В 2004/05 г. был принят закон о регулировании несформированного денежного рынка, в соответствии с которым надзор за фондами вернулся в ведение ЦБ. При этом, из-за того что МВД не принимало соответствующей инструкции, за этим ведомством осталось право выдачи лицензии фондам *гарз-оль-хасане*. Таким образом, МВД продолжало выдавать лицензии фондам до 2010/11 г. Из-за несогласованной работы двух ведомств сложилась ситуация, при которой надзор за финансовыми учреждениями был ослаблен и директора некоторых фондов смогли использовать средства вкладчиков в операциях, не разрешенных для этих учреждений, а также в мошеннических схемах.

На заседании штаба по борьбе с экономическими преступлениями, состоявшемся 21 сентября 2010 г., МВД сообщило о выдаче в общей сложности 3,5 тыс. разрешений на деятельность фондов *гарз-оль-хасане*. При этом число отделений этих фондов по стране составило 8 тыс.

После принятия последних изменений все фонды были обязаны пройти перерегистрацию в Центробанке Ирана. Всего было подано

¹⁶ Сайт центрального банка Ирана. Инструкция о порядке создания, деятельности и надзоре за фондами *гарз-оль-хасане*.

¹⁷ См.: *Андреев Л.А.* Микрокредитование в Иране // *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 3. С. 45–49.

1,5 тыс. заявок от учреждений, желавших легально продолжить свою деятельность. В итоге из них только 22 фонда получили разрешение¹⁸. К середине 2014 г. действующую лицензию имеют всего семь фондов, являющихся дочерними структурами различных банков, преимущественно государственных.

Как видно еще пять лет назад фонды гарз-оль-хасане были распространенным и легальным явлением в Иране. Однако после введения новых правил число официальных фондов резко сократилось. По сравнению с начальной ситуацией, можно сказать, что легальных учреждений почти не осталось. Можно предположить, что работники и активы неперерегистрировавшихся фондов стали вести нелегальную деятельность.

Так, теневые учреждения могут действовать в рамках одной семьи, которая в Иране нередко включает представителей двух и более поколений. Такой фонд собирает взносы и аккумулирует средства на крупные покупки отдельных участников. При этом выбор, кому достаются деньги, осуществляется путем жеребьевки. С течением времени масштаб деятельности растет. Такая касса может начать кредитовать не только членов семьи, но и близких знакомых, а также третьих лиц, пользующихся доверием участников организации¹⁹.

На настоящий момент данные о деятельности фондов гарз-оль-хасане являются недоступными или ненадежными. Однако, судя по действиям властей и принятым законам, государство пытается препятствовать работе упомянутых учреждений²⁰.

Теневые институты широко распространены в финансовой системе Ирана. Их развитость является следствием исторических традиций денежных отношений в иранском обществе, частых реформ законодательства, а также сложившейся политической и экономической ситуации вокруг Исламской Республики. Традиционная склонность к сбережению среди иранского населения привела к распространению депозитных теневых институтов, а ограничения на международные транзакции увеличили использование нелегальных менял и теневых переводов во внешнеторговой деятельности.

Иранское руководство принимает новые законы и предписания, призванные вывести из тени существующие нелегальные институты финансовой системы. Вместе с тем требования, предъявляемые к учреждениям, оказываются довольно строгими и создают определенные барьеры для их перехода в легальный сектор. При этом премия от работы в теневой экономике остается достаточно высокой ввиду сохранения внешних факторов в виде санкций, наложенных междуна-

¹⁸ Сайт центрального банка Ирана. Регулирование надзора над неоформленным денежным рынком.

¹⁹ См.: *Андреев Л.А.* Указ. соч.

²⁰ Банк. Расцвет беспроцентных кредитов.

родным сообществом, а также присутствия двух курсов на валютном рынке и перекрывает риски от нелегальной деятельности²¹.

На текущем этапе довольно сложно говорить о судьбе теневого сектора Ирана. С одной стороны, его институты за многовековую историю пережили уже не одну смену политического устройства страны, многочисленные войны и иные трудности, что говорит об их устойчивости и способности к адаптации в различных условиях. С другой стороны, иранское законодательство достаточно сурово, и, если принимаемые меры подействуют, банки и другие легальные учреждения могут полностью вытеснить серых игроков. Остаться смогут только небольшие теневые организации, действующие в контексте семьи, а также институт хавале, в существовании которого пока заинтересовано руководство Ирана.

Список литературы

- Андреев Л.А.* Микрокредитование в Иране // *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 3. С. 45–49.
- Банк. Расцвет беспроцентных кредитов. URL: <http://banki.ir/akhbar/1-news/2965-gharzil-hasane> (дата обращения: 13.08.2009).
- Полтерович В.М.* Элементы теории реформ. М., 2007.
- Сайт центрального банка Ирана [Электронный ресурс] Регулирование надзора над неоформленным денежным рынком. URL: <http://www.cbi.ir/showitem/10576.aspx>, свободный (дата обращения: 26.05.2013).
- Сайт центрального банка Ирана. Инструкция о порядке создания, деятельности и надзоре за фондами гарз-оль-хасане. URL: <http://www.cbi.ir/simplelist/6492.aspx>, свободный (дата обращения: 26.05.2013).
- Сайт центрального банка Ирана. Инструкция о порядке создания, деятельности и надзоре за обменными конторами. URL: <http://cbi.ir/page/5276.aspx>, свободный (дата обращения: 26.05.2013).
- Тарифы Western Union на отправление денежных переводов из России. URL: http://www.westernunion.ru/web-inf/ru/pdfs/Fees_RU_ru.pdf (дата обращения: 12.01.2012).
- Al-Monitor. Changing money in Iran: A Report From Tehran's Ferdowsi Square. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2012/al-monitor/iranrialprotest.html#> (дата обращения: 07.10.2012).
- Arang Keshavarzian.* Bazaar and state in Iran. N. Y., 2007.
- El Qorchi M.M., Maimbo M.S.M., Wilson M.J.F.* Informal Funds Transfer Systems: An Analysis of the Informal Hawala System // *International Monetary Fund*. Washington DC. 2003. №. 222. P. 15–16.
- Farzanegan M.R.* Effects of International Financial and Energy Sanctions on Iran's Informal Economy // *SAIS Review of International Affairs*. Vol. 33. № 1. Winter-Spring, 2013. P. 13–36.
- Financial Times. How Iranians are avoiding sanctions. Anna Fifield. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/6ca69788-0a48-11dd-b5b1-0000779fd2ac.html#axzz1kHZoDFVv> (дата обращения: 14.04.2008).
- International Monetary Fund. Islamic Republic of Iran. 2014 Article IV Consultation – Staff Report; Press Release; and Statement By the Executive Director For the Islamic

²¹ *Farzanegan M.R.* Effects of International Financial and Energy Sanctions on Iran's Informal Economy // *SAIS Review of International Affairs*. Vol. 33. № 1. Winter-Spring, 2013. P. 13–36.

Republic of Iran. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2014/cr1493.pdf> (дата обращения: апрель 2014).

Tehran Times. Iran to unify multi-tier currency rates. URL: <http://www.tehrantimes.com/economy-and-business/114833-iran-to-unify-multi-tier-currency-exchange-rates> (дата обращения: 04.04.2014).

References

Polterovich V.M. *Elementy teorii reform* (Elements of the Theory of Reforms). M., 2007.

Keshavarzian A. *Bazaar and state in Iran*. N. Y., 2007.

Financial Times. How Iranians are avoiding sanctions. Anna Fifield. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/6ca69788-0a48-11dd-b5b1-0000779fd2ac.html#axzz1kHZoDFVV>, free (date of access: 14.04.2008).

Banki. *Golrizan-e qarz-ol-hasane* (Blooming of qarz-ol-hasane). URL: <http://banki.ir/akhbar/1-news/2965-gharzil-hasane>, free (date of access: 13.08.2009).

Central Bank of the Islamic Republic of Iran. *Dastur-ol-amal-e ejraee tasis, fa'aliyat va nezarat bar sarrafiha* (Executive instruction for foundation, activities and supervision on moneychangers). URL: <http://www.cbi.ir/page/5276.aspx>, free (date of access: 23.07.2013).

El Qorchi M.M., Maimbo M.S.M., Wilson M.J.F. *Informal Funds Transfer Systems: An Analysis of the Informal Hawala System* // International Monetary Fund. Washington DC. 2003. №. 222. P. 15–16.

Al-Monitor. *Changing money in Iran: A Report From Tehran's Ferdowsi Square*. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2012/al-monitor/iranrialprotest.html#>, free (date of access: 07.10.2012).

Tehran Times. Iran to unify multi-tier currency rates. URL: <http://www.tehrantimes.com/economy-and-business/114833-iran-to-unify-multi-tier-currency-exchange-rates>, free (date of access: 04.04.2014).

Tarify Western Union na otpravlenie denezhnykh perevodov iz Rossii (Western Union fees for money transfer from Russian Federation). URL: http://www.westernunion.ru/web-inf/ru/pdfs/Fees_RU_ru.pdf, free (date of access: 12.01.2012).

Andreev L.A. *Mikrokreditovanie v Irane* (Microcredit in Iran). Aziya i Afrika segodnya. Moskva. 2014. № 3. P. 45–49.

Website of Central Bank of the Islamic Republic of Iran. *Hakemiyat-e nezam bar bazar-e qeir-e moteshakel-e pul* (Law on the regulation of nonbank money markets). URL: <http://www.cbi.ir/showitem/10576.aspx>, free (date of access: 26.05.2013)

Central Bank of the Islamic Republic of Iran. *Dastur-ol-amal-e ejraee-ye tasis, fa'aliyat va nezarat bar sanduqha-ye qarz-ol-hasane* (Executive instruction for foundation, activities and supervision on qarz-ol-hasane funds) URL: <http://www.cbi.ir/simplelist/6492.aspx>, free (date of access: 26.05.2013).

International Monetary Fund. *Islamic Republic of Iran*. 2014 Article IV Consultation – Staff Report; Press Release; and Statement By the Executive Director For the Islamic Republic of Iran. 2014. Апрель. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2014/cr1493.pdf>, free.

Farzanegan M.R. *Effects of International Financial and Energy Sanctions on Iran's Informal Economy*. SAIS Review of International Affairs. Vol. 33. № 1. Winter-Spring, 2013. P. 13–36.

Сведения об авторе: *Андреев Лев Андреевич*, аспирант кафедры экономики и экономической географии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: andreev.lev@gmail.com

About the author: *Andreev Lev Andreevich*, postgraduate student, Department of Economics and Economic Geography of Asia and Africa, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: andreev.lev@gmail.com

А.Р. Саакян

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЯПОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В. И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЧИСЛЕННОСТЬ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Автор подробно рассматривает такие специфические тенденции демографического развития Японии, как быстрое старение населения, падение коэффициента рождаемости, повышение коэффициента демографической нагрузки после окончания Второй мировой войны, а также воздействие указанных процессов на количественные и качественные характеристики рабочей силы и возможные пути ее пополнения. Важное место в исследовании занимает сопоставительный анализ демографического сдвига в Японии с аналогичными процессами в развитых странах Западной Европы и Северной Америки.

Ключевые слова: демографические ресурсы, старение населения, изменение возрастной структуры населения, падение коэффициента фертильности, демографическая нагрузка, рабочая сила, производительность труда.

Author investigates in details such specific trends of Japanese demographic development as fast population aging, rate of birth decrease, increase of age dependency ratio after the end of World War II, and the influence of these processes on labour force quantitative and qualitative characteristics and possible ways of its replenishment. Comparative analysis of the demographic shift in Japan and same processes in the developed countries of Western Europe and North America also occupies a significant place in the research.

Key words: demographic resources, population aging, population age structure change, fertility rate decrease, age dependency ratio, labor force, labor productivity.

1. Демографические изменения в Японии во второй половине XX – начале XXI в.

Демографические ресурсы, их количество и качество являются важнейшим компонентом потенциала страны. Демографические процессы оказывают серьезное влияние на социально-экономическое положение, на такие важные факторы развития, как экономический рост, общественное благосостояние и безопасность. Во многих развитых странах к началу XXI в. сформировался ряд проблем в сфере демографии, однако в Японии они стоят наиболее остро, так как она одна из первых столкнулась с абсолютным сокращением числен-

ности населения в связи с беспрецедентно высокой скоростью его старения и низким коэффициентом рождаемости. От разрешения демографических проблем во многом зависит перспектива дальнейшего развития государства, поэтому они стоят в центре внимания многих специалистов.

В течение XX в. численность населения Японии постепенно возрасла, однако, темпы прироста снижались, что характерно и для других развитых стран. За 60 лет, истекшие в 2010 г., в Японии наблюдался значительный рост общей численности населения: стартовал примерно с 82.2 млн человек в 1950 г. соответствующий показатель увеличился более чем на 50% (график 1). Однако, если за период 1950–1980 гг. он вырос на 41%, то за последующие 30 лет – лишь на 9.9%, более того, в конце 2000-х годов стал постепенно сокращаться¹.

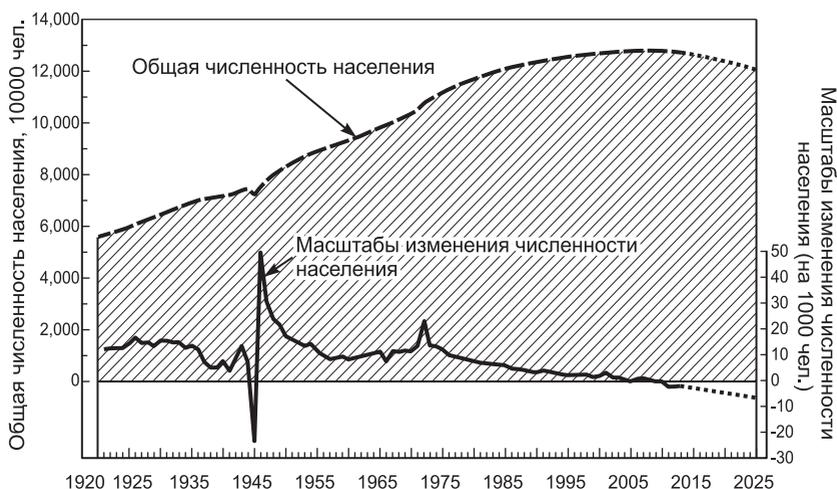

График 1. Общая численность населения Японии (10 000 человек) и масштабы ее изменения в расчете на 1000 человек в 1920–2025 гг.

Источник: Статистическое бюро Японии².

По данным Министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии за 4 года (2005–2009) численность населения Японии сократилась почти на 400 тыс. человек, в 2010 г. наблюдался некоторый рост, но затем данный показатель продолжил снижаться³. По

¹ Подсчитано по данным UN, World Population Prospects: the 2012 Revision. Population Database. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/index.htm> (дата обращения: 14.04.2014).

² To:kei-kyoku, Nihon to:kei nenkan 2015. URL: <http://www.stat.go.jp/data/nenkan/pdf/z02-1.pdf> (дата обращения: 23.01. 2015).

³ Подсчитано по данным Ministry of Health, Labour and Welfare of Japan, Summary of vital statistics. URL: <http://www.mhlw.go.jp/english/database/db-hw/populate/dl/01.pdf> (дата обращения: 14.04.2014).

прогнозам Национального института изучения проблем населения и социального обеспечения население Японии в ближайшие десятилетия будет продолжать уменьшаться и к середине XXI в. его численность составит чуть более 97 млн человек⁴, по прогнозам ООН, – от 96 до 121 млн человек⁵. Неудивительно, что прогнозы отличаются друг от друга, ведь они являются лишь экстраполяцией предыдущих тенденций на будущий период, а значит, ни один из них не может считаться точным, так как нет уверенности, что динамика численности населения не изменится в ту или иную сторону. Однако, если будут продолжаться демографические процессы, наблюдавшиеся в последние десятилетия, то дальнейшее сокращение населения Японии неизбежно.

В основе падения численности населения Японии лежит, в первую очередь, исключительно резкое сокращение рождаемости (табл. 1), которое началось еще до Второй мировой войны. В послевоенный период произошли два бэби-бума, что является особенностью демографического развития Японии (сразу после окончания войны бэби-бумы произошли во всех странах-участницах, но второй бэби-бум в начале 1970-х годов – только в Японии). Однако в остальное время, за исключением двух указанных периодов, рождаемость постоянно падала, и к 2010 г. на каждые 1000 человек в Японии приходилось всего около восьми новорожденных (табл. 1). Такой же низкий показатель у Германии, но важно отметить, что за последние 60 лет коэффициент рождаемости в этой стране уменьшился только в 2 раза, в Японии же – почти в 3, т.е. в последней сокращение рождаемости идет заметно быстрее.

Таблица 1

Коэффициенты рождаемости и фертильности в Японии, 1950–2010 гг.

	1950–1955	1955–1960	1960–1965	1965–1970	1970–1975	1975–1980	1980–1985	1985–1990	1990–1995	1995–2000	2000–2005	2005–2010
Коэффициент рождаемости	23.8	18.1	17.2	17.8	19.0	15.2	12.9	11.2	9.9	9.5	8.9	8.7
Коэффициент фертильности	3.00	2.16	1.99	2.02	2.13	1.83	1.75	1.66	1.48	1.37	1.30	1.34

Составлено по: UN, World population prospects 2012, Medium variant⁶.

⁴ Kokuritsu shakai hoshou: jinko: mondai kenkyu:jo, Jinko: to:kei shiryu:shu: 2013-nen. URL: <http://www.ipss.go.jp/syoushika/tohkei/Popular/Popular2013.asp?chap=0> (дата обращения: 14.04.2014).

⁵ UN, World Population Prospects: the 2012 Revision. Population Database. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/index.htm> (дата обращения: 14.04.2014).

⁶ UN, World Population Prospects: the 2012 Revision. Population Database. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/index.htm> (дата обращения: 14.04.2014).

Наряду с коэффициентом рождаемости часто рассматривают коэффициент фертильности – количество детей, в среднем рожденных одной женщиной за детородный период ее жизни. В случае с Японией его изменения даже более показательны. В 1925 г. коэффициент фертильности в Японии составлял 5.10^7 , т. е. был в 2.3 раза выше, чем в Великобритании (2.19)⁸. А за период с 1925 г. по конец 2000-х годов показатель фертильности снизился в Великобритании в 1.2 раза, а в Японии – в целых 4 раза. Однако необходимо подчеркнуть, что среди развитых стран к концу первого десятилетия XXI в. лишь немногие могли похвастаться коэффициентом фертильности, превышающим 2.1 – уровень простого воспроизводства населения страны (в Великобритании он составляет 1.88, в Германии – 1.36, в Испании – 1.41, в Италии – 1.39, в Канаде – 1.63, в США – 2.06, во Франции – 1.97, а в Японии – всего 1.34)⁹.

Несмотря на попытки стимулировать рождаемость, предпринимаемые японскими чиновниками, в ближайшие десятилетия показатель фертильности, вероятно, будет оставаться на низком уровне. С одной стороны, доля японок детородного возраста¹⁰ в общей численности населения вступает в фазу устойчивого снижения. В послевоенный период Япония пережила одни из наиболее драматических изменений данного показателя среди развитых стран. Если в 1960 г. доля женщин фертильного возраста в Японии составляла 53.1% от общей численности женщин в Японии, то, по оценкам ООН, к 2010 г. она снизилась до 41.4%. С другой стороны, падение фертильности началось еще в 1920-х годах и отражает социальный прогресс, меняющиеся жизненные позиции японских женщин, успехи медицины и прочие обстоятельства, поэтому внезапный перелом данной тенденции маловероятен.

Что касается смертности, то общие ее показатели в Японии и других развитых странах после Второй мировой войны также постепенно снижались (табл. 2). Однако стоит отметить, что в Японии в последние три десятилетия наблюдается повышение коэффициента смертности, что, очевидно, связано с увеличением доли лиц пожилого возраста в общей структуре населения.

Как видно из данных табл. 2, общий коэффициент смертности в Японии растет, хотя стране удалось добиться беспрецедентных успехов в области снижения уровня младенческой смертности. Конечно, после

⁷ To:kei-kyoku, Nihon-no cho:ki to:kei keiretsu, Danjo-betsu jinko: jinko:zo:gen oyobi jinko: mitsudo. URL: <http://www.stat.go.jp/data/nenkan/pdf/yhyou02.pdf> (дата обращения: 14.04.2014).

⁸ The Office for National Statistics of UK data. URL: <http://www.statistics.gov.uk/StatBase/Expodata/Spreadsheets/D9903.xls> (дата обращения: 14.04.2014).

⁹ UN, World Population Prospects: the 2012 Revision. Population Database. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/index.htm> (дата обращения: 14.04.2014).

¹⁰ Согласно критериям ОЭСР, от 15 до 49 лет.

войны этот показатель значительно уменьшился во многих развитых странах, однако Япония является лидером по скорости его падения. В начале 1920-х годов в Японии умирали примерно 165 младенцев из 1000 новорожденных, но к началу 1950-х годов их число сократилось до примерно 50 младенцев, т. е. больше чем в 3 раза за период около 30 лет¹¹. К концу же 2000-х эта цифра составила всего три человека (табл. 2). Таким образом, за последние 60 лет данный показатель в Японии снизился более чем в 19 раз (а за последние 90 лет – более чем в 60 раз!). Для сравнения за тот же срок в Испании уровень младенческой смертности упал примерно в 18 раз, в Италии – в 17.7 раза, в Германии – в 12.5 раза, во Франции – в 12.3 раза, в Канаде – в 7.4 раза, в Великобритании – в 5.9 раза, в США – в 4.4 раза¹².

Таблица 2

Коэффициенты смертности и младенческой смертности в Японии, 1950–2010 гг.

	1950–1955	1955–1960	1960–1965	1965–1970	1970–1975	1975–1980	1980–1985	1985–1990	1990–1995	1995–2000	2000–2005	2005–2010
Коэффициент смертности	9.4	7.9	7.4	6.9	6.6	6.2	6.3	6.4	7.0	7.5	7.9	8.8
Коэффициент младенческой смертности	50.1	37.3	25.8	16.5	12.0	8.8	6.6	5.0	4.4	3.8	3.0	2.6

Составлено по: UN, World population prospects 2012, Medium variant¹³.

Тем не менее, согласно прогнозам ООН, несмотря на значительное уменьшение показателей младенческой смертности, уже в 2010 г. Япония должна была столкнуться с ситуацией так называемого демографического креста, когда число умирающих превышает число рождающихся (график 2).

В то же время Япония уже более 20 лет занимает первое место среди крупных развитых стран по ожидаемой продолжительности жизни при рождении, причем ее рост в XX в. был исключительно быстрым (табл. 3). В начале 1950-х годов она составляла 60.4 года для мужчин и 63.9 года для женщин, что было ниже, чем во многих других развитых странах. Однако к началу 1980-х годов Япония уже достигла уровня

¹¹ Mitchell B.R. International historical statistics: 1750–2000. N. Y., 2007.

¹² Подсчитано по данным UN, World Population Prospects: the 2012 Revision. Population Database. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/index.htm> (дата обращения: 14.04.2014).

¹³ UN, World Population Prospects: the 2012 Revision. Population Database. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/index.htm> (дата обращения: 14.04.2014).

в 74.1 года и 79.6 года соответственно¹⁴. Таким образом, всего за 30 лет продолжительность жизни японцев выросла примерно на 15 лет. По данным Министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии в 2013 г. ожидаемая продолжительность жизни японцев при рождении достигла 86.61 лет для женщин и 80.21 лет – для мужчин (по сравнению с 2012 г. рост составил 0.20 и 0.27 года соответственно)¹⁵.

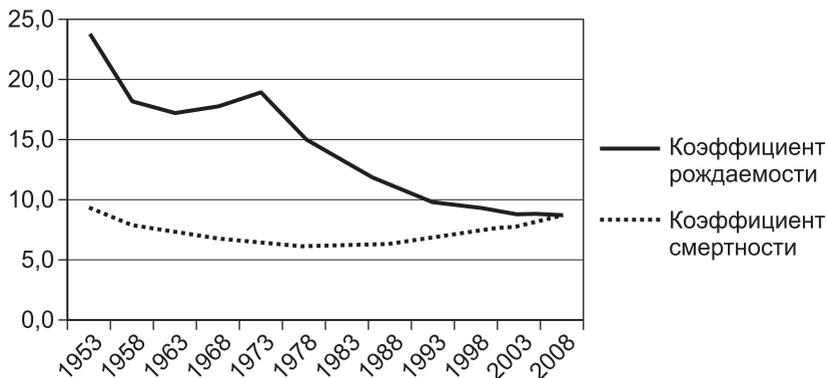

График 2. Японский «демографический крест»

Составлено по: табл. 1 и 2.

Таблица 3

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Японии, 1950–2010 гг.

	1950–1955	1955–1960	1960–1965	1965–1970	1970–1975	1975–1980	1980–1985	1985–1990	1990–1995	1995–2000	2000–2005	2005–2010
Мужчины	60.4	64.1	66.5	68.7	70.5	72.6	74.1	75.5	76.3	77.1	78.3	79.2
Женщины	63.9	68.5	71.5	73.9	75.8	77.9	79.6	81.3	82.4	83.7	85.2	86.0

Составлено по: UN, World population prospects 2012, Medium variant.

Дать исчерпывающее объяснение феноменального роста средней продолжительности жизни в Японии представляется затруднительным. Вероятно, это комплекс факторов, связанный с быстрым экономическим развитием страны, который способствовал повышению личных доходов и значительному улучшению качества жизни, а также прогрессом в области медицины и особенностями японского образа

¹⁴ Kokuritsu shakai hoshō: jinko: mondai kenkyū:jo, Jinko: to:kei shiryō:shu: 2006-nen. URL: <http://www.ipss.go.jp/syoushika/tohkei/Popular/Popular2006.asp?chap=0> (дата обращения: 14.04.2014).

¹⁵ Ko:sei ro:do:shō:, Heisei 25-nen Kan'i seimei-hyo: no gaikyo. URL: <http://www.mhlw.go.jp/toukei/saikin/hw/life/life13/dl/life13-14.pdf> (дата обращения: 15.02.2015).

жизни и поведенческих моделей. Ведь до Второй мировой войны в экономическом плане Япония находилась где-то между развивающимся и индустриальным мирами. Послевоенное экономическое чудо превратило ее в передовую державу. Масштабы этих изменений не имеют параллелей ни в одной другой развитой стране.

Изменение двух упомянутых выше демографических показателей – ожидаемой продолжительности жизни и коэффициента фертильности – вызвало большие перемены в возрастной структуре населения, последствия которых заметны уже сейчас, и, несомненно, будут оказывать влияние на дальнейшее развитие японского общества (график 3).

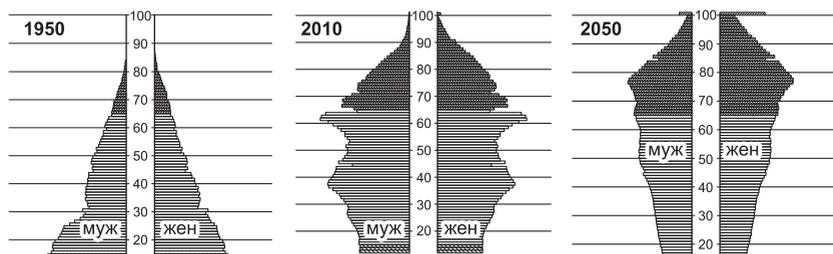

График 3. Изменение возрастно-половой пирамиды японского общества, 1950, 2010, 2050 гг. (10 000 человек)

Источник: Статистическое бюро Японии, Возрастно-половые пирамиды японского общества: http://www.stat.go.jp/data/kokusei/2010/kouhou/useful/u01_z24.htm

По оценкам ООН в 2010 г. число детей в возрасте до 15 лет составило 16 921 тыс. человек, или 13.3% общей численности населения, – самый низкий показатель среди развитых стран. В 1950 г. после первого послевоенного бэби-бума эта цифра равнялась 35.4%, но в последующие годы она постоянно снижалась за исключением периода второго бэби-бума в 1971–1974 гг. ООН прогнозирует, что к 2050 г. в Японии будет 13 573 тыс. детей до 15 лет, т.е. всего 12.5% общей численности населения (табл. 4).

Вместе с тем в несколько раз увеличилось число лиц пожилого возраста. Еще в 1990-х годах доля людей старше 65 лет в общей численности населения в Японии не превосходила показатели других крупных развитых государств. Однако старение японской нации происходит гораздо быстрее, чем в других странах: доля населения старше 65 лет возросла в Японии с 7% до 14% за 24 года, тогда как, например, во Франции аналогичный процесс занял 114 лет, в США – 69 лет¹⁶, в Германии – 40 лет, а в Англии – 47 лет¹⁷. Особенно ускорился

¹⁶ Broda Ch. The incredible shrinking country // The Economist. Nov 2004.

¹⁷ Рамзес В.Б. Экономика демографического кризиса // Япония: свет и тени. М., 2008. С. 29–93.

этот процесс с 1980-х годов прошлого века, и к 2000-м японское общество уже относилось к категории «состарившихся»¹⁸, более того, в итоге стало самым старым в мире. По оценке ООН в 2010 г. доля лиц 65-летнего возраста и старше в Японии составила 23.0%, а к 2050 г. достигнет 36.5% (табл. 4).

Таблица 4

Возрастная структура населения в Японии, 1950–2010 гг. (тыс. человек, %)

Год	<15	15–64	≥65
1950	29080 (35.4)	49053 (59.7)	4066 (4.9)
1960	27898 (30.2)	59307 (64.1)	5297 (5.7)
1970	25016 (24.1)	71399 (68.8)	7293 (7.0)
1980	27311 (23.6)	78116 (67.4)	10485 (9.0)
1990	22389 (18.3)	85253 (69.7)	14607 (11.9)
2000	18385 (14.6)	85731 (68.2)	21598 (17.2)
2010	16921 (13.3)	81189 (63.8)	29243 (23.0)
2050*	13573 (12.5)	55162 (50.9)	39594 (36.5)

Составлено по: UN, World population prospects 2012, Medium variant¹⁹.

Уже в конце 1990-х годов число людей старше 65 лет превысило число людей младше 15 лет (подобная ситуация к 2010 г. также успела сложиться, например, в Германии, Испании, Италии). До 2015 г. скорость старения японского общества будет, вероятно, продолжать отличаться внушительной быстротой, потому что как раз к этому рубежу дети первого послевоенного беби-бума достигнут 65-летнего возраста. Затем рассматриваемый процесс несколько замедлится, однако к 2030 г. ускорится вновь, так как дети второго послевоенного беби-бума достигнут 65 лет. Национальный институт изучения проблем населения и социального обеспечения прогнозирует, что в 2050 г. средний возраст японцев будет составлять 53.4 года²⁰.

Сдвиги в возрастной структуре населения находят свое отражение в изменениях коэффициента демографической нагрузки, представляющего собой отношение общего числа населения в нетрудоспособном возрасте (младше 15 лет и старше 65 лет) к населению трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет). С 1990 г. коэффициент демографической

¹⁸ Общества, где доля лиц старше 65 лет превышает 14%.

¹⁹ UN, World Population Prospects: the 2012 Revision. Population Database. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/index.htm> (дата обращения: 14.04.2014).

²⁰ Kokuritsu shakai hoshō: jinko: mondai kenkyū:jo, Nihon no sho:rai suiikei jinko: 2011–2060. January 2012. URL: <http://www.ipss.go.jp/syoushika/tohkei/newest04/gh2401.pdf> (дата обращения: 14.04.2014).

нагрузки в Японии непрерывно повышался (как следует из приведенных выше статистических данных, именно за счет увеличения доли населения старше 65 лет) более того текущие изменения в структуре населения обусловят его дальнейший быстрый и значительный рост. Увеличение демографической нагрузки при прочих равных условиях имеет неблагоприятные последствия для экономического развития страны, так как приводит к распылению капиталовложений в результате перемещения их из производственных отраслей в социальную сферу, а также к понижению уровня сбережений в связи с ростом потребления домашних хозяйств.

Таблица 5

Государственные расходы на социальное обеспечение, здравоохранение и пенсии в ряде развитых стран, % от ВВП

	1980			1990			2000			2010		
	социальное обеспечение	здравоохранение	пенсии	социальное обеспечение	здравоохранение	пенсии	социальное обеспечение	здравоохранение	пенсии	социальное обеспечение	здравоохранение	пенсии (2009)
Великобритания	16.5	5.0	–	16.8	4.9	4.8	18.6	5.6	5.3	23.7	8.0	6.2
Германия	22.1	6.6	–	21.7	6.3	9.7	26.6	8.2	11.2	27.1	8.9	11.3
Испания	15.6	4.2	–	20.0	5.1	7.9	20.4	5.2	8.6	26.5	7.1	9.3
Италия	18.0	–	–	20.0	6.1	10.1	23.3	5.9	13.6	27.8	7.4	15.4
Канада	13.7	5.3	–	18.1	6.6	4.2	16.5	6.2	4.3	18.6	8.1	4.5
США	13.2	3.7	–	13.5	4.9	6.1	14.5	5.9	5.9	20.0	8.5	6.8
Франция	20.8	5.6	–	24.9	6.4	10.6	27.7	8.0	11.8	32.2	9.0	13.7
Япония	10.4	4.6	–	11.3	4.6	4.9	16.5	6.2	7.4	22.4 ⁰⁹	7.6	10.2

Составлено по: OECD Factbook 2013²¹.

Все это показывает, насколько по-разному можно подойти к анализу, казалось бы, очевидных данных. Увеличение продолжительности жизни в Японии отражает и рост ее качества, т. е. является свидетельством успеха проводимой японским государством политики в области медицины и пенсионного обеспечения. Все это действительно так, и страна может только гордиться столь высокими показателями. Однако, изучая экономический аспект указанных выше изменений, невозможно отвлечься от другой стороны данного вопроса. Для получения таких результатов Японии приходится с каждым годом все больше тратить на здравоохранение и соцобеспечение (табл. 5), а значит, с каждым годом на плечи работающих людей ложится все большая нагрузка.

²¹ OECD, OECD Factbook 2013, OECD Publishing, Paris, 2013.

2. Влияние демографических изменений на качественные и количественные характеристики рабочей силы

Размеры экономики страны при прочих равных условиях зависят от размеров ее рабочей силы. Япония – одна из немногих крупных развитых стран, где на всем протяжении непосредственно послевоенного периода (до 1990 г.) устойчиво возрастала доля населения трудоспособных возрастов, от 15 до 64 лет (табл. 4). Этот рост, безусловно, отражал и увеличение абсолютной численности населения Японии, ставшее результатом общенациональной политики поощрения рождаемости, развернутой правительством Японии еще в 1920-х годах.

Вместе с тем доля экономически активного населения в общей численности населения Японии сокращается на протяжении последних 60 лет и по прогнозам Международной организации труда эта тенденция не изменится в ближайшие десятилетия. В 2010 г. указанный показатель составил 60.4%, что ниже, чем Великобритании (61.9%), США (63.7%) и Канаде (66.6%)²². При этом стоит подчеркнуть, что уровень экономической активности людей старше 65 лет в Японии очень высок (21.7% в 2010 г.). Однако и он снижается в течение последних пяти десятилетий, что, вероятно, объясняется ростом в данной возрастной категории доли людей старше среднего фактического возраста выхода на пенсию в Японии. Кстати, пенсионерами японцы становятся совсем не торопятся: в 2011 г. по данным ОЭСР граждане Японии в среднем выходили на пенсию в 68 лет (для сравнения: в США – 65 лет, в Великобритании – 63 года, в Канаде – 63.2 года, в Испании – 62.9 года, в Германии – 61.7 года, в Италии – 60 лет, во Франции – 59.3 года)²³. Заметим также, что сокращение экономически активного населения связано не только с ростом доли пожилых людей в общей численности населения, но и с пассивностью современной японской молодежи.

Кроме того, в Японии постепенно снижается и среднее количество отработанных часов в расчете на одного занятого (табл. 6). Это результат внедрения пятидневной рабочей недели, увеличения числа праздников и прочих мер, предпринятых Японией в рамках общемировой тенденции, продвигаемой Международной организацией труда.

Две вышеуказанные тенденции, сокращение доли экономически активного населения и уменьшение среднего количества отработанных часов в расчете на одного занятого, ведут к сокращению общего годового количества отработанных человеко-часов (табл. 7).

²² Подсчитано по ILO, EAPEP 1990–2020. October 2011. URL: http://laborsta.ilo.org/applv8/data/EAPEP/eapep_E.html (дата обращения: 14.04.2014).

²³ OECD, Ageing and Employment – Policies – Statistics on average effective age of retirement. URL: <http://www.oecd.org/pensions/public-pensions/ageingandemploymentpolicies-statisticsonaverageeffectiveageofretirement.htm> (дата обращения: 14.04.2014).

**Среднее количество отработанных за год часов
(в расчете на одного занятого) в ряде развитых стран**

Страна	Среднее количество отработанных за год часов (в расчете на одного занятого)						Изменение 1970–2012 гг.
	1970	1980	1990	2000	2010	2012	
Великобритания	1937	1767	1765	1700	1652	1654	–14.6%
Германия	1935	1725	1558	1471	1404	1393	–28.0%
Испания	2040	1912	1741	1731	1673	1666	–18.3%
Италия	2045	1859	1867	1861	1772	1752	–14.3%
Канада	1877	1808	1780	1770	1706	1717	–8.5%
США	1902	1813	1831	1836	1778	1790	–5.9%
Франция	1970	1795	1644	1523	1480	1479	–24.9%
Япония	2243	2121	2031	1821	1733	1745	–22.2%

Подсчитано и составлено по: OECD, Productivity database²⁴.

**Общее количество отработанных за год человеко-часов
в ряде развитых стран**

Страна	Общее количество отработанных за год человеко-часов (млн)						Изменение 1970–2012 гг.
	1970	1980	1990	2000	2010	2012	
Велико-британия	47945	44327	47428	46722	47939	48815	+1.8%
Германия	64465	59197	59149	57922	57004	57973	–10.1%
Испания	26580	23687	24022	28401	31650	29623	+11.5%
Италия	40763	39728	42202	42681	43708	43212	+6.0%
Канада	14176	18353	21572	23857	26885	27901	+96.8%
США	156510	184008	218862	257086	245208	253326	+61.9%
Франция	42447	41015	39071	38970	39655	39873	–6.1%
Япония	123244	125590	131762	119947	111751	111974	–9.2%

Подсчитано и составлено по: OECD, Labour productivity growth in total economy²⁵.

Как видно из табл. 7, среди рассмотренных стран с проблемой сокращения общего годового количества отработанных человеко-часов к началу 2010-х годов столкнулись только Германия, Япония и Франция. Значит, именно в этих трех странах совокупность изменений указанных выше двух факторов оказалась наименее благоприятной.

²⁴ OECD, Productivity database. URL: <http://www.oecd.org/statistics/productivity> (дата обращения: 14.04.2014).

²⁵ OECD, Labour productivity growth in total economy. URL: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DatasetCode=PDYGTN> (дата обращения: 14.04.2014).

В указанных трех государствах общее количество отработанных за год человеко-часов в расчете на одного занятого за 40 лет (1970–2010) сократилось в среднем на 25%, при этом рост численности экономически активного населения составил в Германии всего 21.9%, во Франции – 41.8%, в Японии – 24.1%²⁶ (для сравнения: в США за этот же период времени аналогичные показатели были равны соответственно –6.5% и +90.5%, а в Канаде – –9.1% и +114.8%).

Теоретически интенсивное использование новых технологий и другие средства повышения эффективности могли бы нивелировать эффект от уменьшения объема отработанных человеко-часов. Однако, как ни удивительно, несмотря на сложившийся образ передовой технологической державы, Япония отстает от других развитых стран и по такому показателю, как производительность труда! Согласно расчетам международной исследовательской компании The Conference Board, в 2013 г. производительность труда в Японии составила всего 26 долл. в час в международных ценах 1990 г., скорректированных с учетом ИПС (для сравнения: в Великобритании – 31USD/час, в Германии – 30USD/час, в Канаде – 29USD/час, в США – 41USD/час)²⁷.

Конечно, темпы роста производительности труда за последние 60 лет в Японии были высоки (за период с 1950 по 2010 г. она увеличилась в 12 раз), но они постепенно замедлялись: если за период с 1950 по 1980 г. производительность труда в Японии выросла в 6 раз, то за следующие 30 лет – только в 2 раза²⁸. Судя по приведенным выше данным, этого роста недостаточно для того, чтобы компенсировать сокращение общей численности рабочей силы и среднего количества отработанных человеко-часов (график 4). Стране необходимо срочно искать другие источники экономического роста!

Одной из причин замедления темпов роста производительности труда, вероятно, является старение общества, которое приводит к тому, что повышается и средний возраст рабочей силы. Если в 1960 г. по данным ОЭСР году люди в возрасте от 15 до 24 лет составляли 23.3% рабочей силы, от 25 до 44 лет – 45.3%, от 45 до 64 лет – 26.4%, а старше 65 лет – только 5%, то к 2012 г. это соотношение изменилось на 7.9%, 43.2%, 39.6% и 9.2% соответственно (график 5)²⁹.

²⁶ Подсчитано по базам данных ILO, LABORSTA, Total and economically active population by age group. URL: http://laborsta.ilo.org/data_topic_E.html; EAPEP 1990–2020. URL: http://laborsta.ilo.org/applv8/data/EAPEP/eaep_E.html (October 2011) (дата обращения: 14.04.2014).

²⁷ The Conference Board, Total Economy Database. URL: <http://www.conference-board.org/data/economydatabase/> (дата обращения: 15.01. 2014).

²⁸ Подсчитано по The Conference Board, Total Economy Database. URL: <http://www.conference-board.org/data/economydatabase/> (дата обращения: 15.01. 2014).

²⁹ OECD database, Labour force statistics by sex and age – composition. URL: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=LFS_SEXAGE_I_R (дата обращения: 15.01. 2014).

ЯПОНИЯ: 1971–2012

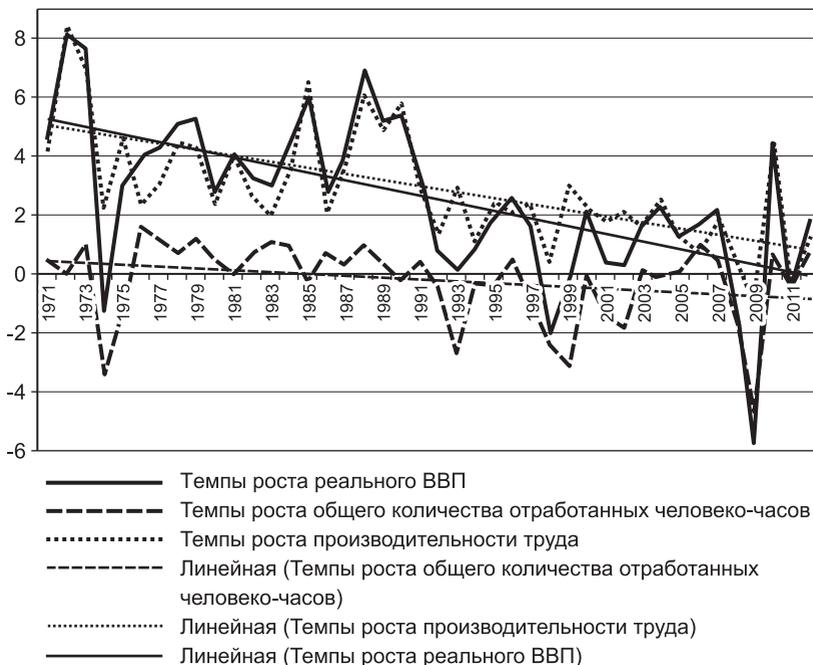
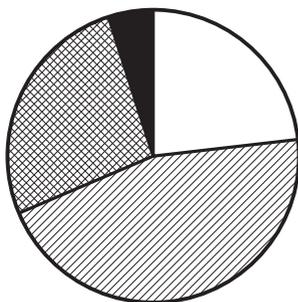

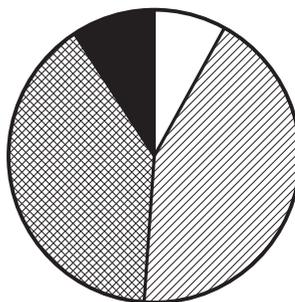
График 4. Изменение темпов роста реального ВВП, общего количества отработанных человеко-часов и производительности труда в Японии (1971–2012)

Составлено по: OECD, Productivity database.

Япония: возрастной состав рабочей силы (1970)

Япония: возрастной состав рабочей силы (2012)

□ 15–24 ▨ 25–44 ▩ 45–64 ■ 65+

График 5. Изменение возрастной структуры рабочей силы в Японии, 1970–2012 гг.

Составлено по: OECD database, Labour force statistics by sex and age – composition

Таким образом, если демографические показатели в Японии не изменятся, то численность рабочей силы и производительность труда в стране будут продолжать сокращаться, причем быстрее, чем в других развитых странах. Грядущий демографический сдвиг не только замедлит темпы экономического роста Японии, но и может привести к свертыванию масштабов национальной экономики, так как из-за уменьшения общей численности имеющейся рабочей силы будет снижаться и совокупная величина зарплаты, что, вероятно, вызовет сжатие спроса, имеющего непосредственное влияние на размер ВВП.

Возможности обеспечения необходимой рабочей силой. В связи с описанными в выше процессах, Япония впервые столкнулась с острой необходимостью пополнения рабочей силы. В «период высоких темпов роста» в условиях увеличения спроса на труд, число работников пополнялось за счет притока сельского населения, кроме того росло количество рабочих часов. В 1990-х – 2000-х годов эти источники практически иссякли. Однако в определенной степени резерв рабочей силы составляют женщины, лица старших возрастов и иммигранты, также может принести свои плоды политика снижения трудозатрат и прежде всего внедрения достижений научно-технического прогресса.

Что касается женщин, то основными препятствиями для включения их в рабочую силу остаются все еще очень сильные японские традиции, в соответствии с которыми женщины должны полностью заниматься ведением домашнего хозяйства и уходом за детьми. Власти Японии прилагают усилия, в том числе законодательного порядка, для создания условий, чтобы женщинам было легче совмещать работу с воспитанием детей: увеличивают отпуска по уходу за детьми, пособия на детей, создают дополнительные дневные детские центры. Тем не менее нельзя забывать о том, что по объективным причинам, связанным с женской физиологией, они не могут заменить мужчин на некоторых видах работ, кроме того вынуждены прерывать свою трудовую деятельность на сравнительно длительный период в связи с рождением детей. Для работодателей это является серьезным аргументом против и приема женщин на работу, и повышения их в должности. Кроме того, при уходе в отпуск по уходу за ребенком японкам сложнее, чем женщинам в других развитых странах, сохранить за собой прежнее место работы, поэтому многие из них находят новое (чаще – по временному найму), а значит, экономика теряет квалифицированные кадры. По оценкам Международной Организации Труда в 2010 г. доля женщин в общей численности экономически активного населения Японии составила 42.4% по сравнению с 47.1% в Канаде и Франции, 46.1% – в США, 45.9% – в Великобритании, 45.5% – в Германии, 44.3% – в Испании

и 40.3% – в Италии³⁰. Таким образом, уровень экономической активности женщин в Японии ниже, чем во всех других рассматриваемых развитых странах, кроме Италии, и, следовательно, резерв увеличения числа работающих женщин еще достаточно велик.

Не менее важным возможным источником пополнения рабочей силы являются японские пенсионеры. Многие из них вынуждены уходить на пенсию в связи с достижением пенсионного возраста, но в большинстве своем они сохраняют трудоспособность, находятся в хорошем состоянии здоровья – по данным ВОЗ на 2012 г. ожидаемая продолжительность здоровой жизни при рождении в Японии составляет 75 лет³¹ – и стремятся продолжать работать. В ситуации, когда сокращается численность молодой рабочей силы и увеличивается число вполне работоспособных пенсионеров, правительство и предприниматели начинают адаптировать к ней систему занятости. Еще в 1971 г. был принят Закон о найме лиц пожилого возраста, впоследствии получивший название «Закон о стабилизации найма лиц пожилого возраста». Затем в 1995 г. появился «Основной закон по проблемам стареющего общества», а в 1996 г. – «Общие принципы политики в условиях старения общества» и т. д. В последнем, в частности, говорится о необходимости осуществления программы обеспечения занятости для лиц старших возрастов и создании подходящих условий труда для пожилых людей, а также об организации центров образования и переподготовки для них. При приеме на работу все больше внимания уделяется профессиональным качествам человека вне зависимости от его возраста. Кроме того, разрабатывается техника, облегчающая выполнение ряда задач и позволяющая лицам пожилого возраста активно работать.

Главным образом пожилые люди находят работу в сфере мелкого бизнеса: на семейных предприятиях, в ремонтных мастерских, в сфере обслуживания, а некоторые переезжают в деревню и начинают заниматься сельским хозяйством. Научные работники, закончив свою деятельность в государственных НИИ и университетах, часто продолжают работать по специальности в частных вузах, в компаниях, в кооперативных организациях, а затем становятся почетными профессорами. Некоторые пенсионеры начинают работать в некоммерческих организациях и в качестве волонтеров не только в Японии, но и за рубежом. Активные действия правительства в данном направлении могут приносить плоды и в дальнейшем, хотя надо учитывать тот факт, что как бы ни были компетентны в своей области люди старших воз-

³⁰ Данные ILO, LABORSTA и EAPEP 1990–2020. URL: http://laborsta.ilo.org/applv8/data/EAPEP/eapep_E.html (дата обращения: 22.10. 2011).

³¹ WHO, Life expectancy, Data by country. URL: <http://apps.who.int/gho/data/node.main.688> (дата обращения: 14.04. 2014).

растов, они не смогут в полной мере восполнить недостаток молодой рабочей силы, особенно в век высоких технологий, так как большинство пожилых людей придерживаются консервативных взглядов и не склонны рисковать и осваивать новые методы деятельности, быстро реагируя на изменяющуюся окружающую действительность.

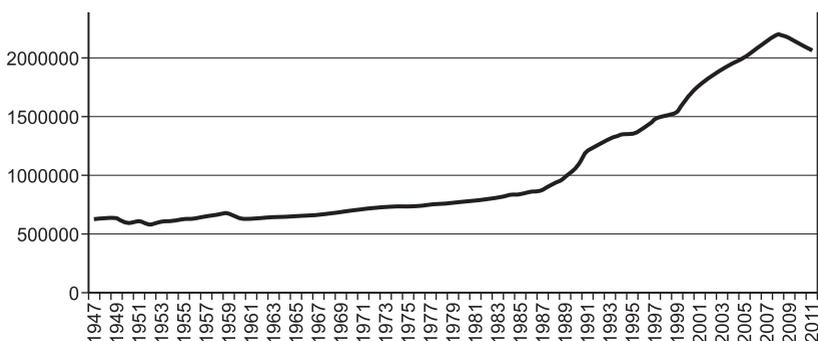

График 6. Число зарегистрированных иностранцев, проживающих на территории Японии, 1947–2011 гг.

Составлено по: Статистическое бюро Японии, Историческая статистика Японии³²; данные Министерства иностранных дел Японии³³.

Еще одна из возможных мер по преодолению недостатка рабочей силы – это привлечение иммигрантов. Однако японцы до сих пор с недоверием относятся к иностранцам и наемным работникам из-за рубежа. Тем не менее страна постаралась отреагировать на приток иностранцев, начавшийся еще в семидесятые годы прошлого века, пересмотрев Закон об иммиграционном контроле и признании иностранных граждан беженцами, а также принятием поправок к Закону о трудовых стандартах 1947 г. Постепенно иммиграционный контроль был ослаблен: ускорена процедура рассмотрения визовых заявок на въезд, увеличены сроки максимального пребывания иностранных граждан, упрощена процедура получения гражданства лицами, имеющими статус «постоянного проживания в стране», студенты, прибывающие в Японию на учебу, получили возможность подрабатывать. Таким образом приоткрылся и рынок постоянного труда, и приток иностранцев начал постепенно расти (график 6). По прогнозам ООН, сделанным в 1998 г., к 2050 г. страна будет нуждаться в 17 млн

³² To:kei-kyoku, Nihon-no cho:ki to:kei keiretsu. URL: www.stat.go.jp/data/chouki/zuhyou/02-12.xls (дата обращения: 15.01.2015).

³³ Gaimusho; Hito shusabetsu teppai jo:yaku dai 7-kai dai 8-kai dai 9-kai seifu ho:koku. URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/jinshu/pdfs/houkoku_789_2.pdf (дата обращения: 14.04.2014).

мигрантов³⁴. Пока же в Японии их еще очень мало: в 2006 г. число иностранцев составляло всего 1.6% от общей численности населения страны, в то время как доля иностранных граждан в Италии равнялась 5.0%, в Великобритании – 5.8%, в Канаде – 6.0%, в США – 7.4%, в Германии – 8.2%, в Испании – 10.3%³⁵.

Это частично объясняется тем, что согласно базисному плану иммиграционного контроля 2000 г. политика японских властей направлена прежде всего на прием квалифицированной рабочей силы, а приезд низкоквалифицированных работников является нежелательным, кроме того, не приветствуется предоставление иностранцам работы, которую могли бы выполнять сами японцы³⁶. В целом использование такого резерва, как иностранная рабочая сила представляется весьма болезненным вопросом для японского общества. Нельзя забывать, что на протяжении длительного периода своей истории Япония была зарытой страной, и психологические последствия этого ощущаются до сих пор.

Безусловно, один из важнейших факторов, способных компенсировать нехватку рабочей силы, – это повышение производительности труда. Как упоминалось выше, по данному показателю Япония отстает от других рассматриваемых развитых стран, а ведь именно в его росте, по мнению некоторых аналитиков, может заключаться ключ к экономическому возрождению страны³⁷. Низкая производительность труда, вероятно, объясняется комплексом факторов, касающихся повышения среднего возраста рабочей силы, о котором говорилось выше, и особенностей японского менеджмента (система пожизненного найма, оплата по старшинству, защита неэффективных секторов экономики от конкуренции). Принято считать, что данные особенности были благом в «период высоких темпов роста» и позволили стране совершить экономический рывок, однако в книге «Японская экономическая модель: может ли Япония конкурировать?», авторами которой являются Майкл Портер, Хиротака Такеути и Марико Сакакибара, эта точка зрения ставится под сомнение. Авторы книги считают в корне неверным общепринятое представление о том, что к беспрецедентному росту конкурентоспособности Японии привел комплекс мер, проводившихся для стимулирования экономики японским правительством, и особый

³⁴ UNPD, Replacement Migration: Is It a solution to Declining and Ageing Populations? URL: <http://www.un.org/esa/population/publications/ReplMigED/migration.htm>

³⁵ OECD, OECD Factbook 2009, OECD Publishing. Paris, 2009.

³⁶ Ho:musho:, Shutsunyu:koku kanri kihon keikaku. URL: http://www.moj.go.jp/nyuukokukanri/kouhou/nyukan_nyukan40.html

³⁷ *Usui Ch. Japan's Aging Dilemma? // Asia Program Special Report. № 107. January 2003.*

стиль менеджмента японских корпораций³⁸. Подчеркивается, что прославленный японский «бюрократический капитализм», вмешательство правительства в экономику оказывается губительным для производительности и процветания нации. Япония должна выработать новые подходы и новую модель – высокоприбыльное и трудосберегающее производство в условиях более жесткой конкуренции.

Наконец, последняя возможность восполнить недостающую рабочую силу, о которой хотелось бы упомянуть, – это вывод производства в развивающиеся страны. Однако в начале XXI в. в развитых странах, в том числе в Японии, наблюдается обратный процесс. Это вызвано рядом причин: повышение уровня заработной платы в этих странах, неразвитая инфраструктура и трудности в защите прав интеллектуальной собственности.

Сможет ли Япония преодолеть развивающийся демографический кризис, успешно использовав указанные выше резервы рабочей силы? Мнения специалистов на этот счет расходятся. Так, в работе «Экономика демографического кризиса» В.Б. Рамзеса последовательно отстаивается та точка зрения, что все эти меры будут недостаточными и драматическое свертывание масштабов экономики Японии неизбежно³⁹. «Никакое резонно воображаемое увеличение найма женщин и лиц старших возрастов не помешает тому, что численность экономически активного населения будет сокращаться», – пишет он. Что касается поощрения притока иностранных работников, то, по мнению В.Б. Рамзеса, оно не решит, а просто переложит проблемы, связанные с демографическими сдвигами, на плечи будущих поколений. Согласно его оценкам, для сохранения численности рабочей силы, которую Япония имела в 2008 г., стране потребовалось бы в 2030 г. примерно 24 млн работников-иммигрантов, т.е. более 20% работающего населения, что представляется трудноосуществимым. К возможности решения проблемы уменьшающейся рабочей силы за счет автоматизации В.Б. Рамзес также относится скептически, ведь уже к началу 1990-х годов Япония сосредотачивала у себя приблизительно 60% действующих промышленных роботов мира, однако предельная производительность обнаружила тенденцию к стремительному падению, что, по его мнению, связано с чрезмерным инвестированием в автоматизацию, дававшее крайне низкую доходность.

Тем не менее автор разделяет более оптимистическую точку зрения, которой придерживается, например, С.Б. Маркарьян, о чем она написала в своей статье «Демографическая ситуация и ее возможные

³⁸ *Портер М.Е., Такеути Х., Сакакибара М.* Японская экономическая модель: может ли Япония конкурировать? М., 2005.

³⁹ *Рамзес В.Б.* Экономика демографического кризиса // Япония: свет и тени. М., 2008. С. 29–93.

последствия»⁴⁰. Во-первых, необходимо учитывать тот факт, что старение нации – это длительный процесс, занимающий несколько десятилетий, за которые могут измениться не только демографические параметры японского общества, но и устоявшиеся институты трудовых и семейных отношений, система социального обеспечения и даже экономика в целом. Уже сейчас понятно, что новые условия требуют гибкости и мобильности, и многие сложившиеся принципы отношений в японском обществе должны уйти в прошлое. Будущее японской экономики зависит от огромного числа факторов, в том числе от демографического, который, вне всякого сомнения, будет очень важным, но нельзя однозначно утверждать, что решающим. Во-вторых, есть вероятность того, что японская нация сможет преодолеть психологические барьеры, касающиеся традиционной роли женщины и увеличения числа иммигрантов. Во многом этому может содействовать процесс глобализации, в который Япония в последние десятилетия пытается включиться более активно. Наконец, нельзя исключать возможность серьезных технологических прорывов в ближайшие десятилетия. Таким образом, несмотря на то, что демографический кризис, с которым столкнулась Япония, безусловно, окажет ощутимое негативное влияние на развитие экономики, есть вероятность того, что правящие круги страны смогут мобилизовать нацию и смягчить последствия демографических сдвигов. Конечно, меньшая численность населения вряд ли позволит Японии оспаривать места стран, которые займут лидирующие позиции в мировой экономике, но это отнюдь не означает, что Япония покинет группу наиболее развитых и влиятельных стран мира.

Список литературы

- Брода Ч.* Невероятно сжимающаяся страна // Экономист. 2004. Ноябрь.
ВОЗ. Ожидаемая продолжительность жизни, данные по странам. URL: <http://apps.who.int/gho/data/node.main.688>
- Маркарьян С.Б.* Демографическая ситуация и ее возможные последствия // Япония. 2009. № 38. С. 154–175.
- Международная ассоциация делового участия и исследований. Общая экономическая база данных. URL: <http://www.conference-board.org/data/economydatabase/> (15.01. 2014).
- МИД Японии. Дзинсю сабэцу тэппай ё:яку даи-7-кай даи-8-кай даи-9-кай сэифу хо:коку (Конвенция ликвидации расовой дискриминации, Отчеты правительства № 7, 8, 9). URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/jinshu/pdfs/houkoku_789_2.pdf
- Министерство здравоохранения, труда и благосостояния Японии. Омона нэнрэй-но хэйкин ёмё: 2012 (Средняя продолжительность жизни по основным возрастным группам). URL: <http://www.mhlw.go.jp/toukei/saikin/hw/life/life12/dl/life12-02.pdf> (дата обращения: 14.04.2014).

⁴⁰ *Маркарьян С.Б.* Демографическая ситуация и ее возможные последствия // Япония. 2009. № 38. С. 154–175.

- Министерство здравоохранения, труда и благосостояния Японии. Резюме демографической статистики. URL: <http://www.mhlw.go.jp/english/database/db-hw/populate/dl/01.pdf>
- Министерство юстиции Японии. Сюцуню:коку канри кихон кэикаку (Базовый план миграционного контроля). URL: http://www.moj.go.jp/nyuukokukukanri/kouhou/nyukan_nyukan40.html
- Митчелл Б.Р. Международная историческая статистика: 1750–2000. Нью-Йорк, 2007.
- МОТ. База данных по статистике труда. URL: http://laborsta.ilo.org/data_topic_E.html
- МОТ. Экономически активное население, оценки и прогнозы 1990–2020, база данных. URL: http://laborsta.ilo.org/applv8/data/EAPEP/eapep_E.html (дата обращения: 22.10.2011).
- Национальный институт изучения проблем населения и социального обеспечения. Нихон-но сё:раи суйкэи дзинко: 2011–2060 (Оценка будущей численности населения Японии: 2011–2060). URL: <http://www.ipss.go.jp/syoushika/tohkei/newest04/gh2401.pdf> (дата обращения: 26.01.2012)
- Национальный институт изучения проблем населения и социального обеспечения. Дзинко: то:кэи сирё:сю: 2006-нэн (Собрание статистических материалов по численности населения за 2006 год). URL: <http://www.ipss.go.jp/syoushika/tohkei/Popular/Popular2006.asp?chap=0>
- Национальный институт изучения проблем населения и социального обеспечения. Дзинко: то:кэи сирё:сю: 2013-нэн (Собрание статистических материалов по численности населения за 2013 год). URL: <http://www.ipss.go.jp/syoushika/tohkei/Popular/Popular2013.asp?chap=0>
- ООН. Перспективы мирового населения. Редакция 2012 года, база данных по населению. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/index.htm> (дата обращения: 14.04.2014)
- ОЭСР. База данных по производительности труда. URL: <http://www.oecd.org/statistics/productivity>
- ОЭСР. Выдержки из статистики. URL: <http://stats.oecd.org/>
- ОЭСР. Книга фактов ОЭСР 2009. Париж, 2009.
- ОЭСР. Книга фактов ОЭСР 2013. Париж, 2013.
- ОЭСР. Политика в области старения населения и занятости, Статистические данные. URL: <http://www.oecd.org/els/emp/ageingandemploymentpolicies.htm>
- Портер М.Е., Такеути Х., Сакакибара М. Японская экономическая модель: может ли Япония конкурировать? М., 2005.
- Программа развития ООН. Заменяющая миграция: решение для стран с уменьшающимся и стареющим населением? URL: <http://www.un.org/esa/population/publications/ReplMigED/migration.htm>
- Рамзес В.Б. Экономика демографического кризиса // Япония: свет и тени. М., 2008. С. 29–93.
- Статистическое бюро Японии. Нихон то:кэи нэнкан 2014 (Статистический ежегодник Японии 2014). URL: <http://www.stat.go.jp/data/nenkan/pdf/z02-1.pdf>
- Статистическое бюро Японии. Нихон-но тё:ки то:кэи кэйрэнцу (Историческая статистика Японии). URL: <http://www.stat.go.jp/data/chouki/>
- Управление национальной статистики Великобритании. База данных. URL: <http://www.statistics.gov.uk/StatBase/Expodata/Spreadsheets/D9903.xls>
- Усуи Ч. Дилемма старения японского общества? // Специальный отчет Азиатской программы Международного центра Вудро Вильсона для ученых. 2003. № 107. Январь. С. 16–22.

References

- Broda Ch. *The incredible shrinking country* // The Economist. 2004. November.
- ILO. *Economically Active Population, Estimates and Projections 1990–2020 database*. URL: http://laborsta.ilo.org/applv8/data/EAPEP/eapep_E.html. 2011. October.
- ILO. LABORSTA database. URL: http://laborsta.ilo.org/data_topic_E.html

- Markarjan S.B. *Demograficheskaia situacija i ejo vozmozhnye posledstvija* (The Demographic Situation and Its Possible Consequences) // Japonija. M., 2009. P. 154–175.
- Ministry of Health. *Labour and Welfare of Japan. Summary of vital statistics*. URL: <http://www.mhlw.go.jp/english/database/db-hw/populate/dl/01.pdf>
- Ministry of Health. *Labour and Welfare. Omona nenrei no heikin yomyo: 2012* (Life expectancy by main age groups 2012). URL: <http://www.mhlw.go.jp/toukei/saikin/hw/life/life12/dl/life12-02.pdf>, data extracted April 2014
- Mitchell B.R. *International historical statistics: 1750–2000*. N. Y., 2007.
- MOFA. *Hito shusabetsu teppai jo:yaku dai 7-kai dai 8-kai dai 9-kai seifu ho:koku* (Convention of Racial Discrimination Elimination, Government reports № 7, 8, 9). URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/jinshu/pdfs/houkoku_789_2.pdf
- MOJ. *Shutsunyu:koku kanri kihon keikaku* (Basic Plan of Migration Control). URL: http://www.moj.go.jp/nyuukokukanri/kouhou/nyukan_nyukan40.html
- National Institute of Population and Social Security Research, *Jinko: to:kei shiryo:shu: 2006-nen* (Population statistics Data 2006). URL: <http://www.ipss.go.jp/syoushika/tohkei/Popular/Popular2006.asp?chap=0>
- National Institute of Population and Social Security Research, *Jinko: to:kei shiryo:shu: 2013-nen* (Population statistics Data 2013). URL: <http://www.ipss.go.jp/syoushika/tohkei/Popular/Popular2013.asp?chap=0>
- National Institute of Population and Social Security Research, *Nihon no sho:rai suikei jinko: 2011–2060* (Future estimated population of Japan). January 2012. URL: <http://www.ipss.go.jp/syoushika/tohkei/newest04/gh2401.pdf>
- OECD. *Ageing and Employment Policies, Statistical data*. URL: <http://www.oecd.org/els/emp/ageingandemploymentpolicies.htm>
- OECD, *OECD Factbook 2009, OECD Publishing*. Paris, 2009.
- OECD, *OECD Factbook 2013, OECD Publishing*. Paris, 2013.
- OECD, *Productivity database*. URL: <http://www.oecd.org/statistics/productivity>
- OECD, StatExtracts. URL: <http://stats.oecd.org/>
- Porter M.E., Takeuchi H., Sakakibara M. *Can Japan Compete?* M., 2005.
- Ramzes V.B. *Ekonomika demograficheskogo krizisa* (The Economy of the Demographic Crisis) // Japonija: svet i teni. M., 2008. P. 29–93.
- Statistics Bureau of Japan, *Nihon to:kei nenkan 2014* (Japan Statistical Yearbook 2014). URL: <http://www.stat.go.jp/data/nenkan/pdf/z02-1.pdf>
- Statistics Bureau of Japan, *Nihon-no cho:ki to:kei keiretsu* (Historical Statistics of Japan). URL: <http://www.stat.go.jp/data/chouki/>
- The Conference Board, *Total Economy Database*. 2014. January. URL: <http://www.conference-board.org/data/economydatabase/>
- The Office for National Statistics of UK database. URL: <http://www.statistics.gov.uk/StatBase/Expodata/Spreadsheets/D9903.xls>
- UN, World Population Prospects: the 2012 Revision. Population Database. 2014. 14.04. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/index.htm>
- UNPD, Replacement Migration: Is It a solution to Declining and Ageing Populations? URL: <http://www.un.org/esa/population/publications/ReplMigED/migration.htm>
- Usui Ch. Japan's Aging Dilemma? // Woodrow Wilson International Center for Scholars Asia Program Special Report. 2003. № 107. January. P. 16–22.
- WHO, Life expectancy, Data by country. URL: <http://apps.who.int/gho/data/node.main.688>

Сведения об авторе: Саакян Анна Рубеновна, аспирант кафедры международных экономических отношений ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: anna.r.saakyan@yandex.ru

About the author: Saakyan Anna Rubenovna, postgraduate student of the Department of World Economic Relations, Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: anna.r.saakyan@yandex.ru

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Африка. История и историки / Отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 448 с.

Перед нами новый сборник, посвященный анализу исторических взглядов современных африканских ученых, подготовленный сотрудниками Центра африканских исследований Института Всеобщей истории РАН (среди них – и «ветераны» нашей африканистики, и авторы, лишь недавно начавшие работу в этой области науки). Это направление исследований – не новое. Еще в 80-е годы прошлого века вышли такие коллективные работы, как «Историческая наука в странах Африки» (М., 1978), «Этнографическая наука в странах Африки» (М., 1978), ряд статей в периодических изданиях. Они основывались на изучении трудов тогда еще немногочисленных африканских авторов. Издавались и тексты, написанные последними. Достаточно вспомнить сборник «Говорят африканские историки» (М., 1977), переводы воспоминаний и теоретических работ многих политических деятелей независимых государств Африки (Секу Туре, Кваме Нкрума, Агоштиньо Нету и др.). Нередко они, бывая в Москве, давали интервью и/или дарили свои книги, тексты докладов и выступлений.

Сейчас положение изменилось. Значительно сократилось число переводов и наших прямых контактов с африканскими историками, прекратилось радиовещание на Африку, которое немало делало для понимания процессов на континенте (в том числе через письма радиослушателей). В самой Африке еще несколько десятков лет назад африканцев, занимающихся историей, было немного (да и среди них собственно историки иногда не выделялись из среды политических деятелей). Ныне во всех странах Африки есть университеты (иногда по несколько), исследовательские центры, Ассоциации историков. Африканские ученые активно участвуют в международных конференциях, проводят свои научные форумы; они много публикуются: издаются и отдельные работы, и статьи в европейских и американских журналах. Есть и научные журналы в странах Африки. Появились историки нового поколения, а взгляды историков-первопроходцев зачастую претерпели изменения. Все это говорит о своевременности и важности рецензируемого сборника.

Настоящий сборник не просто продолжает уже существующее направление – изучение африканской историографии, но и предлагает совершенно новый подход. В нем мы видим параллельную публикацию аналитических заметок российских и иностранных ученых (из Мадагаскара, Франции, ЮАР), а рядом – тексты, написанные самими африканскими авторами, что, безусловно, является очень продуктивным новшеством. Во-первых, это переводы на русский язык ранее неизвестных текстов. Во-вторых, размещение

рядом с публикацией оригинального материала авторского аналитического текста позволяет читателю самому составить мнение относительно развития исторической науки на континенте. Наконец, такого рода публикации вводят в научный оборот новые оригинальные тексты, расширяя и обогащая корпус источников по истории Африки.

Открывается рецензируемый сборник большой статьей академика А.Б. Давидсона, в которой ответственный редактор определяет цели исследования. «Цель книги, – пишет он, – попытаться понять, как видят прошлое своих народов и стран в Тропической и Южной Африке (когда-то говорили Черной Африке). И, как видят, место своего прошлого во всей истории человечества» (с. 5), «выявить основные тенденции в характере их исследований» (с. 13). Автор выделяет три этапа развития африканской историографии. С конца XIX до середины XX в. – появление самых первых еще немногочисленных работ (правда, надо заметить, что еще в XVIII в. в германских университетах работал Антон Вильгельм Амо из Ганы, бывший раб, ставший в Бранденбурге доктором философии. – Э.Л.). Второй этап (с 1950 по 1990-е годы) связан со значительным ростом интереса к изучению истории своих стран, но лишь через призму антиколониальной борьбы. Наконец, для третьего этапа характерны утрата эйфории и иллюзий, поиски корней нынешних трудностей развития и путей их преодоления.

Авторы и составители постарались как можно полнее представить и региональное разнообразие, и различные подходы африканских исследователей к историческим проблемам, волнующим современных жителей континента. Среди статей есть и совершенно новые по поставленным проблемам и по привлеченным авторам из стран, ранее остававшихся за рамками интереса российских исследователей. Так, пожалуй, впервые дается обзор работ сомалийских авторов (Л.В. Иванова); анализируется такой феномен, как долгое отсутствие интереса к светской истории современных эфиопских историков (Г.Е. Цыпкин); рассматриваются исторические проблемы через труды литераторов (М.С. Кубрак); восполняются некоторые лакуны – так, российские африканисты редко обращались к изучению исторической науки, например, в Гвинее (В.И. Евсеенко). Очень интерес анализ дипломных работ студентов-африканцев, обучавшихся во Франции (А.С. Балезин). Это еще один оригинальный исторический источник, до сей поры не привлекавшийся африканистами мира. То же можно сказать о статье французского ученого К. Кокри-Видрович, обратившей внимание на эмигрантские издания африканских авторов. Весьма важен материал, подготовленный И.В. и Е.С. Кривушиными, о трагических событиях в Руанде в конце XX в. Это, пожалуй, первое научное аналитическое сочинение, подготовленное не журналистами, а профессиональными африканистами. Авторы проводят исследование в историческом контексте, показывая, что истоки трагедии коренятся в глубине веков. Убедительно доказывается, что тутси и хуту – не отдельные этносы, как часто писали, а этносоциальные «касты» (см, например, соот-

ветствующие статьи в издании «Африка. Энциклопедический словарь» (М., 1990). Важно и интересно то обстоятельство, что сопровождает статью текст очевидца и активного участника тех событий Т. Басогора. Стоит отметить и очень подробный профессиональный анализ «Всеобщей истории Африки» в восьми томах, подготовленной под эгидой ЮНЕСКО, где авторами многих разделов и редакторами всех томов были африканцы (А.С. Балезин).

Несомненно, достоинством сборника является наличие «саммери» статей (как шаг к изданию англоязычного варианта?) и приложения с подробным, почти исчерпывающим перечнем исторических журналов, издающихся в странах Африки с электронными адресами.

Жаль, однако, что очень интересный подход сочетания аналитических статей и переводов оригинальных текстов не всегда соблюдается. Так, последние отсутствуют в статьях об исторических исследованиях в Сомали и Эфиопии. Безусловно, невозможно в одном сборнике охватить и весь континент (за исключением Гвинеи и Руанды представлены англоязычные страны Африки), и различные школы и направления работы африканских историков (авторы сосредотачиваются на проблемах новейшего времени). Интересно было бы проследить динамику интересов и взглядов (или ее отсутствие) африканских историков, работающих не одно десятилетие, таких, например, как Айи Аджайи, Али Мазруи и др. Статьи о Дж. Кейсли Хейфорде, У. Дюбуа и др. дают статику, а не динамику их взглядов. Однако это лишнее доказательство того, что предпринятое авторами сборника исследование намечает новое направление, которое должно, безусловно, развиваться нашими африканистами. Уже сейчас заметны изменения в подходах к изучению истории африканскими учеными, появляются и новые темы. Так, пересматривается роль миссионеров, которая ранее оценивалась как однозначно отрицательная; причины проблем (прошлых и настоящих) видятся уже не только и не столько в «происках колониализма», но и в особенностях собственного исторического развития африканских стран. Все чаще обращение к истории не только своего этноса или своей страны, как ранее, но континента в целом; растет интерес к изучению корней расовых конфликтов, к истории миграций и формированию диаспор и т. д.

Фундированность, хороший научный (без наукообразия) язык сборника дают возможность читателю представить положение в африканской историографии, узнать новые факты. Безусловно, он будет полезен и интересен не только профессиональным африканистам, но всем интересующимся историей Африки.

Э.С. Львова

Сведения об авторе: *Львова Элеонора Сергеевна*, докт. ист. наук, профессор кафедры африканистики ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: africanstudies@iaas.msu.ru

About the author: *Lvova Eleonora Sergeevna*, PhD., professor of the Department of African Studies, Institute of the Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: africanstudies@iaas.msu.ru

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение» публикует статьи, материалы и сообщения, рецензии и библиографические обзоры, информацию о круглых столах и конференциях по своему научному профилю.

Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных (в том числе географических названий), а также сведений энциклопедического характера.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к **формату** текста статей:

- текстовый редактор Microsoft Word (версия 6.0, 7.0, 95, 97, 2000 и т. д.);
- шрифт Times New Roman или Times New Roman Cyrillic 12-й кегль;
- полуторный междустрочный интервал;
- поля 2,54×3,17;
- объем рукописи до 20 тыс. знаков с пробелами (для аспирантов – строго до 15 тыс. знаков с пробелами).

Требования к **форме** предоставления статей:

- текст предоставляется на компакт-диске (или присылается на электронный адрес редколлегии) в формате RTF (rich text format) и в распечатанном виде (можно прислать указанные материалы простым письмом по почте на адрес института с пометой «для Вестника МГУ»);
- если в статье используются дополнительные шрифты (старославянские, древнегреческие и т. д.), то они должны быть записаны на диск;
- схемы, рисунки, алгоритмы и иной иллюстративный материал необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных страницах.

Статья должна содержать обязательные элементы, без которых ее публикация невозможна:

- аннотацию (3–5 предложений) и ключевые слова (3–6 слов/словосочетаний) на русском и английском языках;
- сведения обо всех авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;
- ссылки на цитируемые произведения должны быть оформлены **в тексте в виде подстрочных примечаний**, а список процитированных произведений должен быть вынесен **в конец статьи в виде списка литературы**.

Статьи, оформленные не по правилам, не будут приниматься к публикации.

Помните, что набор текстов в других редакторах или программах, сохранение их на вирусных или дефектных дисках, а также распечатка без соблюдения требований к шрифту, его размеру, междустрочному интервалу, некачественная печать могут существенным образом усложнить процесс публикации ваших статей.

Материалы сдаются в редколлегию по: e-mail: office@iaas.msu.ru

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Рукописи не возвращаются. Рецензии не высылаются. Редакция в переписку с авторами не вступает. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

Плата за публикацию рукописей (в том числе с аспирантов) не взимается.

УЧРЕДИТЕЛИ:

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Институт стран Азии и Африки МГУ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

МЕЙЕР М.С., президент ИСАА МГУ, докт. ист. наук, профессор – главный редактор

ГЕВЕЛИНГ Л.В., зам. директора по научной работе, докт. полит. наук, профессор – зам. главного редактора

ЗАХАРЬИН Б.А., зав. кафедрой индийской филологии, докт. филол. наук, профессор – зам. главного редактора

ВОЛЧКОВА Е.В., доцент кафедры истории Китая – ответственный секретарь

Члены редколлегии:

Ацамба Ф.М., профессор кафедры истории Ближнего и Среднего Востока;
Быкова С.А., доцент, зав. кафедрой японской филологии; **Видясова М.Ф.**, профессор, зав. кафедрой политологии стран Востока; **Воскресенский Д.Н.**, доцент кафедры китайской филологии; **Громова Н.В.**, профессор, зав. кафедрой африканистики; **Деопик Д.В.**, профессор кафедры истории Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии; **Карапетьянец А.М.**, профессор кафедры китайской филологии; **Лапина З.Г.**, профессор лаборатории экологии культуры Востока; **Мельяницев В.А.**, профессор, зав. кафедрой международных экономических отношений; **Сафронова А.Л.**, профессор кафедры Южной Азии; **Фридман Л.А.**, профессор кафедры экономики и экономгеографии; **Фролов Д.В.**, профессор, зав. кафедрой арабской филологии

Редактор *И.В. Краснослободцева*

Корректор *И.В. Луканина*

Технический редактор *З.С. Кондрашова*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации № 1563 от 14 февраля 1991 г.

Адрес редакции:

*125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5.
Тел. 8 (495) 697-31-28*

Подписано в печать 01.06.2015. Формат 60×90¹/₁₆.
Гарнитура Таймс. Бумага офс. № 1. Усл. печ. л. 6,0.
Уч.-изд. л. 6,1. Тираж экз. Изд. № 10 348. Заказ №

Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5.

Типография МГУ.
119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

Отпечатано: Публичное акционерное общество «Т8 Издательские Технологии».
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.

ISSN 0201–7385
ISSN 0320–8095

ИНДЕКС 71013 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 40552 (каталог «Пресса России»)

ISSN 0201–7385. ISSN 0320–8095
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 13. ВОСТОКОВЕДЕНИЕ. 2015. № 2. 1–96.